
РАССКАЗЫ О ПРИРОДЕ
Игорь Акимушкин
СЛЕДЫ
НЕВИДАННЫХ
ЗВЕРЕЙ

ГЕОГРАФГИЗ

РАССКАЗЫ О ПРИРОДЕ

Игорь Акимушкин

СЛЕДЫ НЕВИДАННЫХ ЗВЕРЕЙ

Государственное Издательство Географической Литературы
МОСКВА · 1961

...Жили на земле птицы-великаны — ростом больше слона! В лесах Конго обитает водяное чудовище, пожирающее бегемотов... На зоологов одной экспедиции в Камеруне напал птеродактиль... Лайнер „Санта Клара“ столкнулся в океане с морским змеем, а норвежский корабль „Брунсвик“ был атакован гигантским кальмаром...

Что здесь правда, а что вымысел?..

Если вас увлекают зоологические приключения и сокровенные тайны джунглей, вы с интересом прочтете книгу „Следы невиданных зверей“. Вы узнаете и о драконах из Комодо, и о страшной нунде (кошке ростом с осла!), о сказочной птице феникс и о том, сколько новых зверей и птиц открыто учеными за последние полвека и какие еще неведомые существа скрываются в лесных дебрях и морских глубинах нашей планеты.

Игорь Иванович Акимушкин

*

СЛЕДЫ НЕВИДАННЫХ ЗВЕРЕЙ

*

Редактор *С. Н. Кумкес*
Младший редактор *Н. Е. Кузьмина*
Художник *В. А. Дувидов*
Художественный редактор *Е. А. Радкевич*
Технический редактор *Р. С. Лобанова*
Корректор *Г. И. Ландратова*

*

Т-05848. Сдано в производство 15/II—61 г. Подписано в печать 16/XI-61 г.
Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Печатных листов 8. Условных листов 13,12.
Издательских листов 13,54. Тираж 100 000 экз. (пер. зав. 1—25 000 экз.)
Цена 41 коп. Переплет 15 коп.
Москва, В-71. Ленинский проспект, 15, Географгиз.
Набор первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова
Отпечатано с матриц в 1-й тип. Трансжелдориздата МПС.
Б. Переяславская, 46. Заказ 1810.

ВВЕДЕНИЕ

В сентябре 1957 года японские зоологи исследовали пойманного китобоями морского зверя. Зверь оказался ремнезубым китом, неизвестного науке вида. Китом!

Находка эта символична. Во второй половине XX столетия, когда человечество, создав сверхскоростные ракеты, смело устремилось в космический мир, у нас дома, на Земле, вдруг обнаруживаются такие недосмотры —«непримеченные» киты! Как видно, животный мир нашей планеты исследован еще далеко не так хорошо, как об этом обычно говорят. За последние полвека пресса не раз оповещала читателей о неведомых птицах, зверях или рыбах, обнаруженных где-либо в дебрях тропического леса или в глубинах океана. А сколько крупных зоологических открытий вообще не было замечено широкой публикой! О них знают только специалисты.

Чем объяснить, что природа все еще преподносит натуралистам неожиданные сюрпризы?

Дело в том, что на Земле много труднодоступных, еще почти не поддающихся обследованию мест. Одно из них — океан. Едва ли не три четверти земной поверхности покрыто морем. Около четырех миллионов квадратных километров морского дна погребено в чудовищных глубинах свыше шести тысяч метров. В их мрачные пределы орудия лова, изобретенные человеком, вторгались всего лишь несколько десятков раз. Подсчитайте: приблизительно одно глубоководное траление на 40 тысяч квадратных километров морского дна!

Несоизмеримость этих цифр лучше всяких слов убеждает нас в том, что океанские глубины до сего дня фактически не исследованы.

Не удивительно поэтому, что буквально каждый трал, опущенный на значительную глубину, обязательно приносит со дна моря неизвестных специалистам животных.

В 1952 году американские ихтиологи тралили в Калифорнийском заливе и выловили даже здесь не менее 50 разновидностей неведомых им рыб. Но поистине непочатый край самых неожиданных находок открылся советским ученым, проникшим в океанскую пучину при помощи новейшего оборудования научно-исследовательского судна «Витязь». Всюду, где им приходилось работать: и в Тихом, и в Индийском океанах, открывали они неведомых рыб, осьминогов, моллюсков, червей.

Даже на Курильских островах, где и раньше побывала не одна экспедиция, советские ученые (С. К. Клумов и его сотрудники) сделали неожиданные открытия. На острове Кунашир обнаружили ядовитых змей. До этого считалось, что на Курилах водятся лишь неядовитые полозы. Здесь же нашли неизвестных прежде тритонов, древесных лягушек и сухопутных пиявок совсем особого вида.

Зоологи «Витязя» извлекли со дна моря еще более необыкновенных существ — фантастических погонофор. Это животные, которых природа «забыла» наделить наиболее необходимыми для поддержания жизни органами — ртом и кишечником!

Как они питаются?

Самым невероятным образом — при помощи щупалец. Щупальца и ловят пищу, и переваривают ее, и всасывают питательные соки, которые по кровеносным сосудам расходятся во все участки тела.

Еще в 1914 году у берегов Индонезии поймали первого представителя погонофор. Второго обнаружили у нас в Охотском море 29 лет назад. Но ученые долго не могли найти этим странным созданиям подходящее место в научной классификации живой природы.

Лишь исследования «Витязя» помогли собрать достаточно обширные коллекции уникальнейших существ. Изучив эти коллекции, зоологи пришли к выводу, что погонофоры не принадлежат ни к одной из девяти крупнейших зоологических групп — так называемых типов *

---

* Большинство зоологов разделяют животный мир на следующие типы: 1) простейшие (амебы, инфузории и другие одноклеточные); 2) губки; 3) кишечнополостные (медузы, кораллы); 4) черви; 5) червеобраз-

животного царства. Погонофоры составили особый, десятый, тип. Так необычно их строение.

Погонофор стали обнаруживать сейчас во всех океанах, даже в Северном Ледовитом. Распространены они по всему свету и, видно, совсем не редки на дне моря. А. В. Иванов, ленинградский зоолог, которому наука обязана наиболее тщательными исследованиями погонофор, пишет, что эти животные чрезвычайно изобильны во многих местах своего обитания. «Тралы приносят здесь массу населенных и пустых трубок погонофор, забивающих мешок трала и даже висящих на раме и тросе».

Почему же до самого последнего времени столь многочисленные существа не попадались в руки морских исследователей? А поймать их нетрудно: погонофоры ведут неподвижный образ жизни.

Да потому не попадались, что ученые только еще начинают по-настоящему проникать в глубины океанов и морей. Безусловно, нас ожидает здесь множество самых удивительных открытий. Пока изучена лишь незначительная часть морских животных. Самые крупные и подвижные обитатели глубин вообще не могут быть пойманы обычными орудиями рыболовных и экспедиционных судов. Тралы, сети, невода для этого просто не годятся. Вот почему некоторые исследователи говорят: «В океане все возможно!»

Есть на земле еще одно место, где перед натуралистом с первых же шагов открываются многообещающие возможности. Но проникнуть в его тайны не легче, чем в океанскую бездну. Не глубины и даже не заоблачные высоты охраняют это место, а совсем другие препятствия. Их великое множество, и все они опасны.

Речь идет о тропическом лесе. Суровая Антарктида прославилась своей недоступностью. Но в ее снегах, хотя и с невероятными трудностями, можно передвигаться на специально оборудованных машинах. В тропическом лесу любой вездеход застрянет у самого старта.

До финиша человек здесь может добраться, пользуясь лишь средством передвижения, данным ему от природы. Какие в пути предстоят ему испытания, мы узнаем из следующей главы.

ные (мшанки, плеченогие); 6) моллюски (улитки, ракушки, осьминоги); 7) членистоногие (раки, пауки, насекомые); 8) иглокожие (морские звезды, морские ежи) и 9) хордовые (асцидии, рыбы, лягушки, змеи, птицы, млекопитающие).

ЧЕРНЫЕ КОШМАРЫ И «БЕЛЫЕ ПЯТНА» ДЖУНГЛЕЙ

УЖАСЫ „ЗЕЛЕНОГО АДА“

«Кто-то сказал,— пишет Аркадий Фидлер *,— что для человека, вступающего в джунгли, бывает только два приятных дня. Первый день, когда, ослепленный их чарующим великолепием и могуществом, он думает, что попал в рай, и последний день, когда, близкий к сумасшествию, он бежит из этого зеленого ада».

* Аркадий Фидлер — известный польский путешественник и писатель. На русском языке изданы его книги «Зов Амазонки», «Тайна Рио-де-Оро» и др.

Чем же так ужасен тропический лес?

Представьте себе безбрежный океан гигантских деревьев. Они растут так тесно, что их вершины переплелись в непроницаемый свод.

Причудливые лианы и ротанги густой сетью опутали и без того непроходимые дебри. Стволы деревьев, узловатые щупальца лиан поросли мхами, гигантскими лишайниками. Мох всюду — и на гниющих стволах, и на малюсеньких, с «носовой платок», клочках не занятой деревьями земли, и в мутных ручьях и ямах, наполненных густой черной жижей.

Нигде нет ни пучка травы. Всюду мхи, грибы, папоротники, лианы, орхидеи и деревья; деревья — чудовищные исполины и тщедушные карлики. Все теснятся в борьбе за свет, лезут друг на друга, переплетаются, перекручиваются безнадежно, образуя непролазную чащу.

Вокруг господствует серо-зеленый сумрак. Не видно ни восхода, ни солнечного заката, ни самого солнца на небе.

Никакого ветра. Ни самого слабого дуновения. Воздух неподвижен, как в оранжерее, насыщен парами воды и углекислого газа. Пахнет гнилью. Сырость невероятная — до 90—100% относительной влажности!

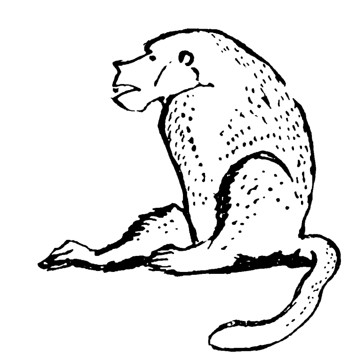
И жара! Термометр днем почти всегда показывает 40° С выше нуля. Жарко, душно, сыро! Даже деревья, их жесткие, точно восковые, листья покрылись «испариной» — крупными каплями сгустившихся паров влаги. Капли набегают одна на другую, падают с листа на лист никогда не перестающим дождем, всюду в лесу звенит капель.

Лишь у реки можно дышать свободно. Пробив брешь в чудовищном нагромождении живых и мертвых деревьев, река несет в затхлую пучину дебрей прохладу и свежесть.

Вот почему все экспедиции, проникавшие в глушь тропического леса, шли в основном по рекам и по их берегам. Даже пигмеи бамбути, которые, по общему мнению, лучше других народов приспособлены к жизни в лесных дебрях, избегают далеко уходить от речных долин, этих «столбовых дорог» тропического леса.

Бродячие, так называемые лесные индейцы, вроде племени кампа, тоже не углубляются далеко в страшную «сельву» *. В своих передвижениях по лесам Амазонии

* Местное название южноамериканского тропического леса.

они в общем следуют вдоль рек и лесных протоков, которые служат им ориентирами.

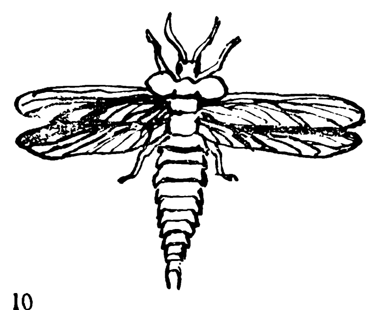
В самые глухие уголки тропического леса еще не ступала нога человека.

А эти «уголки» не так уж малы. На три тысячи километров в глубь материка, от Гвинеи до вершин Рувензори, сплошным массивом протянулись тропические леса Африки. Их средняя ширина — около тысячи километров. Протяженность лесов Амазонии еще значительнее — свыше трех тысяч километров с востока на запад и две тысячи километров с севера на юг — семь миллионов квадратных километров, две трети Европы! А леса Борнео, Суматры и Новой Гвинеи? Около 14 миллионов квадратных километров суши нашей планеты занимают непроходимые лесные дебри, мрачные, душные, сырые, в зеленом сумраке которых «притаились безумство и ужас».

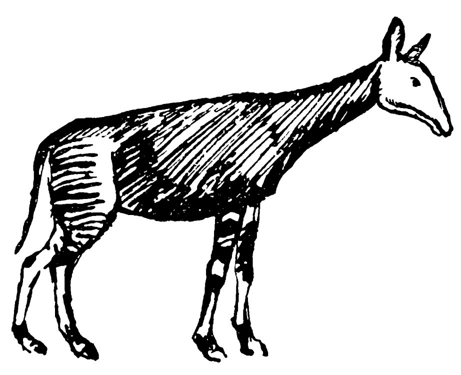
«О СЕЛЬВА, СУПРУГА БЕЗМОЛВИЯ, «МАТЬ ОДИНОЧЕСТВА И ТУМАНОВ!»

«Какая злая судьба заточила меня в твою зеленую тюрьму? Шатер твоей листвы, как огромный свод, вечно над моей головой... Дай мне уйти, о сельва, из твоего болезнетворного сумрака, отравленного дыханием существ, которые агонизируют в безнадежности твоего величия. Ты кажешься огромным кладбищем, где сама превращаешься

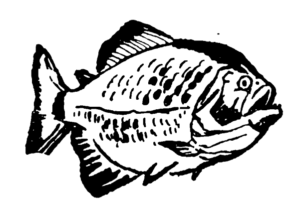

в тлен и снова возрождаешься...

Где же поэзия уединенных рощ, где бабочки, подобные прозрачным цветкам, волшебные птицы, певучие ручьи? Жалкое воображение поэтов, которым ведомо лишь домашнее одиночество.

Ни влюбленных соловьев, ни версальских парков, ни сентиментальных панорам! Здесь монотонный хрип жаб, подобный хрипу больных водянкой, глушь нелюдимых холмов, гнилые заводи на лесных реках. Здесь плотоядные растения усыпают землю мертвыми пчелами; отвратительные цветы сокращаются в чувственной дрожи, а сладкий запах их пьянит, как колдовское зелье; пух коварной лианы слепит животных, прингамоса обжигает кожу, плод куруху снаружи кажется радужным шаром, а внутри он подобен едкой золе; дикий виноград вызывает понос, а орехи — сама горечь...

Сельва, девственная и кровожадно-жестокая, нагоняет на человека навязчивую мысль о неминуемой опасности... Органы чувств сбивают с толку разум: глаз осязает, спина видит, нос распознает дорогу, ноги вычисляют, а кровь громко кричит: «Бежим, бежим!»

Я не знаю более выразительного описания гнетущего впечатления, которое производит на человека девственный лес! Автор этого отрывка колумбиец

Хосе Ривера хорошо знал «кровожадно-жестокую сельву». Участвуя в работах смешанной пограничной комиссии по урегулированию спора между Колумбией и Венесуэлой, он немало времени провел в первобытном лесу Амазонской низменности и испытал все его ужасы.

Поражает контраст между этим мрачным описанием тропического леса и восторгами перед его красотами, которые часто приходится встречать на страницах приключенческой литературы. Откровенно говоря, мы больше привыкли к восторженным рассказам о природе тропиков. Представляя себе тропический лес, мы обычно воскрешаем в памяти картины сказочного величия девственной природы: причудливое переплетение лиан, огромные и яркие цветы, сверкающих, как самоцветы, бабочек и колибри, раскрашенных, словно елочные украшения, попугаев и зимородков. Всюду яркое солнце, чудесные краски, оживление и звонкие трели. Красота чарующая!

Так-то оно так: во всем здесь бездна красоты, только не следует ни лежать, ни сидеть на этой преисполненной жизни земле. Можно лишь постоянно двигаться.

«Попробуйте,— пишет исследователь Африки Стенли,— положить руку на дерево или растянуться на земле, присесть на обломившийся сук и вы постигнете, какая сила деятельности, какая энергичная злоба и какая истребительная жадность вас окружает. Откройте записную книжку — тотчас на страницу садится дюжина бабочек, пчела вертится над вашей рукой, другие пчелы норовят вас ужалить в самый глаз, гудит перед ухом оса, перед носом снует громадный слепень, и целая стая муравьев ползет к вашим ногам: берегитесь! Передовые уже залезли на ноги, быстро взбираются наверх, того и гляди запустят свои острые челюсти в ваш затылок... О, горе, горе!»

Очень неприятны мелкие пчелы. Ни читать, ни писать, ни есть невозможно, сетует Стенли, если преданный человек все время их не отгоняет. Они норовят ужалить в глаз, но, впрочем, лезут и в уши, и в ноздри.

В числе других «неприятностей» этот исследователь упоминает фараонову вошь, или, по-местному, джиггер. Она откладывает яйца под ногтем большого пальца ног. Ее личинки расползаются по всему телу, «превращая его в скопище гнойных струпьев».

Маленький жучок тоже забирается под кожу и колет, точно иголкой. Всюду большие и малые клещи и сухопут-

ные пиявки, которые сосут кровь бедных путешественников, а ее «и так немного осталось». Бесчисленные осы жалят так, что доводят человека до исступления, а если набросятся всей стаей — то и до смерти. Тигровая улитка падает с ветвей и оставляет на коже вашего тела «ядовитый след своего присутствия, так что вы от боли корчитесь и кричите благим матом». Красные муравьи, нападая по ночам на лагерь, не дают никому спать. От укусов черных муравьев «испытываешь муки ада». Муравьи всюду! Они залезают под одежду, падают в кушанья. Проглотишь их с полдюжины — и «слизистые оболочки желудка будут изъязвлены».

Приложите ухо к стволу упавшего дерева или к старому пню. Слышите, какой там внутри гул и стрекотание?

Это возятся, жужжат, поедают друг друга бесчисленные насекомые и, конечно, муравьи, муравьи разных пород и размеров. Муравьи, которые водятся в этом «царстве ужасов», не только причиняют своими укусами невыразимые страдания. По почве, устланной телами гниющих деревьев и мхов, среди тлетворных испарений болот Амазонии бродят миллионные полчища муравьев-эцитонов, по-местному — «тамбоча». Как сигналы лютой опасности, звучат в сельве зловещие крики птиц-муравьедов, предупреждая все живое о приближении «черной смерти». Большие и малые хищники, насекомые, лесные свиньи, гады, люди — все бегут в панике перед походными колоннами эцитонов. Многие исследователи писали об этих прожорливых тварях. Но лучшее описание принадлежит опять-таки Хосе Ривера:

«Вопль его был страшнее клича, возвещавшего о начале войны:

— Муравьи! Муравьи!

Муравьи! Это означало, что людям немедленно следовало прекратить работу, бросить жилища, огнем проложить себе путь к отступлению, искать убежища где попало. Это было нашествие кровожадных муравьев тамбоча. Они опустошают огромные пространства, наступая с шумом, напоминающим гул пожара. Похожие на бескрылых ос с красной головой и тонким тельцем, они повергают в ужас своим количеством и своей прожорливостью. В каждую нору, в каждую щель, в каждое дупло, в листву, в гнезда и ульи просачивается густая смердящая волна, пожирая голубей, крыс, пресмыкающихся, обращая в бегство людей и животных...

Через несколько мгновений лес наполнился глухим шумом, подобным гулу воды, прорвавшей плотину.

— Боже мой! Муравьи!

Тогда всеми овладела одна мысль: спастись. Они предпочли муравьям пиявок и укрылись в небольшой заводи, погрузившись в нее по шею.

Они видели, как прошла первая лавина. Подобно далеко разлетающемуся пеплу пожара, шлепались в болото полчища тараканов и жуков, а берега его покрывались пауками и змеями, и люди баламутили тухлую воду, отпугивая насекомых и животных. Листва бурлила, как кипящий котел. По земле двигался грохот нашествия; деревья одевались черным покровом, подвижной оболочкой, которая безжалостно поднималась все выше и выше, обрывая листья, опустошая гнезда, забираясь в дупла».

РЕКА, В КОТОРОЙ НЕЛЬЗЯ КУПАТЬСЯ

В «ужасной сельве» нельзя без предосторожностей ни сесть, ни лечь на мягких подушках изумрудных мхов, покрывающих землю. Нельзя здесь без большого риска и искупаться. Изнурительный зной гонит под сень речной прохлады обитателей дебрей. Но страх перед опасностями великой реки заставляет их поспешно отступать, едва утолив жажду несколькими глотками.

Многочисленные крокодилы и водяные удавы еще не самые опасные твари, обитающие в Амазонке и ее бесчисленных притоках.

Здесь водятся удивительные рыбы, похожие на огромных толстых червей. Это электрические угри. Они прячутся на дне тихих заводей, а потревоженные человеком или зверем, мечут молнии во всех направлениях — один за другим вспыхивают в реке электрические разряды. Напряжение тока в момент разряда «электрорыбы» может достигать 500 вольт! Человек, получив электрическую затрещину, не сразу приходит в себя. И были случаи, когда люди тонули на мелком броде, напоровшись на раздраженную компанию электрических угрей.

Обитают в великой Амазонии и ядовитые скаты-хвостоколы — типичные, казалось бы, морские жители. Кроме Амазонки, они не водятся больше ни в каких реках, а только в морях.

У хвостокола арайя, как называют его бразильцы, на хвосте сидят два зазубренных ядовитых стилета. Заметить зарывшегося в песок ската очень трудно. Получив удар сти-

летами, человек выскакивает из воды, подстегнутый невыносимой болью, точно огненной плетью. И тут же падает на песок, истекая кровью и теряя сознание. Говорят, что раны от отравленных стилетов арайя по большей части смертельны.

Но не хвостокол арайя — самое опасное речное животное Амазонии. И не акулы, которые заплывают сюда из океана и добираются до самых верховьев великой реки.

Истинный кошмар здешних мест — две небольшие рыбки: пирайя и кандиру. Там, где они водятся в большом числе, ни один человек в самую нестерпимую жару не рискнет даже по колено зайти в воду.

Пирайя величиной не больше крупного карася, но зубы у нее острые, как бритва. В один миг пирайя может перекусить палку толщиной в палец, отхватит и палец, если человек неосторожно сунет его в воду поблизости от «красной» пирайи *.

Нападая стаями, пирайи вырывают из тела плывущего животного куски мяса и за несколько минут обгладывают зверя до костей. Дикая свинья, спасаясь от ягуара, прыгает в реку. Она успевает проплыть лишь десяток метров — дальше волны несут ее окровавленный остов. Кровожадные рыбы, отдирая от костей остатки мяса, толкают его тупыми мордами, и безжизненный скелет только что полного сил зверя выплясывает над водой жуткий танец смерти.

Случается, что сильный бык, атакованный в реке пирайями, успевает выскочить на берег: он имеет вид освежеванной туши!

Другая опасная рыба Амазонки — кандиру, или карнеро, — малюсенькая, похожая на червя. Семь-пятнадцать сантиметров ее длина, а толщина — всего несколько миллиметров. Кандиру в мгновение ока забирается в естественные отверстия на теле купающегося человека и вгрызается изнутри в их стенки. Вытащить ее без хирургического вмешательства невозможно.

Эльгот Лендж, который прожил двенадцать полных приключений месяцев в амазонских лесах, рассказывает, что у

* В реках Южной Америки обитает 16 видов пирайи, но только четыре из них опасны для человека. Самая опасная, так называемая красная пирайя (Serrasalmo pattereri), или, по-местному, сайканга. Некоторые любители содержат красных пирай в аквариумах. Чтобы без риска пересадить этих свирепых рыб из одного аквариума в другой, подсыпают в воду снотворное. Материал, из которого изготовляют садки для пирай, должен быть очень прочным, так как стенки обычных сосудов из плексигласа они быстро прокусывают.

лесных жителей из-за страха перед кандиру вошло в обычай купаться лишь в особых купальнях. Низко над водой строят дощатый настил. В середине прорубают окно. Через него купальщик черпает скорлупой ореха воду и после тщательного ее осмотра обливает себя.

Ничего не скажешь — веселая жизнь!

ДНЕМ ОПАСНО СПАТЬ!

Многие новички в сельве жестоко поплатились за то, что решили здесь вздремнуть среди дня часок-другой. Опасаясь муравьев, путешественники устраивались в гамаках. Но, увы! они забыли про зеленых мух «варега». Спящий человек — находка для них: мухи варега откладывают яйца в его нос и уши. Через несколько дней из яиц выходят личинки и начинают поедать живого человека. Они уродуют лицо, прогрызая под кожей в лицевых мышцах глубокие ходы. Чаще всего выедают нёбо, а если личинок много, то они съедают большую часть лица, и человек умирает мучительной смертью.

Убережется спящий от отвратительных мух — его атакуют пиявки. Водяные и сухопутные, они живут здесь всюду — в каждой луже, во мху, под камнями, опавшими листьями, на кустах и деревьях. Сухопутные пиявки ползают удивительно быстро. Почувствовав добычу, с жадностью набрасыватся они на проходящих людей и животных, облепляют их ноги, шею, затылок. К спящему заползают в глотку, а то и в трахею. Насосавшись крови, пиявка разбухает, закрывает, как пробкой, трахею, и человек задыхается.

Немало и других ужасов подстерегает человека в «зеленом аду» тропиков.

Мной не названа и треть опасных животных, не упомянуто ни одного смертоносного растения. А разве мало и этого!

Вспомните также о хищных зверях, ядовитых тварях — змеях, пауках, скорпионах, тысяченожках, о мухах цеце, опустошающих целые области Африки, о южноамериканских клопах — переносчиках заболевания, похожего на сонную болезнь, о вампирах, клещах...

Здесь даже обычный дождь часто причиняет человеку мучительную лихорадку. Аркадий Фидлер на себе испытал, что в лесах Бразилии надо как огня избегать дождя. Он

быстро вызывает «сильную головную боль, расстройство желудка, лихорадку и иные недомогания».

Стенли рассказывает о быстрой смерти от холодного тропического ливня нескольких своих носильщиков.

Но самый страшный бич тропиков — это не хищные рыбы и муравьи, не ядовитые гады, а существа-невидимки: микроскопические бактерии и бациллы, возбудители опасных болезней.

Их сотни, изученных, полуизученных и неведомых специалистам. Малярия, сонная болезнь, ее южноамериканская «сестра» — болезнь Чагаса, тропическая амебная дизентерия, желтая лихорадка, малиновая оспа, фрамбезия, черная оспа, слоновая болезнь, бери-бери, черная болезнь калаазар, пендинская язва, лихорадка денге, бильгарциоз...

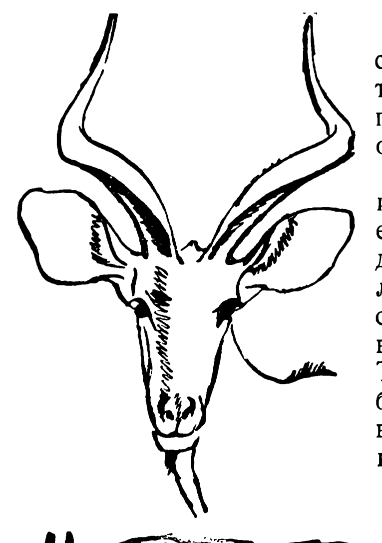
Да разве все перечтешь!

Против многих из них нет эффективных средств. Самая «излечимая» тропическая болезнь — малярия опустошает огромные области земного шара, целые страны становятся необитаемыми. Еще недавно только в одной Индии ежегодно заболевало малярией около 100 миллионов людей, а умирало более миллиона! В некоторых районах Африки сонная болезнь во время эпидемии убивает до двух третей населения. За несколько десятилетий от нее погибло больше миллиона человек.

Вот почему искатели приключений — путешественники, охотники, спортсмены и даже коллекционеры и исследователи в своих путешествиях по тропическим странам избегают смертоносных дебрей, сырых и мрачных лесов.

Редкий исследователь отваживался углубляться в страшную сельву. А кто отваживался, тот не всегда возвращался обратно.

Пробыв несколько месяцев в каком-нибудь «тольдо» европейца-поселенца или в приречной деревне индейцев и собрав научный материал из шкурок подстреленных зверей и птиц и пойманных на свет насекомых, зоологи спешат покинуть неприветливый край с его постоянными опасностями и изнурительными болезнями, где нельзя ни лечь, ни сесть, ни вздремнуть в прохладной тени, ни искупаться в жару, где даже дождя нужно смертельно бояться и где заблудиться так же легко, как в египетском лабиринте. Углубившись в лес на несколько километров, рискуешь никогда не вернуться обратно. За несколько мучительных месяцев, проведенных здесь, лес — храм сказочной красоты —

становится «храмом скорби», «матерью туманов и отчаяния», «супругой безмолвия». Скорее, скорее отсюда!

А деревья-исполины, чья мощь и суровость приводила в трепет еще первых конкистадоров, равнодушные к радостям и страхам человеческим, бдительно стоят на страже, охраняя входы и выходы в жилище неведомых еще тайн. Там, за непроницаемой стеной этих безмолвных стражей, — дикая сельва — трепещущее сердце девственной природы.

«НОВОРОЖДЕННЫЕ ВИДЫ»

«Не верьте всяким фантастическим россказням о джунглях, но помните, что здесь даже самые невероятные истории могут оказаться правдой».

Такой совет дает своим читателям К. Винтон в книге «Шепот джунглей». Более двадцати лет он посвятил исследованию тропических лесов Южной Америки. Вернулся на родину, в США, и выступил с циклом лекций под весьма неожиданным названием: «Гостеприимные джунгли». Он доказывал, что опасности этих мест сильно преувеличены авторами приключенческой литературы.

В книге «Шепот джунглей» К. Винтон пытается развенчать миф о «бесчеловечной сельве». Но доводы его звучат не совсем убедительно: разоблачая сенсации недобросовестных сочинителей, К. Винтон описывает лишь некоторых опасных животных Амазонии. Но даже в его доброжела-

тельной интерпретации подвиги вампиров, пирай, кандиру и других хищных тварей выглядят достаточно жутко.

Кандиру — не миф. Кандиру существуют, говорит К. Винтон, и действительно причиняют своим жертвам много мучений. Но этих кровожадных «бесов» иногда удается изгнать из тела человека чашкой горького сока плода ягуа, «от которого страшно тошнит».

Винтону и его спутникам приходилось в некоторых притоках Амазонки по шею заходить в воду, а пирайи проносились мимо, не обращая на них внимания. Но путешественники встретили индейца, у которого пирайя откусила указательный палец, когда он мыл руки в реке.

От летучих мышей-кровососов отлично защищает противомоскитная сетка, но вампиры сумели, однако, выпить за ночь из одного путника в Панаме много крови. Человек так ослаб, что на следующее утро едва тащился.

К. Винтон прекрасно описал жизнь многих обитателей тропического леса. Но доказать свой главный тезис — о гостеприимности джунглей — ему не удалось. Читателю, может быть, интересно знать, как появилась книга К. Винтона. Шла вторая мировая война. Американские солдаты, которых под благовидным предлогом «обороны американского континента» посылали в страны Центральной и Южной Америки, боялись сельвы. Они отказывались идти в джунгли. Командование армии попросило биолога К. Винтона прочитать цикл лекций о необоснованности их страхов. Винтон это выполнил. Из лекций родилась книга «Шепот

джунглей». Автор ее преследовал вполне определенную цель — показать тропический лес с хорошей стороны.

У нашей книги цель другая. Читатели увидят далее, что некоторые истории, рассказанные в ней, требуют пояснения. Почему, например, до сих пор не установлено с точностью, существуют ли в действительности африканский «медведь» или «сумчатый тигр»? Почему не поймана водяная мангуста, открытая более сорока лет назад в лесах Конго?

Ответ на эти вопросы — негостеприимность джунглей! Главная причина плохой изученности тропического леса — в недоступности его внутренних районов для проведения широких исследований. Арена научных поисков здесь столь обширна, а природа столь разнообразна, что для удовлетворительного познания ее сокровенных секретов недостаточны кратковременные экспедиции отдельных энтузиастов, время от времени являющихся сюда для сбора зоологических коллекций. Нужны совместные и дружные усилия сотен специалистов из разных стран и разных профессий, как в Антарктиде!

Только такая организация научных работ даст быстрые результаты и поможет раскрыть волнующие тайны «зеленого континента». В тропических лесах бесспорно скрывается еще немало неизвестных существ.

Ведь ежегодно, и главным образом в тропиках, зоологи открывают все новых и новых животных. Каждый год специалисты описывают в среднем около десяти тысяч новых видов, подвидов и вариэтетов. В основном это, конечно, мелкие животные — насекомые (половина всех новейших зоологических открытий), моллюски, черви, небольшие тропические рыбы, певчие птицы, грызуны, летучие мыши.

Правда, некоторые исследователи, мягко выражаясь, спешат с выводами и принимают за новый вид какую-нибудь разновидность уже известного науке животного, имеющую лишь незначительные отличия, так что число действительных открытий значительно меньше указанной цифры.

За последние 60 лет в различных странах (преимущественно в тропических лесах) найдены и крупные животные — 34 неизвестных прежде вида и подвида зверей и птиц. Двенадцать из них принадлежат не только к новым видам, но и к новым родам *, а одна странная птица — даже

---

* По правилам зоологической классификации близко родственные виды животных объединяются в один род, близкие между собой роды —

к новому семейству; эти животные, следовательно, наделены весьма своеобразными чертами и довольно резкими отличиями от уже известных науке видов.

Для большей убедительности я перечислю эти 34 вида новооткрытых животных.

Обезьяны

1. Горная горилла. Открыта в 1903 году в горных лесах Центральной Африки. Самая крупная из обезьян.

2. Карликовая горилла. Описана в 1913 году американским зоологом Эллиотом. Обитает в лесах правобережья нижнего течения Конго.

3. Карликовый шимпанзе. Описан зоологом Шварцем в 1929 году. В 1957 году немецкие зоологи Тратц и Гек выделили его в особый род человекообразных обезьян. Обитает в лесах Конго.

4. Сомалийский павиан. Открыт в Сомали в 1942 году.

5. Белоногая колоба, или шелковистая обезьяна, из Фернандо-По (остров в Гвинейском заливе, у берегов Камеруна). Описана в 1942 году.

Слоны

6. Африканский лесной, или круглоухий, слон. Открыт в 1900 году немецким зоологом Мачи в лесах Камеруна.

7. Карликовый слон. Описан немецким профессором Ноаком в 1906 году (в настоящее время считается подвидом лесного слона).

8. Болотный слон. Добыт в лесах Конго близ озера Леопольда II. Описан в 1914 году бельгийским зоологом профессором Шутеденом (подвид лесного слона).

Носороги

9. Суданский белый носорог, или носорог Коттона. Открыт в 1901 году английским путешественником Гиббонсом в болотах Южного Судана. Позднее обнаружен и в лесах Уэле (северо-восток Конго), считается подвидом южноафриканского белого носорога.

в семейства, семейства — в отряды, отряды — в классы, а классы — в типы. Виды тоже неоднородны, а состоят обычно из нескольких подвидов (географических рас), которые представляют собой, как правило, начальные стадии образования новых видов.

Другие копытные

10. «Лесная жирафа» окапи. Необычное животное, близкое к первобытным жирафам, обитавшим некогда по всей Африке и даже в Западной Европе. Открыто в 1900 году в лесах Итури и в других районах восточного Конго.

11. Гигантская лесная свинья — самый крупный представитель диких свиней, совмещает признаки европейских кабанов и африканских бородавочников. Открыта в 1904 году в горных лесах Кении.

12. Горная ньяла, антилопа со спиральными рогами. Открыта в 1910 году в горах Эфиопии. Ее ближайший родич — мозамбикская ньяла — обитает в Южной Африке.

13. Золотой такин, или «горный буйвол», странное копытное животное, которое в последнее время сближают с мускусными быками Гренландии. Открыт в 1911 году в Тибете. Его родич — серый такин — описан на 60 лет раньше, в 1850 году.

14. «Серый бык», или коу-прей. Открыт в 1937 году французским зоологом Урбеном в лесах Камбоджи. Один из самых крупных диких быков.

15. Черный тапир Суматры. Описан в 1936 году голландским зоологом Куипером. Подвид индийского тапира.

16. Аргентинская викунья, значительно более крупный подвид обыкновенной викуньи. Описан немецким зоологом Крумбигелем в 1944 году.

Хищники

17. Рыбоядная генетта, или «водяная мангуста». Открыта охотниками в тропических лесах Итури (северо-восточное Конго). Описана в 1919 году американским зоологом Алленом.

18. Королевский, или полосатый, гепард. Добыт в 1927 году в Южной Родезии охотником Купером, описан английским зоологом Пококом. Самый крупный представитель гепардов.

19. Горный волк Гагенбека. Описан в 1949 году немецким зоологом Крумбигелем по шкуре и черепу. По словам местных жителей, обитает в Кордильерах.

Водные млекопитающие

20. Белый дельфин. Открыт в 1918 году американским зоологом Миллером в озере Дунтинху в Китае.

21. Тасмцетус, или новозеландский кит (новый вид и род семейства клюворылых китов). Описан в 1937 году.

22. Новый вид морского льва. Открыт в 1953 году норвежским зоологом Сивертсеном на Галапагосских островах.

23. Короткомордый дельфин Огнева. Открыт в 1955 году советским зоологом М. Слепцовым в северо-западной части Тихого океана. Некоторые специалисты считают этот вид несуществующим.

24. Новый вид ремнезубого кита. Добыт в 1957 году у побережья Японии, описан в 1958 году японским зоологом доктором Нисиваки.

Птицы

25. Новый вид ворон. Открыт в 1934 году немецким орнитологом Штреземаном в лесах Квинсленда (штат на северо-востоке Австралии).

26. Африканский павлин. Открыт в 1936 году американским орнитологом Чэпином сначала в чулане Музея Конго (в Бельгии), потом в лесах Итури и Санкуру (Восточное Конго).

27. Заватариорнис Штреземана, странная птица, для классификации которой потребовалось создать новое семейство. Открыта в 1938 году итальянцем Мольтони в Южной Абиссинии.

28. Рогатый гокко. Открыт в 1939 году в тропических лесах Боливии.

29. Райская птица Майера. Описана в 1939 году английским зоологом Стонором.

30. Новая сова. Открыта в 1939 году немецким зоологом Нейманом на острове Целебес.

31. Беседочница особого рода. Открыта в 1940 году в лесах Новой Гвинеи.

32. Новый трогон, птица, напоминающая козодоя, но более крупная и красивая. Открыт в 1948 году в Колумбии.

33. Буревестник, названный «последним». Открыт в 1949 году в Тихом океане американским орнитологом Мэрфи.

Пресмыкающиеся

34. Гигантский варан. Открыт в 1912 году на острове Комодо (Индонезия).

Показательно, что из перечисленных животных 13 были открыты до 1925 года, а 21 — с 1925 по 1955 год. Это говорит о том, что природные «тайники», скрывающие неведомых зверей, еще не оскудели.

Вот, например, «неубывающая прогрессия» орнитологических открытий * за несколько послевоенных лет. В 1945 году было открыто три новых вида птиц, в 1946 году — семь, в 1947 году — три, в 1948 году — два, в 1949 году — четыре, в 1950 году — пять, в 1951 году — тоже пять.

Крупнейший специалист по систематике животных американский зоолог Эрнст Майер считает, что на земле обитает более 100 совершенно неизвестных науке видов птиц. Число неоткрытых насекомых несравненно больше — около двух миллионов!

Энтомологам, как видно, придется еще немало поработать.

Впрочем, в любой группе не очень крупных животных — червей, губок, ракообразных, моллюсков — в настоящее время открыто лишь около 60—50 и даже 40% всех существующих на земле видов.

Считают, что количество неоткрытых амфибий, пресмыкающихся и млекопитающих значительно ниже — составляет лишь около 10% известного числа видов этих животных. Но и 10% тоже немало! Значит, можно рассчитывать на открытие в будущем еще 600 новых земноводных и пресмыкающихся и 300 млекопитающих. В подавляющем большинстве, конечно, это будут лягушки, тритоны, ящерицы, мелкие грызуны, летучие мыши и насекомоядные зверьки.

А есть ли надежда открыть на земле еще не известных хищников вроде льва и леопарда? Или новых человекообразных обезьян, антилоп, слонов, китов и других крупных зверей?

Ответ на эти вопросы мы поищем в следующих главах книги.

---

* Включая и мелких птиц.

«КУЗЕНЫ» ИЗ ДЖУНГЛЕЙ

ПОНГО — ОХОТНИК НА СЛОНОВ

2400 лет назад карфагенский мореплаватель Ганнон привез из путешествия к берегам Западной Африки странную весть. Он сообщал о диких волосатых мужчинах и женщинах, которых переводчик назвал «гориллами». Путешественники встретили их на высотах Сьерра-Леоне. Дикие «мужчины» стали бросать в карфагенян камнями. Солдаты поймали нескольких волосатых «женщин».

Предполагают, что животные, которых видел Ганнон, были вовсе не гориллами, а павианами. Но с тех пор слово «горилла» не сходит с уст европейцев.

Однако проходили столетия, но никто больше не встречал в Африке «волосатых лесных людей», никто ничего не

слышал о них. И даже средневековые географы, которые легко верили в людей «с песьими головами» и в безголовых лемний с глазами на груди, стали сомневаться в реальном существовании горилл. Мало-помалу среди натуралистов утвердилось мнение, будто легендарные гориллы — это всего лишь шимпанзе, «преувеличенные» молвой. А шимпанзе к этому времени уже хорошо знали в Европе. (В 1641 году первый живой шимпанзе был привезен в Голландию. Его подробно описал анатом Тульп.)

В конце XVI века английский моряк Андрей Бэтель попал в плен к португальцам. Восемнадцать лет он прожил в Африке, недалеко от Анголы. Свою жизнь в дикой стране Бэтель описал в сочинении «Удивительные приключения Андрея Бэтеля», изданном в сборнике путешествий в 1625 году. Бэтель рассказывает о двух огромных обезьянах — енгеко и понго. Енгеко — шимпанзе, но понго, несомненно, горилла. Понго похож на человека, но не умеет даже подбросить полена в огонь. Это чудовище — настоящий великан. Вооружившись дубинкой, убивает людей и охотится... на слонов. Поймать живого понго невозможно, найти мертвым — тоже нелегко, потому что своих мертвецов понго хоронят под опавшими листьями.

Невероятные рассказы Бэтеля мало кого убедили. Немногие натуралисты верили тогда в существование горилл. Среди «верующих» был знаменитый французский ученый Бюффон. Он допускал, что рассказы Бэтеля, возможно, имеют реальное основание. Но «неверующие» считали волосатых обезьяноподобных людей невозможной химерой, подобной тем нелепым чудовищам, которые украшают фронтоны Собора Парижской Богоматери.

Но вот в 1847 году доктор Томас Сэвэдж, проживший целый год на реке Габон (впадает в Гвинейский залив южнее Камеруна), опубликовал в Бостоне свои научные труды. Это было первое достоверное описание образа жизни и внешнего вида горилл.

«Горилла,— писал Сэвэдж,— ростом в полтора метра. Тело ее покрыто густой черной шерстью. К старости горилла седеет.

Обезьяны эти живут стадами, и в каждом стаде самок бывает больше, чем самцов. Рассказы о том, будто гориллы похищают женщин и будто они при случае могут обратить в бегство слонов, совершенно нелепы и беспочвенны. Такие

же подвиги приписываются иногда шимпанзе, и это еще нелепее.

Жилища свои — если их можно назвать жилищами — гориллы, как и шимпанзе, устраивают на деревьях. Эти жилища состоят из сучьев, прилаженных среди густой листвы к развилинам ветвей. Обезьяны располагаются в них только на ночь. Гориллы в отличие от шимпанзе никогда не убегают от человека. Они свирепы и легко переходят в нападение. Местные жители избегают столкновения с ними и вступают в борьбу только для самозащиты.

Самцы издают при нападении страшный рев, далеко разносящийся по окрестным чащам. Горилла при дыхании широко разевает пасть. Нижняя губа у нее отвисает к подбородку. Покрытые шерстью складки кожи набегают к бровям. Все это придает горилле выражение необычайной свирепости. Молодые гориллы и самки исчезают, едва заслышав тревожный крик своего предводителя. А он, испуская страшные крики, яростно бросается на врага. Если охотник не вполне уверен в меткости выстрела, он подпускает гориллу вплотную и не мешает ей ухватиться руками за дуло ружья и сунуть его в рот, что обычно проделывают эти животные, и только тогда спускает курок. Промах во всех случаях без исключения стоит охотнику жизни».

Самое удивительное, что это очень близкое к действительности описание горилл было составлено Сэвэджем лишь со слов местных жителей. Самому ему не довелось увидеть ни одной живой гориллы.

Правда, доктор Сэвэдж привез из Африки несколько черепов горилл. По этим черепам совместно с профессором Уилменом он описал в 1847 году гориллу как новый вид обезьян, назвав ее «гориллой-троглодитом» (Troglodytes gorilla). «Черным троглодитом» (Troglodytes niger) называли в то время шимпанзе. Но через четыре года, в 1851 году, французский ученый Исидор Жофруа Сент-Илер доказал, что горилла гораздо больше отличается от шимпанзе, чем это предполагали Сэвэдж и Уилмен. Он выделил гориллу в отдельный зоологический род и дал ей название Gorilla gorilla.

Итак, лохматое лесное чудовище после многовековых сомнений и споров было наконец признано наукой.

Все же никто из зоологов не видел еще живых горилл. И поэтому скептики с известным правом могли утешать себя

мыслью, что, может быть, произошла ошибка: где гарантия, что все исследованные черепа не принадлежат уже вымершему животному?

Однако через восемь лет после сообщения Сэвэджа даже самый закоренелый Фома неверующий не мог выступить с таким заявлением.

ПЕРВЫЙ ЕВРОПЕЕЦ, УБИВШИЙ ГОРИЛЛУ

В 1855 году известный путешественник и зоолог Поль дю Шайю увидел наконец таинственную гориллу.

Вот как описывает он это знаменательное событие.

«Мы увидели невдалеке от лагеря брошенную деревню. На местах, где раньше стояли хижины, росло нечто вроде сахарного тростника. Я стал с жадностью ломать стебли этого растения и высасывать сок. Вдруг мои спутники заметили одну подробность, которая всех нас крайне взволновала. На земле вокруг нас валялись вырванные с корнем стебли сахарного тростника. Кто-то вырывал их, а затем бросал на землю. Подобно нам, он высасывал из них сок. Это были, несомненно, следы недавно побывавшей здесь гориллы. Сердце наполнилось радостью. Мои чернокожие спутники молча переглянулись. Раздался шепот: «Нгила» (горилла).

Мы пошли по следу, разыскивая на земле изжеванные обломки тростника, и натолкнулись в конце концов на отпечатки ног столь страстно разыскиваемого животного. Я впервые видел след такой ноги, и мне трудно передать, что я пережил в эти минуты. Итак, я мог ежесекундно очутиться лицом к лицу с чудовищем, о силе, дикости и лукавстве которого мне так много рассказывали местные жители.

Это животное почти неизвестно людям науки. Ни один белый ни разу еще не охотился за ним. Сердце мое билось так громко, что я стал бояться, как бы до гориллы не донесся его стук. Нервы болезненно напряглись.

По следам мы установили, что здесь побывали четыре или пять, по-видимому, не очень крупных горилл. Иногда они передвигались на четвереньках, иногда присаживались на землю, чтобы пожевать сахарный тростник, запас которого тащили с собой. Преследование становилось все напряженнее. Я должен признаться, что никогда в жизни не волновался больше, чем в эту минуту.

Спустившись с холма, мы по стволу упавшего дерева перешли через реку и приблизились к нескольким гранитным скалам. У подножия скалы лежал полусгнивший ствол огромного дерева. Судя по ряду признаков, на этом стволе совсем недавно сидели гориллы. Мы стали пробираться вперед с чрезвычайной осторожностью. Вдруг я услышал странный, получеловеческий крик, и вслед за тем четыре молодые гориллы промчались мимо нас в лес. Раздались выстрелы. Мы погнались за ними, но они знали лес лучше нас. Мы бежали до полной потери сил без всяких результатов: ловкие животные передвигались быстрее нас. Не спеша поплелись мы к лагерю, где нас ждали перепуганные женщины».

Позднее дю Шайю повезло больше, и он подстрелил нескольких горилл. Его перу принадлежит, пожалуй, одно из самых драматических описаний нападения разъяренной гориллы.

«Внезапно кусты раздвинулись — и перед нами очутился гигантского роста самец-горилла. Он шел через заросли на четвереньках, но, увидев людей, выпрямился во весь рост и стал вызывающе глядеть на нас. Я никогда не забуду этого зрелища. Ростом он был около двух метров, туловище огромное, грудь могучая, руки большие и мускулистые. Дико сверкающие глаза придавали выражению его лица нечто демоническое: такое могло привидеться только в кошмаре; так стоял перед нами этот владыка африканских лесов. Страха он не проявлял. Он бил себя в грудь могучими кулаками, выражая готовность вступить в борьбу. Грудь его гудела, словно барабан, и при этом он ревел, из глаз буквально излучалось пламя, но мы не отступали, приготовившись к обороне. На голове обезьяны поднялся мохнатый гребень; гребень то распускался, то вновь щетинил-

ся; когда горилла открывала рот, чтобы рявкнуть, виднелись огромные зубы. Горилла сделала несколько шагов вперед, приостановилась, снова испустила угрожающий рев, прошла еще вперед и в конце концов застыла в шести метрах от нас. Когда она снова зарычала и в бешенстве ударила себя кулаками в грудь, мы выстрелили. Горилла упала ничком, издав стон, в котором было столько же человеческого, сколько и животного».

Теперь уже никто не сомневался, что в Африке живут странные четверорукие чудовища. Область их распространения совпадает с зоной влажного тропического леса. Еще в конце прошлого века было установлено, что гориллы обитают на западе тропической Африки, в странах, расположенных на побережье Гвинейского залива от восточной Нигерии до Камеруна и Габона. Поэтому этих горилл назвали береговыми. На самом западе Конго живет близкая разновидность, так называемая красноголовая горилла.

СТАРИК ИЗ КИВУ

В 1863 году Лондонское географическое общество получило странную телеграмму: «С Нилом все в порядке». Телеграмма удивила не только телеграфистов: она взбудоражила весь научный мир Великобритании. Члены Лондонского географического общества сразу поняли, о чем идет речь в телеграмме. Еще три года назад английские путешественники Джон Спик и Огастес Грант отправились в глубь Африки на поиски истоков Нила.

И вот от Спика получена телеграмма: «С Нилом все в порядке». Это значит, что вековая загадка разрешена. Спик и Грант проникли в сказочную страну «Лунных гор», в которой, по слухам, рождается Белый Нил, и открыли его истоки.

В том же, 1863 году Спик рассказал о своих приключениях в двухтомной книге «Открытие истоков Нила». А через год он погиб от несчастного случая на охоте в Англии.

Отважный исследователь за свою короткую жизнь (умер он 37 лет) успел сделать много важных географических открытий *. Привез он из своих путешествий сведе-

---

* Кроме истоков Нила, Спик открыл озера Танганьика и Виктория.

ния, интересные и для зоологов. Но вначале им не придали должного значения. Ведь Спик сообщал ни много, ни мало, а о страшном лохматом чудовище, которое живет в горных лесах Руанды. Это чудовище так крепко «обнимает женщин, что они умирают». Негры называли его «нгила» и говорили, что своим видом животное похоже на человека, но у него такие длинные руки, что оно может обхватить слона поперек живота. Кто мог поверить в это? Тем более что гориллы — единственные существа, к которым можно было причислить фантастическую «нгилу», — жили далеко на западе.

Известно было, что область их распространения не простирается на восток дальше самых западных районов Конго. Поэтому сообщение Спика было оставлено зоологами без внимания. И напрасно!

В 1901 году немецкий специалист по млекопитающим Мачи с удивлением рассматривал исполинскую шкуру обезьяны, которую привез с берегов озера Киву (расположено к северу от Танганьики) капитан Беринге. Это была «нгила» — горная горилла. Мачи описал ее в 1903 году, назвав в честь капитана Беринге — Gorilla beringei.

Горная горилла еще более могучее животное, чем ее собратья из лесов Гвинейского залива — береговые гориллы. Рост крупных самцов достигает двух метров (а в исключительных случаях даже 2 метров 30 сантиметров), а вес 200—350 килограммов. Обхват груди у старого самца горной гориллы — 1 метр 70 сантиметров, обхват бицепса — 65 сантиметров, а размах рук достигает 2,7 метра! Этого почти достаточно, чтобы схватить небольшого слона поперек туловища.

Туристы, охотники, ловцы зверей, которые наводнили Центральную Африку после первой мировой войны, мечтали добыть не только рога антилоп, но и скальп «старика из Киву». «Горная горилла, — писал «великий чучельник» Экли, — наряду со слонами и львами стала

«модной дичью». Нужно немедленно прекратить избиение горилл» *

Мало кто изучал жизнь этих обезьян на свободе. Даже мертвые гориллы редко попадали в руки ученых. Между тем число горилл быстро сокращается. В марте 1922 года был учрежден, наконец, заповедник горных горилл. Несколько тысяч этих четвероруких гигантов живет сейчас в лесах на склонах гор Микено, Карисимба и Визоке (область Киву).

КАРЛИКОВАЯ ГОРИЛЛА

Оказывается, существуют и карликовые гориллы. Но о них почти ничего не известно.

Шкуры карликовых горилл изредка попадают в музеи из коллекций охотников, но самих животных еще никто из зоологов не видел. Карликовые гориллы были открыты в «джунглях»... естественнонаучных музеев. Крупнейший в мире специалист по обезьянам, американский зоолог Даниэль Эллиот, изучал музейные коллекции человекообразных обезьян. Среди них он нашел несколько странных скелетов и шкур. Без сомнения, они принадлежали взрослым гориллам, но очень маленького роста: длина самца-карлика от макушки до пяток 1 метр 40 сантиметров (средний рост шимпанзе). Окраска шкур темно-серая с рыже-бурым оттенком на голове и плечах.

По этикеткам на этих интересных находках установили, что карликовые гориллы обитают в лесах по берегам устья реки Огове (Габон). Больше о них ничего не известно.

В 1913 году в трехтомном описании обезьян Эллиот рассказал о своем открытии. Карликовой горилле он дал название Pseudogorilla mayema. Другое ее научное имя Gorilla (Pseudogorilla) ellioti.

Через 16 лет после открытия Эллиота немец Эрнст Шварц тоже исследовал коллекции обезьян, собранные в музее Конго (в Бельгии). Среди экспонатов, принадлежащих, согласно музейным каталогам, различным разновид-

---

* Карл Экли (1866—1926) — американский исследователь Центральной Африки, скульптор и чучельник, считается основоположником современного оформления естественнонаучных музеев. Экли изготавливал чучела животных в виде живописных «панорамных групп», хорошо передающих естественную обстановку и позы диких животных. Экли предпринял пять экспедиций в Африку.

ностям шимпанзе, он обнаружил много очень хрупких и мелких костей.

Шварц решил, что имеет дело с карликовым подвидом шимпанзе, и назвал его в 1929 году Pan satyrus paniscus.

Позднее еще несколько таких обезьян были привезены живыми в Европу и Америку, и с ними ознакомились другие ученые. Строение черепа, скелета, мускулатуры и шерсти шимпанзе-карлика исследовали в 1933 году Кулидж, в 1941 — Роде, в 1952 — Миллер. О его поведении и образе жизни писали Фрешкоп (1935), Гек (1939) и Урбэн (1940). Некоторые ученые (Кулидж, Гек, Миллер, Фрешкоп) предлагали выделить карликового шимпанзе в отдельный вид. Другие считали его просто подвидом обычного шимпанзе.

Но оказалось, что не правы ни те, ни другие. Печальное происшествие в одном из немецких зоопарков побудило двух зоологов заняться более подробным исследованием карликовых шимпанзе. В результате они пришли к выводу, что эти низкорослые шимпанзе вовсе не шимпанзе, а совершенно особый и новый для науки род человекообразных обезьян, такой же самостоятельный, как, например, род горилл, шимпанзе, орангутанов и гиббонов.

Об этом открытии стоит рассказать подробнее.

БОНОБО — НАШ НОВЫЙ РОДСТВЕННИК

В германском городе Хеллабруннере, недалеко от Мюнхена, во время налетов американской авиации в 1944 году погибло в зоопарке много человекообразных обезьян. Бедные животные умерли не от ран и контузий, а от ... страха. Адский грохот артиллерии, взрывающихся бомб и обвалов привел их в неописуемый ужас. В панике метались они по клеткам, оглашая опустевший парк истошными криками.

Научные работники зоопарка, подсчитывая наутро свои потери, обнаружили, что все погибшие обезьяны отличаются хрупким телосложением и принадлежат, как считали тогда, к карликовой разновидности шимпанзе. При жизни это были пугливые создания, они сторонились больших обезьян.

Ученых поразило, что от нервного потрясения, пережитого во время бомбардировки, умерли только карликовые шимпанзе. Почему их более крупные собратья отнеслись к тем же событиям довольно спокойно? Ведь при бомбардировках не погибло ни одного большого шимпанзе.

По-видимому, это неспроста. Ученые стали внимательнее приглядываться к обезьянам, которых до сих пор ошибочно считали карликовыми шимпанзе. Обратили внимание на крики этих обезьян. Сторож зоопарка уверял ученых, что мелкие и крупные шимпанзе не понимают друг друга, они, по его словам, «разговаривают» на разных языках.

Мелкие шимпанзе очень подвижны, дружелюбны и общительны. Они постоянно «болтают» друг с другом. В их криках слышатся гласные «а» и «е». Свою «речь» обезьяны сопровождают оживленной жестикуляцией.

Крупные шимпанзе угрюмы и нелюдимы. Голос у них глухой, и другие гласные звуки слышатся в их криках: «о» и «у». Иногда, особенно в ярости, большие шимпанзе пронзительно кричат. Бросаясь друг на друга, они кусаются, царапаются. Дерущиеся обезьяны стараются своими сильными руками притянуть поближе противника и вцепиться в него зубами.

Мелкие шимпанзе редко приходят в ярость, редко ссорятся и дерутся друг с другом. А в драке они никогда не кусаются, а лишь награждают друг друга тумаками, «боксируют». У обезьян слабые кулаки, поэтому они предпочитают наносить удары пятками ног.

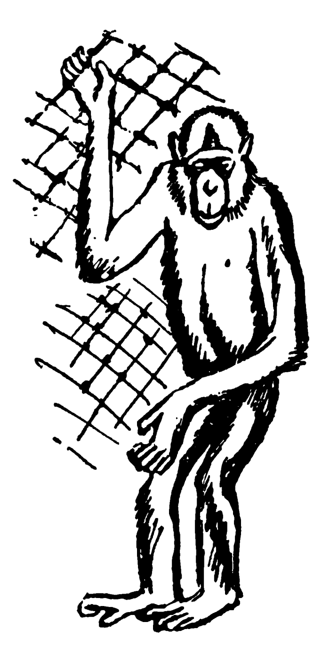
И вот несколько лет назад, в 1954 году, немецкие ученые Эдуард Тратц и Гейнц Гек опубликовали интересную работу. В результате своих наблюдений и исследований других зоологов и анатомов они пришли к выводу, что обезьяны, погибшие во время бомбардировки Хеллабруннера, представляют собою не карликовую разновидность шимпанзе, а совершенно особый вид и род человекообразных обезьян (Bonobo paniscus), настолько резко они отличаются от всех других обезьян и своей психикой, и поведением, и анатомией. Ученые дали новому роду название «бонобо» — так местные жители называют этих обезьян на их родине в Конго. Конголезцы отличают бонобо от шимпанзе и других местных представителей обезьяньей породы.

Итак, семья наших ближайших родичей в животном царстве — человекообразных обезьян — пополнилась еще одним новым членом. До сих пор было три настоящих человекообразных обезьяны — горилла, шимпанзе и орангутан *. Теперь их стало четыре.

---

* Некоторые зоологи причисляют к человекообразным обезьянам также и гиббонов. Другие выделяют их в отдельное семейство.

Часто спрашивают: какая из обезьян по своему строению ближе всего к человеку? Трудно дать определенный ответ на этот вопрос. По одним признакам—шимпанзе, по другим—горилла, по третьим — даже орангутан *. Но удивительное дело — новооткрытый бонобо по ряду признаков, особенно по строению черепа, кажется, стоит к человеку ближе всех других обезьян!

У бонобо округлый, вместительный череп, без сильно развитых надбровных дуг и гребней, которые уродуют голову гориллы и шимпанзе. У всех других обезьян морда сильно выдается вперед, лоб же мало выпуклый, круто покатый назад, точно срезанный спереди назад. У бонобо лоб более развитый, его выпуклости начинаются сразу за надбровными дугами, морда мало выдается вперед. Затылок у бонобо тоже округлый и плавно выпуклый.

У бонобо подмечены зоологами и такие «человеческие» черты: маленькие уши, узкие плечи, стройное тело и не разлапистая, а узкая аккуратная стопа. У бонобо, пожалуй, единственного представителя в животном царстве, губы не черные, а красноватые, почти как у человека.

И еще одна поразительная черта. Человекообразные обезьяны передвигаются по земле на полусогнутых ногах, опираясь при этом на руки. Бонобо при ходьбе тоже опираются на руки, однако ноги, как и человек, они совершенно выпрямляют в коленях.

Где же живут наши новые родственники? Откуда они родом? Бонобо обитают, насколько это сейчас известно, в западных районах бассейна Конго, в густых первобытных

* Английский ученый Артур Кейф подсчитал, что из 1065 анатомических признаков человека 312 свойственны только человеку, 396 — общие с шимпанзе, 385 — с гориллой, 354 — с орангутаном, 117 — с гиббоном и 113 — с другими обезьянами.

лесах. Немногие крупные животные сумели приспособиться к жизни в сумрачных и сырых дебрях внутренних районов тропического леса. Поэтому у бонобо мало опасных врагов.

Обезьяны шимпанзе тоже лесные жители, но они все-таки предпочитают держаться поближе к краю леса.

ЕЩЕ ДВЕ НОВЫЕ ОБЕЗЬЯНЫ

В 1942 году немецкий зверолов Руе поймал в Сомали обезьяну, название которой не мог найти ни в одном из руководств. Немецкий зоолог Людвиг Жуковский объяснил Руе, что животное, пойманное им, еще неизвестно науке. Это павиан, но особого вида. Л. Жуковский дал ему название Papio ruhei, что есть — павиан Руе.

В том же году другой немецкий зоолог — доктор Инго Крумбигель — изучал коллекции млекопитающих животных, собранные в лесах острова Фернандо-По (в Гвинейском заливе, недалеко от Камеруна). Остров небольшой: его площадь 2100 квадратных километров. Но населен он довольно густо: живет здесь более 20 тысяч человек.

В лесах острова обитают разнообразные животные. Английский натуралист Уотерхаус еще в 1838 году составил подробный перечень всех четвероногих и пернатых обитателей Фернандо-По.

Но ни Уотерхаус, ни другие исследователи, побывавшие на острове после него, не заметили здесь самого, пожалуй, приметного зверя.

Крумбигель, разбирая коллекции из Фернандо-По, обнаружил в них странную черно-белую шкуру неведомой обезьяны; Уотерхаус ни словом о ней не упоминал. А окрашена обезьяна очень заметно — как верстовой столб! Тело у нее черное, а руки, ноги и хохол на голове белые.

Может быть, задает себе вопрос Крумбигель, разновидность черно-белых обезьян не существовала во времена Уотерхауса? Она развилась позднее, уже после путешествия Уотерхауса на Фернандо-По, «отпочковавшись» от какого-нибудь местного вида обезьян, например от черных колоб. Однако это маловероятно.

Крумбигель назвал открытую им обезьяну Colobus metternichi — колоба Меттерниха.

Колоб, или шелковистых обезьян, природа наделила множеством уникальных качеств.

Питаются они исключительно растительной пищей, главным образом листьями деревьев. Огромный желудок, как у коровы, разделен у них на три отдела. В сложных лабиринтах желудка перетираются, перевариваются древесные листья. Этой малопитательной пищи колоба может съесть невероятное количество — за один обед 2,5 килограмма. А ведь сама она весит обычно около 7 килограммов! Наевшись до отвала, животное повисает на суку и замирает в сонной дремоте, медленно переваривая свой обед. Однако при необходимости колобы передвигаются очень быстро. Они обитают в самом верхнем «этаже» тропического леса. Чтобы спуститься вниз, колобы прыгают с вершин огромных деревьев прямо на нижние суки, пролетая расстояние в десятки метров.

Тело некоторых шелковистых обезьян окружено по бокам (от передних до задних лап) густой бахромой длинных белых волос. На конце хвоста волосы образуют пышное опахало.

Бахрома и опахало не украшения, а замечательные приспособления для планирующего полета. Когда обезьяна прыгает с вершины дерева, длинные волосы вздуваются, как парашют, и поддерживают ее налету.

Колобы — единственные обезьяны *, за красивыми шкурами которых охотятся мехопромышленники.

Но добыть их нелегко. Колобы живут в девственных лесах, на вершинах гигантских деревьев. Некоторые виды шелковистых обезьян известны науке лишь по нескольким шкурам, купленным путешественниками у местных охотников.

ДАВНО ЛИ ЛОВЯТ ЙЕТИ?

Шестьдесят два года назад, в 1899 году, Уэдделл, один из первых европейцев, проникших в Тибет, описал в своей книге «В Гималаях» странные, похожие на человеческие следы, которые он встретил в высокогорных снежниках на перевале Донкьяла. С тех пор почти каждая экспедиция в Гималаи приносит сведения о волосатых обезьяно-людях, обитающих высоко в горах. Шерпы — непальские горцы — называют этих фантастических животных йети.

---

* Нередко попадающиеся в магазинах воротники, шапки и другие изделия из «обезьяны» на самом деле изготовлены из шкурок нутрии, которую в пушной торговле почему-то назвали «обезьяной».

Сначала никто не хотел верить, что в бесплодных снегах высочайшего в мире горного хребта могут жить человекообразные существа. Но все больше и больше накапливалось убедительных, казалось бы, фактов. Видели и не раз фотографировали следы йети, слышали будто бы их крик. Может быть, это крупные прямоходящие человекообразные обезьяны, нечто вроде «снежных горилл»?

Люди, которые не верят в существование «снежного человека», в полемике с его сторонниками прибегают обычно к следующему доводу:

— Если снежный человек существует,— говорят они,— почему же до сих пор его не могут поймать. Ловят, ловят — и никаких результатов.

Но дело в том, что до самого последнего времени никто и не предпринимал никаких попыток поймать загадочного йети, и по весьма простой причине — никто в него не верил!

Хотя зоологи услышали о йети более 60 лет назад, первая экспедиция на его поиски была организована лишь в 1954 году.

Весной 1957 года в Непале стала работать американская экспедиция Тома Слика. В 1958 году к ней присоединилась шотландская экспедиция, а в 1959 году еще одна американская охотничья партия. Все новые и новые экспедиции штурмуют гималайские высоты, и, возможно, неуловимый йети будет пойман. Разумеется, если он существует. А в этом-то как раз многие зоологи очень сомневаются. Вопрос осложнился тем, что определенные круги Соединенных Штатов поспешили воспользоваться интересной научной проблемой в весьма неблаговидных целях. Как сообщали некоторые индийские газеты, не все американские экспедиции в Гималаях заняты поисками «снежного человека». Это только предлог, использованный ими для проникновения в пограничные с Китайской Народной Республикой районы Непала. И в самом деле странно, что о работе некоторых «научных» экспедиций, побывавших в последние годы в Непале, нет никаких общедоступных публикаций. Где и каким образом они вели свои работы — покрыто мраком неизвестности.

Читатели помнят, что несколько лет назад американские «исследователи» воспользовались еще более смехотворным предлогом в целях пограничной разведки: искали Ноев ковчег на склонах Арарата!

Все это очень неприятно. Не легко теперь разобраться в проблеме йети — что тут правда, что ложь — в запутанной неразберихе противоречивых мифов, фактов и политических интриг.

ЕСТЬ ЛИ В АМЕРИКЕ ЧЕЛОВЕКООБРАЗНЫЕ ОБЕЗЬЯНЫ?

Читатели, немного знакомые с зоологией, скажут — к чему этот вопрос? Ведь давно установлено, что человекообразных обезьян в Америке нет и никогда не было: ни в одной из американских стран, несмотря на тщательные поиски, не найдено ископаемых остатков антропоидов (то есть человекообразных обезьян).

И тем не менее некоторые ученые утверждают, будто в Южной Америке, в девственных лесах Амазонки и Ориноко, обитают человекообразные обезьяны. Говорят даже, что однажды такая обезьяна попала в руки исследователей. Вот как было дело.

В 1917 году швейцарский геолог Фрэнсис де Луа с группой товарищей углубился в обширные тропические леса горного хребта Сьерра-Перийя (вдоль границы Колумбии и Венесуэлы).

Три года, полных приключений, провели путешественники в диких дебрях. Наконец, измученные лишениями, вышли к реке Тарра (приток Кататумбо, впадающей с юго-запада в залив Маракаибо). Здесь на берегу реки они и встретили странных животных. Услышали однажды шум и крики. Выскочили из палаток; две большие, презлющего вида обезьяны направились им навстречу, размахивая руками и испуская «боевой клич». Они шли на двух ногах, были очень рассержены, ломали ветки и бросали их в людей, надеясь прогнать незваных пришельцев из своих владений.

Путешественники хотели застрелить самца, который вел себя наиболее агрессивно. Но в решительный момент он спрятался за самку, и все пули достались ей.

Убитую обезьяну посадили на ящик, подперли палкой подбородок, чтобы она держалась в сидячей позе, и сфотографировали.

Де Луа утверждает, что у этой удивительной обезьяны не было хвоста. Во рту у нее он насчитал будто бы не 36, как у всех американских обезьян, а всего 32 зуба, как у антропоидов.

Обезьяну измерили: длина ее была 1 метр 57 сантиметров*.

Сняли с нее шкуру, отпрепарировали череп и нижнюю челюсть. Но, увы! В жарком климате тропиков шкура скоро испортилась. Потеряли где-то в лесных дебрях и челюсть обезьяны. Дольше всего сохранялся череп, и, может быть, его и привезли бы в Европу, не попади он к повару экспедиции. Повар был большой оригинал: череп уникальнейшей обезьяны решил использовать в качестве... солонки. Бесспорно, это не лучший способ сохранения зоологических коллекций. Под действием сырости и соли череп распался по швам, и незадачливые коллекционеры решили его выбросить.

АНТРОПОИД ЛУА — ГИГАНТСКАЯ КОАТА

Такой анекдотический рассказ о своем открытии привез де Луа в Европу. Однако некоторые ученые нашли его сообщение вполне правдоподобным. В 1929 году французский антрополог Монтандон по фотографии и рассказам Луа описал новый вид и даже род «человекообразных» обезьян — Ameranthropoides loysi, «Американский антропоид Луа».

Надо сказать, что профессор Монтандон давно ждал подходящего материала для подкрепления своей реакционной теории, так называемого «ологенизма». Вопреки данным палеонтологии Монтандон утверждал, что «люди возникли на разных материках независимо друг от друга и, следовательно, не связаны между собой родственными связями»**. Чтобы иметь хоть какое-то основание для гипотезы о самостоятельном происхождении человека в Америке ***, нужно было найти американскую человекообразную обезьяну.

И вдруг — о, удача! — Монтандон прослышал, что швейцарский исследователь привез из Америки фотографию очень крупной и, кажется, бесхвостой (во всяком случае, на фотографии хвоста не видно) обезьяны.

Монтандон разыскал и этого исследователя и изготовленную им фотографию (через девять лет после возвращения Луа в Европу). Сделал доклад во Французской академии

---

* Сначала де Луа по памяти определил рост обезьяны в 1 метр 35 сантиметров, но, найдя письмо к матери, в котором он писал о своем открытии, увеличил его до 1 метра 57 сантиметров.

** М. Ф. Нестурх. Происхождение человека, изд-во АН СССР, 1958.

*** Современная наука считает, что люди проникли в Америку из Азии, через Берингов пролив и Аляску, приблизительно 25 тысяч лет назад.

наук и разрекламировал в нескольких статьях новую «человекообразную» обезьяну Америки. Он даже пытался возвести ее на один эволюционный уровень с питекантропом — ископаемым предком человека.

Необоснованные утверждения Монтандона вызвали возмущение антропологов всех стран. Появился целый ряд критических статей.

Мнение многих специалистов было таково: «антропоид» Луа не человекообразная обезьяна, а, вероятно, новый, очень крупный вид паукообразных обезьян, или коат, весьма обычных для лесов всей Центральной и Южной Америки. Обезьяна Луа и в самом деле очень напоминает коат.

Однако есть у нее и некоторые отличия от известных видов паукообразных обезьян. Прежде всего очень большой рост: 1 метр 57 сантиметров. Самые крупные американские обезьяны не превышают 1 метра 10 сантиметров. Кроме того, насколько можно заключить по фотографии, у обезьяны Луа ноги более короткие, чем у известных коат *, а грудь и плечи более широкие.

Но как же быть с хвостом? Ведь де Луа утверждает, что у его обезьяны не было хвоста. Проверить это теперь невозможно. Вообще в сообщении де Луа много сомнительных деталей, которые у зоолога не могут не вызвать возражений.

Де Луа рассказывает, что атаковавшие их лагерь обезьяны шли на двух ногах, выпрямившись во весь рост. Они

* Коаты — самые длинноногие обезьяны на свете. Длина бедра и голени у них равна 139% длины туловища. У горилл и шимпанзе в среднем лишь — 113, а у человека — около 158% (М. Ф. Нестурх. Происхождение человека, стр. 129).

свободно передвигались в этом положении. Значит, хождение на двух ногах для них — дело обычное! Но на фотографии ясно видно, что у обезьян Луа очень длинная ступня хватательного типа. Животное с такой ступней не может долго и легко ходить на двух ногах.

Правда, обычные коаты, поднявшись на ноги, довольно быстро бегают по веткам. Но только по веткам, которые цепко обхватываются их длинными задними «руками». По земле коаты на двух ногах передвигаются с трудом, как бы хромая. На ходу они балансируют длинным хвостом. Сделав несколько неуклюжих шагов, обезьяна опускается на четвереньки — так она чувствует себя куда увереннее.

Человеку, знакомому с повадками животных, трудно поверить также в рассказ де Луа о том, что самец обезьяны, испугавшись направленных на него ружей, спрятался за спину самки. Будто он знал, что это спасет его от смерти!

Одним словом, Монтандон оказал плохую услугу науке, вытащив из забвения фотографию неизвестной обезьяны лишь затем, чтобы путаными измышлениями дискредитировать это открытие.

И очень жаль: сфотографированная де Луа обезьяна — по-видимому, новый и очень интересный вид паукообразных обезьян. Только не нужно было ее выдавать за человекообразного примата. Назвать ее следовало иначе: просто Ateles loysi, то есть «коата Луа».

ДУРНЫЕ ПРИМЕРЫ ЗАРАЗИТЕЛЬНЫ

Хуже всего, что у Монтандона и де Луа нашлись последователи, которые пошли на грубые подделки, чтобы вдохнуть свежие силы в миф об американском «питекантропе».

В 1951 году во Франции была опубликована книга швейцарского исследователя Южной Америки Куртевиля *. В ней он рассказывает о своих встречах с огромными бесхвостыми обезьянами в лесах того же самого района, в котором блуждал де Луа, и даже приводит фотографию странного существа, которое называет «питекантропом». Сей

---

* Рожер Куртевиль в 1926 году пересек на автомобиле всю Южную Америку от Рио-де-Жанейро до Лимы. Речь идет о книге «Неизвестные индейцы Амазонки».

«питекантроп»,— пишет доктор Эйвельманс *,— представляет собой бессовестную подделку».

Была взята фотография сидящей на ящике обезьяны Луа, разрезана на части и снова собрана в другой позе на фоне девственного леса, но так, что теперь ясно было видно, что у животного нет хвоста.

Не больше доверия вызывает и рисунок «питекантропа», сделанный Куртевилем на оберточной бумаге. По мнению Эйвельманса, нарисованное Куртевилем существо больше похоже на молодую гориллу, чем на обезьяну Луа, комбинированная фотография которой помещена на следующих страницах. Много биологических нелепостей и в описании якобы встреченного Куртевилем животного.

КУРУПИРА, МАРИБУНДА, ПЕЛОБО — КТО ОНИ?

Мистификация и подделки недобросовестных исследователей нанесли большой вред престижу обезьяны Луа. Между тем фотография — бесспорное доказательство ее реального существования. На фото мы видим очень крупную, похожую на коату, но неизвестную зоологам обезьяну.

Слухи о таких обезьянах распространены по всем амазонским лесам. О покрытых шерстью лесных «людях», нравы которых очень напоминают повадки крупных обезьян, сообщали еще первые исследователи Южной Америки — Александр Гумбольдт и Генри Бейтс.

Бейтс, например, рассказывает о загадочном лесном существе курупира, которого очень боятся бразильские индейцы. «Иногда его изображают чем-то вроде покрытого длинными косматыми волосами орангутана, живущего на деревьях. В других местах говорят, что у него раздвоенные внизу ноги и ярко-красное лицо. У него есть жена и дети. Иногда он выходит на плантации воровать маниок».

Бейтс говорит, что курупира почитается за лешего. Однако духи не воруют маниок!

В недавнее время золотоискатели, проникшие в бескрайние леса, через которые с трудом пробивает себе путь река Арагуая, были напуганы страшным ревом, который слышался в глубине дикой сельвы. Наутро они нашли своих лошадей мертвыми: у каждой был вырван язык. На мокром

* Доктор Бернар Эйвельманс — бельгийский зоолог, занимается исследованием загадочных, еще неизученных или малоизученных животных.

песке у реки перепуганные люди заметили след огромных «человеческих» ног длиной в 21 дюйм (52,5 сантиметра).

Об этом случае сообщает английский натуралист Фрэнк Лейн. Рассказ, правда, напоминает сюжеты фантастических повестей.

Однако что нам известно о жизни гигантских совершенно неисследованных * лесных массивов таинственного Мату-Гросу, западного штата Бразилии?

Восточная граница Мату-Гросу проходит по реке Арагуая. Может быть, и живут там какие-нибудь неведомые обезьяны, такие же большие и сильные, как гориллы. Давно уже ведутся разговоры об американских «гориллах». Миссионеры с Амазонки сообщали о них еще до того, как Сэвэдж описал африканских горилл.

На полустрове Юкатан (в Мексике) археологи нашли странные каменные изваяния, очень похожие на ... горилл. В недавнее время среди наскальных скульптур Южной Америки обнаружены фигуры, напоминающие даже слонов, львов и других африканских животных. Однако это еще не доказывает, что животные, послужившие моделями местным скульпторам, действительно обитают (или обитали в недавнее время) в лесах Америки.

Удивительные находки свидетельствуют скорее о культурных связях между народами Америки и Африки, существовавших задолго до открытия европейцами Нового Света**.

И все-таки слухи о больших обезьянах, живущих якобы в дебрях Южной Америки, не прекращаются и по сей день. Бернар Эйвельманс собрал много сообщений о разных пелобо, мапингуари, педегаррафа, марибунда и других странных «человекоподобных» существах, которые, если верить южноамериканским легендам, обитают в тропических лесах Бразилии, Венесуэлы, Колумбии и Боливии.

Из всех сообщений наибольшую научную ценность имеют рассказы де Ваврена, новейшего исследователя Южной Америки. В своей книге «Дикие животные Амазонки», опубликованной в 1951 году в Париже, он пишет:

---

* Считается, что Мату-Гросу исследовали некоторые экспедиции (Кастельно, Дайот, Уинстон), но они работали главным образом лишь на окраинах этой огромной страны. Правда, Дайот утверждает, что пересек Мату-Гросу по 10° южной широты с востока на запад.

** Невольно приходят на ум рассказы о легендарной Атлантиде, которая могла служить связующим звеном между Старым и Новым Светом.

«Я не раз слышал о существовании больших обезьян в обширных лесах на севере Мату-Гросу, на водоразделе между бассейнами Амазонки и Парагвая. Сам я их не видел. Но всюду в здешних лесах можно услышать о них немало рассказов. В бассейне Ориноко ходят еще более упорные слухи.

Обезьян этих называют марибунда. Их рост около 1 метра 50 сантиметров. Один местный житель с верховьев Гуавьяре рассказывал мне, что он воспитал у себя дома детеныша марибунда. Это был очень дружелюбный и забавный зверек. Но когда он подрос, его пришлось убить, так как своими проказами он стал причинять много убытков.

Крик марибунда очень напоминает человеческий голос. Блуждая в лесной чаще, я сам не раз принимал его за зов индейцев».

Однажды в верховьях Ориноко марибунда посеяли панику в лагере де Ваврена. Носильщики приняли их крики за боевой клич воинственных индейцев гуахарибо.

Может быть, марибунда — это обезьяны Луа?

Для такого утверждения нет достаточных оснований. «Дело» загадочной обезьяны, сфотографированной на ящике из-под керосина, не решено окончательно. Ясно только одно: это не человекообразная обезьяна.

В глубине сельвы исследователей еще ожидают, по-видимому, волнующие встречи с этими недружелюбными животными, которые знакомы нам пока лишь только по «портрету».

ПОЧЕМУ ЭТО ВАЖНО?

Поимка и изучение обезьяны Луа представляет интерес не только в чисто биологическом отношении.

Сейчас, когда близится окончательный крах колониализма и рушатся бастионы многовекового рабства угнетенных народов, колонизаторы не брезгуют никакими средствами, чтобы задушить мощный подъем национально-освободительного движения в странах Азии, Африки и Америки. Фальсифицируя науку, идеологи колониализма и проповедники самого оголтелого расизма тщатся при помощи надуманных «теорий» оправдать в глазах общественного мнения свои захватнические планы.

Наиболее реакционными из буржуазных ученых придуманы многочисленные гипотезы ологенизма, полигенизма, дихотомизма и тому подобные измышления. Авторы у них

разные, а цель одна — создать видимость доказательств, что человек произошел будто бы от разных предков. Современные народы, населяющие различные материки и острова, не родные братья по крови и происхождению, как это давно установлено наукой, а, видите ли, совершенно разные виды и даже будто бы роды живых существ. Различное происхождение, очевидно, предполагает и разные способности. Поэтому, по мнению расистов, одни народы, высшие, призваны самой природой господствовать на земле, другие, низшие, обречены в силу своей исходной неполноценности на рабство и вымирание.

Для защитников этой людоедской концепции была бы неоценимой находкой американская человекообразная обезьяна. Ведь в Америке до сих пор не обнаружено никаких следов пребывания человекообразных обезьян — ни в наши дни, ни в далеком прошлом. Теории расистов, утверждающие, что коренные обитатели Америки происходят от местных антропоидов, висят в воздухе. Давно уже реакционные атропологи хватаются за любой повод, изобретая всякого рода американских человекообразных обезьян и «питекантропов», чтобы заполнить этот пробел в своих измышлениях. Случай с обезьяной Луа не единственный.

Скандальное происшествие с другим американским «антропоидом» случилось еще раньше, в 1922 году. В древних слоях земли Вайоминга (штат на западе США) нашли коренной зуб ископаемой человекообразной обезьяны — так по крайней мере определили эту находку крупнейшие американские палеонтологи. Это была грандиозная сенсация, потрясшая весь научный мир. «Примитивного члена семейства людей», как величали гипотетического обладателя зуба некоторые американские зоологи, назвали гесперопитеком. Немецкий реакционный ученый Франц Кох поспешил записать гесперопитека в предки арийской расы, которая, разумеется, должна иметь особое происхождение.

Но, как и следовало ожидать, более тщательные исследования показали, что пресловутый зуб принадлежит не антропоиду, а... дикой ископаемой свинье из рода простенопс (коренные зубы свиньи и человека очень похожи).

Вот скандал! «В предках арийской расы,— пишет профессор М. Ф. Нестурх,— оказалась ископаемая североамериканская свинья».

Но урок не пошел впрок шарлатанам от науки. Через семь лет после гесперопитека был изобретен «америантропоид

Луа» и его модифицированный вариант в сочинении Куртевиля. Будут, очевидно, и другие подделки.

Нет, однако, никакого сомнения в том, что ни обезьяна Луа, ни другие описанные по ошибке американские «антропоиды», вроде гесперопитека или гомункулюса аргентинского палеонтолога Амегино, на самом деле не принадлежат к человекообразным обезьянам. Можно считать доказанным, что предки индейцев сравнительно недавно, приблизительно 25 тысяч лет назад, переселились в Америку из Азии через перешеек, соединявший в ледниковое время Чукотский полуостров и Аляску. Никакого самостоятельного центра происхождения человека в Америке не было.

Возможно, что в ту же богатую событиями эпоху вслед за человеком, стадами бизонов и мамонтов из Азии в Америку переселилось еще одно загадочное существо — родной брат «снежного человека».

Вот что о нем рассказывают.

«ЛЕШИЙ» ИЗ АРРОЙО-БЛАФФ

27 августа 1958 года Джеральд Крю собрался на работу. Он работал трактористом на строительстве новой автострады в округе Гумбольдт (крайний северо-запад Калифорнии).

Путь его лежал через долину Арройо-Блафф. Вокруг расстилалась дикая, ненаселенная местность — каменистые россыпи и хвойные леса на склонах гор.

Умывшись в реке, около которой расположился лагерь строителей, Дж. Крю направился к своему трактору и вдруг остановился как вкопанный.

Еще бы — ведь он наткнулся на следы... «снежного человека», который, как утверждают, бродит в снегах Гималаев!

Но ведь здесь Калифорния — страна модных курортов, апельсиновых плантаций и самых крупных в мире киностудий...

Джеральд Крю, когда пришел в себя, измерил отпечатки огромных босых ног, оставленных на глинистой почве неведомым существом. Сорок сантиметров — длина ступни! А длина шага 115—175 сантиметров.

Тракторист рискнул пройти по следу некоторое расстояние. Следы спускались почти с отвесного склона (около 80°!), огибали рабочий поселок и исчезали в лесу за холмом.

Дж. Крю и раньше слышал от товарищей о таких же странных и огромных следах, замеченных на берегу реки Мэд (впадает в Тихий океан севернее залива Гумбольдта).

В сентябре 1958 года загадочное существо снова появилось около рабочего поселка. Жена одного из мастеров написала письмо в местную газету «Гумбольдт Таймс»:

«Среди рабочих ходят слухи о существовании Человека Лесов. Что слышали вы об этом?»

Письмо было напечатано в газете. В редакцию стали поступать письма и от других читателей. Многие из них утверждали, что собственными глазами видели «патона» — так окрестили здесь лохматого великана.

К этому времени Дж. Крю еще раз встретил в долине Арройо-Блафф загадочные следы и сделал с них гипсовые слепки. «Гумбольдт Таймс» на первой странице поместила фотографии этих слепков. Материал перепечатали другие газеты. Со всего мира посыпался град писем, телеграмм, вопросов.

Странными событиями заинтересовались и ученые. Американский зоолог и палеонтолог Иван Сэндерсон прибыл на место происшествий. Расспросил очевидцев, осмотрел гипсовые слепки и выяснил целый ряд новых интересных обстоятельств. О собранных сведениях он сообщил в нескольких статьях. Одна из них была опубликована в кубинском журнале «Боэмия»* (в первом номере за 1960 год).

Вот что удалось установить Ивану Сэндерсону.

Предприниматель, который взял подряд на строительство автострады, вначале решил было, что кто-то из местных жителей запугивает рабочих, чтобы помешать строительству дороги. Однако этот мистификатор обладал, по-видимому, нечеловеческой силой. Он унес, например, со склада стальную бочку с дизельным топливом емкостью в 250 литров и бросил ее в глухом ущелье. Затем утащил в лес стальную трубу и колесо от экскаватора. Рэй Уоллес, предприниматель, нанял двух детективов. Они должны были выследить и поймать злоумышленника.

Считая, что время — деньги, Рэй Керр и Боб Бритон обзавелись ищейками и немедленно приступили к поискам. Но задача оказалась не такой простой, и сыщики начали

---

* Фотоснимки со следов патона переданы американскими учеными в Комиссию по изучению вопроса о «снежном человеке» при Всероссийском обществе содействия охране природы. В журнале «Вокруг света», № 11, за 1960 г. помещен сокращенный перевод статьи И. Сэндерсона.

всерьез задумываться над тем, что если их дела и дальше будут идти таким же образом, то у них окажется гораздо больше времени, чем денег.

Но вот однажды в октябре 1959 года, уже после заката солнца, два Шерлока Холмса возвращались из очередного поискового рейда.

Вдруг на обочине лесной дороги они заметили лохматое человекообразное существо. Это был «патон»! В два прыжка перескочил он дорогу и исчез в кустах.

Собаки, которых сыщики пустили по его следам, пропали без вести. Говорят, что позднее нашли в лесу их обглоданные кости.

Рассказывают далее, что одна супружеская пара пролетала на собственном самолете над этой местностью. В горах еще лежал снег. Супруги, хотя и были заняты друг другом, однако заметили и внизу кое-что: огромного лохматого великана, который шел босиком по снегу, оставляя за собой длинную вереницу следов.

Одна дама и ее дочь встретили двух патонов в долине Хупа. А в августе 1959 года двое местных жителей снова увидели следы чудовищ в 23 милях севернее новой автострады. Нашли даже их шерсть, которая клоками пристала к ветвям елей и к коре сосен на высоте около двух метров от земли. Длина волос была разная — от 2 до 27 сантиметров.

Под деревьями нашли логово патона, где он ночевал. Оно было сооружено из мха и ветвей. Мох и лишайники патон обдирал с деревьев.

Корреспондент газеты «Гумбольдт Таймс» Бетти Аллен беседовала с местными индейцами.

— Святой боже! — удивились они.— Неужели белые наконец узнали об этом!

Прежде в этих местах патонов было больше. Говорят, что однажды они будто бы напали даже на шахтерский поселок у реки Четко (юго-западный Орегон), разорили склад со съестными припасами и убили трех рабочих. Во время золотой лихорадки 1848—1849-х годов нахлынувшие в Калифорнию толпы авантюристов истребили и прогнали в дальние леса много патонов. Уцелели из них очень немногие.

— Какие выводы можно сделать из этих сообщений? — спрашивает Иван Сэндерсон.

Миновало то время, когда зоологи дружно высмеивали фантастическую волосатую фигуру, неожиданно объявившуюся на ледяных вершинах Гималаев, словно призрак из далекого прошлого нашей планеты.

Странные сообщения о разного рода «диких людях» поступают теперь из самых неожиданных мест — из Малайи, Индонезии, Северо-западного Китая, из Монголии, с Памира, из Забайкалья, даже с Кавказа, и, наконец, из Калифорнии.

Ученые, которые занялись исследованием этой в высшей степени интересной проблемы, нашли «следы» дикого человека даже в античной литературе и средневековых манускриптах Западной Европы.

Создается впечатление, что еще совсем недавно, каких-нибудь 400—500 лет назад, эти предполагаемые человекообразные обезьяны были распространены очень широко. Изобретение огнестрельного оружия положило начало их массовому истреблению.

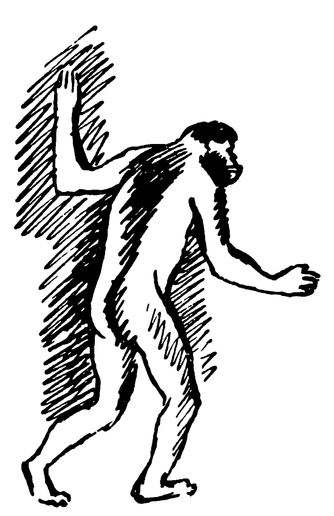
Возможно, что рассказы о разного рода алместы, алмасах и каптарах, которые можно услышать от жителей Кавказа, Центральной Азии и Монголии,— запоздалые воспоминания о давно минувших временах, когда эти «лешие» из плоти и крови обитали бок о бок с человеком.

Возможно также, что в некоторых укромных уголках они сохранились и до наших дней. Северо-западная Калифорния и юго-западный Орегон — одно из возможных мест обитания этих неведомых существ, которые могли переселиться

сюда в ледниковую эпоху из Азии, поскольку никакие ископаемые остатки антропоидов в Америке не найдены.

«В окрестностях Арройо-Блафф,— пишет Иван Сэндерсон,— безусловно, происходят странные вещи. Какое-то таинственное существо ухитряется переносить с места на место стальные бочки с нефтью, железные трубы и колеса. Оно легко взбирается по отвесным склонам, громко рычит и оставляет сорокасантиметровые следы.

Не может быть никакого сомнения в том, что эти следы действительно существуют. Они не были сфабрикованы каким-либо мистификатором: против этого имеются достаточно веские доказательства.

Крайний северо-запад Калифорнии занимает более ста квадратных миль. До самого последнего времени эта местность была необитаема. Территория покрыта густыми и непроходимыми лесами и недоступна для наблюдения с воздуха (за исключением самых высоких горных вершин).

Места эти никем не исследованы. Не составлены даже подробные карты. В самом центре цивилизации находится совершенно дикое место и, вероятно, живет там неведомое и загадочное существо».

Однако далеко не все американские зоологи согласны с мнением Ивана Сэндерсона о том, будто «имеются достаточно веские доказательства», что следы патона не сфабрикованы мистификатором.

Передо мной лежит только что полученное письмо из Американского музея естественной истории от доктора Джозефа Мура, который пишет, что он и его коллеги с большим скептицизмом изучают сообщения о «снежном человеке» из Арройо-Блафф.

Материалы, поступившие в музей из Калифорнии, представляют «достаточно веские доказательства лишь того, что это не больше, как шутка, и мы воздерживаемся пока от их обсуждения».

Тем не менее Том Слик, организатор американских экспедиций за гималайскими йети, решил попытать счастье и в Калифорнии. Недавно он был в Москве и сообщил, что командировал специалистов в Арройо-Блафф на разведку.

АГОГВЕ — «СНЕЖНЫЕ ЧЕЛОВЕЧКИ» АФРИКИ

Одна из неразрешенных тайн африканских дебрей, пишет британский натуралист Фрэнк Лейн, маленькие лесные «человечки» —агогве.

Странные создания не превышают в высоту четырех футов (около 1 метра 20 сантиметров), все их тело покрыто рыжими волосами, лицо у них обезьянье, но ходят агогве на двух ногах, как люди.

Живут агогве в глубине непроходимых лесов. Даже у опытного охотника мало шансов увидеть их. Это случается только раз в жизни, говорят местные жители. Молва об агогве распространена на территории более чем в 1000 километров — от юго-западной Кении до Танганьики и дальше до Мозамбика.

О маленьких лесных «человечках» сообщают и европейские путешественники. Капитан Хиченс, чиновник британской администрации в Кении, за долгую службу в Африке собрал много сведений о загадочных, неизвестных науке животных, в существование которых верят местные жители. В статье «Африканские таинственные животные», опубликованной в 1937 году в английском научном журнале «Дискавери» («Открытие»), он пишет об агогве:

«Несколько лет назад я получил охотничью командировку: застрелить льва-людоеда в лесах Иссуре и Симбити на западной* окраине Вембарских равнин. Однажды, когда я на лесной прогалине поджидал в засаде людоеда, из леса вдруг вышли два маленьких коричневых создания и скрылись в чаще на другой стороне поляны. Они напоминали крошечных человечков высотой около четырех футов, шли на двух ногах и были покрыты рыжей шерстью. Сопровождавший меня местный охотник замер с открытым от удивления ртом.

— Это агогве,— сказал он, когда немного пришел в себя».

---

* Это опечатка: страна Иссуре и река Симбити находятся не к западу, а к востоку от степной области Вембаре (центральная Танганьика, примерно в 150 километрах к юго-востоку от берегов озера Виктория).

Хиченс потратил много напрасных усилий, чтобы снова увидеть маленьких «человечков». Но легче найти иголку в стоге сена, чем проворного зверя в этой непролазной чаще!

Хиченс уверяет, что существа, которых он увидел, не были похожи ни на одну из известных ему обезьян. Но кто они?

Несколькими годами раньше в «Журнале естественнонаучного общества Восточной Африки и Уганды» было напечатано следующее сообщение: «Туземцы области Ква-Нгомбе уверяют, что их горы населены буйволами, дикими свиньями и племенем маленьких рыжих «человечков», которые ревниво стерегут свои горные владения. Старый Салим, проводник из Эмбу, рассказал, что однажды с несколькими товарищами он поднялся высоко в горы. Дошли почти до самой вершины, здесь дул холодный ветер. Внезапно целый град камней посыпался сверху на охотников. Они пустились наутек. Оглянувшись назад, старый Салим увидел десятка два маленьких рыжих «человечков», которые швыряли в них камни с вершины отвесной скалы».

Вот другие рассказы о маленьких рыжеволосых «человечках» Африки.

Один путешественник видел их с корабля, проплывавшего недалеко от берега Мозамбика, в обществе павианов. Другой встретил в глубине этой же страны целую семью агогве: мать, отца и детеныша. Местные охотники, сопровождавшие его, решительно запротестовали, когда он хотел застрелить одного из «лиллипутов».

— Слыхал ли ты,— спросил охотника Котнея его оруженосец,—о маленьких человечках, которые живут на Мау?* О маленьких человечках, которые скорее обезьяны, чем люди?

И он рассказал, как его отец попал однажды в плен к «гномам» Мау, когда пас овец на склонах горы Лонгонот**. Недосчитавшись одной овцы, он пошел по ее кровавому следу. Вдруг откуда ни возьмись его окружили странные маленькие создания, ростом ниже, чем «лесные люди» (то есть пигмеи), хвостов у них не было, но напоминали они скорее обезьян, прыгающих по деревьям, чем людей. Кожа

* Горный хребет в Западной Кении. Высшая точка 3050 метров.

** Расположена приблизительно в 70 километрах к юго-западу от горного массива Кения и километрах в десяти от юго-восточных предгорий Мау. Высота 2811 метров.

у них белая, как брюхо ящерицы, но лицо и тело поросли длинными черными волосами.

При помощи своего копья пастух избавился от опасного общества воинственных «гномов».

Самое поразительное, что маленькие лесные «человечки», какими их рисует молва, очень напоминают вымерших обезьян, хорошо известных палеонтологам...

500—800 тысяч лет назад на равнинах Южной Африки действительно жили маленькие волосатые «человечки». Небольшими группами они бродили по долинам рек, охотились на зайцев, павианов и даже антилоп, на которых устраивали облавы всем «обществом». Павианов и антилоп волосатые «человечки» убивали, разбивая острыми камнями их черепа.

В 1924 году рабочие известковых карьеров на востоке Калахари нашли окаменевший череп одной из этих доисторических обезьян. С тех пор антропологи изучили несколько десятков их черепов, зубов и костей.

Южноафриканский биолог Раймонд Дарт, исследовав первую находку из Калахари, назвал ископаемых «человечков» австралопитеками («южными обезьянами»). То были удивительные обезьяны! Жили они на земле, ходили только на двух ногах и обладали почти человеческими пропорциями тела.

У них и зубы были скорее человеческие, чем обезьяньи. Даже по объему мозга они стояли ближе к человеку, чем к обезьянам. У пятилетнего детеныша-австралопитека вместительность черепной коробки равнялась 420, а у взрослых австралопитеков 500—600 кубическим сантиметрам — почти вдвое больше, чем у шимпанзе, и не меньше, чем у гориллы! А ведь австралопитеки были значительно мельче этих обезьян Рост их не превышал в среднем 120 сантиметров, а вес— 40—50 килограммов.

Некоторые ученые предполагают даже, что австралопитеки владели речью и умели пользоваться огнем. Поэтому они считают их древнейшими предками человека.

«Но,— пишет М. Ф. Нестурх,— фактов в пользу такого предположения не имеется. Нет никаких оснований,— говорит он,— считать этих обезьян нашими предками».

— Действительно ли,— спрашивают некоторые романтически настроенные зоологи,— все австралопитеки вымерли? Может быть, слухи о «гномах Мау», о лесных «человечках» агогве обязаны своим происхождением уцелевшим

в глуши девственных лесов австралопитекам? Гонимые своими более сильными и развитыми «кузенами» — людьми каменного века, они могли укрыться от их преследования в непроходимой лесной чаще* и на вершинах гор, которые в Африке совершенно не населены и редко посещаются людьми: для африканца там слишком холодно. Ведь нечто подобное произошло, по-видимому, со «снежным человеком» в Азии.

---

* Довольно крупные массивы тропического леса, встречающиеся среди саванны Танганьики и Мозамбика, не населены даже пигмеями — низкорослыми негритянскими племенами, обитателями лесных дебрей Конго и Камеруна.

ЛЕОПАРД-ГИЕНА, КОШКА РОСТОМ С ОСЛА И СУМЧАТЫЙ ТИГР

ВОЛК ИЛИ ДВОРНЯГА

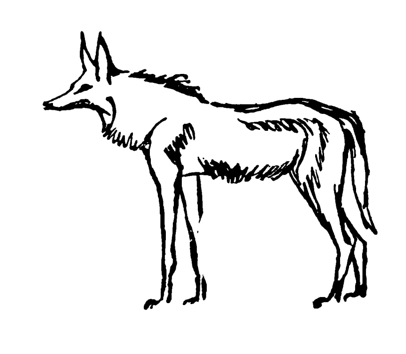
Хищные звери лучше известны людям и лучше изучены, чем обезьяны. Ведь человеку частенько приходилось вступать в борьбу с хищниками, защищая от их нападения свой скот и свою жизнь. Волей-неволей он хорошо изучил своих врагов.

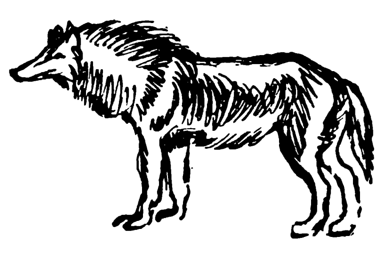
Скотоводы и охотники всех стран прекрасно знают повадки хищников своей родины. Поэтому труднее всего

ускользнуть от внимания натуралистов именно хищным животным. И все-таки даже в мире хищных зверей зоологов ожидают иногда сюрпризы.

Один из последних «сюрпризов» — горный волк из Кордильер Южной Америки. История его открытия изобилует неожиданными находками и горькими разочарованиями.

В 1927 году директор Гамбургского зоопарка Лоренц Гагенбек — сын и продолжатель дела Карла Гагенбека* — купил в Буэнос-Айресе шкуру какого-то неизвестного волка. Человек, продавший ее, сказал, что это «горный волк», убит он высоко в Кордильерах. Никто из специалистов не мог установить, какому зверю в действительности принадлежит эта шкура. Она долго путешествовала из одного музея Германии в другой и наконец попала в Мюнхен.

Через 14 лет ее увидел здесь большой знаток млекопитающих животных доктор Крумбигель. После долгих раздумий он решил, что шкура принадлежит, по-видимому, какой-то горной разновидности гривистого волка. Гривистый волк живет в пустынных равнинах Парагвая, Боливии, Северной Аргентины и Южной Бразилии. Он тоже открыт сравнительно недавно и еще плохо изучен. У него очень длинные ноги** и уши, а на загривке

* Одно время фирма Карла Гагенбека держала в своих руках почти всю торговлю дикими животными. Но Карл Гагенбек был не только коммерсант, но и большой любитель животных, талантливый дрессировщик и один из основателей современных зоопарков с открытыми выгулами и рвами вместо решеток. Благодаря усилиям Карла Гагенбека были открыты и пойманы некоторые редкие и загадочные животные. О своих приключениях в мире зверей Карл Гагенбек написал книгу «О зверях и людях», которая выдержала ряд изданий на русском языке.

** Гривистый волк, пожалуй, самое длинноногое животное на свете: длина ног достигает у него 90—97 и даже 100% длины туловища!

и на спине растет небольшая грива. Известно, что гривистый волк охотится ночью, главным образом на различных мелких зверей, питается он также и фруктами.

Привезенная Гагенбеком шкура неведомого зверя после исследования Крумбигеля была внесена в каталог Мюнхенского музея под названием «горная раса гривистого волка».

Через несколько лет Гагенбек снова был в Аргентине. На каком-то рынке он увидел еще три такие же шкуры; но за редкостные шкуры просили слишком дорого, и он не купил их.

В то же приблизительно время доктор Крумбигель, просматривая свои старые записи, вспомнил, что в одной из коллекций южноамериканских млекопитающих он нашел как-то череп волка, не похожего ни на один из известных науке видов. Старая работа с описанием признаков странного черепа, которую ученый разыскал в своих архивах, очень его обрадовала. Он понял, что наконец-то получил ключ к разгадке тайны злополучной шкуры из Мюнхенского музея, которая, как он сам отлично понимал, была им неточно определена.

В 1949 году Крумбигель опубликовал работу, в которой сообщал о результатах своих исследований: череп и шкура принадлежат животному особого вида и рода. Он назвал его дазиционом (Dasycyon hagenbecki)*. Дазицион близок к гривистому волку, хотя и сильно от него отличается. Он крупнее (длина шкуры с хвостом два метра), более приземистый и коренастый, с короткими ногами. У него маленькие округлые уши и очень густая и длинная шерсть. На спине волосы достигают в длину двадцати сантиметров! Мех у дазициона темно-бурого цвета, а у гривистого волка желто-рыжий, как у нашей лисы. Гривистый волк живет на открытых равнинах, а дазицион в горах.

Еще никто из европейцев не видел этого зверя ни живым, ни мертвым. Он был описан и «приобщен» к науке, так сказать, по частям — по шкуре и черепу, привезенным в Европу в разное время.

---

* Сначала Крумбигель дал этому зверю латинское название Oreocyon hagenbecki (Umschau, 49, стр. 591, 1949). Но выяснилось, что так уже названа в 1872 году зоологом Маршем одна ископаемая собака. По правилам зоологической номенклатуры одним и тем же именем не могут называться родственные животные. Поэтому в 1953 году Крумбигель переименовал горного волка: новое его имя Dasycyon hagenbecki (Säugetier. Mitt., I, стр. 10, 1953).

Впрочем, в последние годы среди специалистов раздаются голоса, отрицающие реальное существование описанного Крумбигелем волка. Открытый таким «экстравагантным» образом зверь, по их мнению, просто-напросто одичавшая дворняжка. В новейшем справочнике по южноамериканским млекопитающим животным («Каталог млекопитающих Южной Америки»), изданном в 1957 году, дазицион не упоминается в числе диких обитателей этого материка. Я написал, прося разъяснений, в Аргентинский музей естественной истории. Мнение проф. А. Кабрера было таково, что дазицион Гагенбека не горный волк, а лохматая одичавшая собака, что-то вроде шотландской овчарки колли; сначала она попала в руки живодеров, а потом в Мюнхенский музей. Профессор А. Кабрера — крупнейший современный специалист по млекопитающим Южной Америки.

Но и доктор Крумбигель — тоже ученый с мировым именем. Он утверждает, что, если и мог ошибиться, то только относительно происхождения шкуры, но не черепа, который носит явные признаки, не имеющие никакого отношения к собачьему роду.

К сожалению, проверить правильность его определения сейчас невозможно: шкура дазициона, может быть, и хранится еще в музее, но череп погиб во время войны. Так что спор этот могут решить только будущие исследователи, которым предстоит заново добыть бесценный для науки трофей — череп горного волка Кордильер или... одичавшей дворняги из трущоб Буэнос-Айреса.

НЕУЛОВИМЫЙ ЛЕОПАРД-ГИЕНА

Не меньше споров вызвал в свое время и другой загадочный зверь — быстрый, как ветер, и коварный, как гиена, нсуи-физи, обитатель равнин Южной Африки.

Когда первые голландские колонисты высадились у подножия Столовой горы и проникли в глубь африканской саванны, они услышали здесь рассказы о нсуи-физи. Но познакомиться с ним лично им не удавалось. Никто из европейцев не встречал легендарного зверя.

Проходили столетия, а неуловимый нсуи-физи не попадал в руки охотников. Но память о его подвигах по-прежнему жила в местных преданиях. Африканцы могли описать леопарда-гиену во всех деталях. Они считали его гибридом этих двух хищников. Нсуи-физи похож больше на леопарда, но

тело его разрисовано полосами, как у гиены. Лапы он тоже унаследовал от гиены вместе с тупыми невтяжными когтями.

Движения нсуи-физи стремительны и быстры, как удар бича. Он легко догоняет любую антилопу и прыгает высоко, как леопард. Нсуи-физи кровожаден, как пантера, и коварен, как гиена.

Давно уже никто из европейских охотников и исследователей не верил в эти рассказы.

Но вот однажды, уже в начале нашего века, некий майор Купер заметил в саванне недалеко от города Солсбери (в Южной Родезии) совершенно необычного зверя. Недолго думая, он застрелил его.

Охотник с удивлением рассматривал свой трофей: ноги у зверя длинные и прямые, как у хорошей борзой собаки. Когти на лапах не втягиваются внутрь, как у кошек, но это бесспорно кошка... Словно туловище и голова леопарда были посажены на собачьи ноги! Густой мех покрывали черные пятна, сливающиеся на спине в прерывистые продольные полосы.

Не сомневаясь, что он добыл легендарного леопарда-гиену, в 1926 году в журнале «Филд» Купер описал свой редкостный трофей как гибрид этих животных.

Сообщением заинтересовались ученые. Выяснилось, что странная «собака-кошка» не была, конечно, гибридом таких далеких друг от друга видов, как леопард и гиена. Известный английский зоолог и знаток диких кошек доктор Покок установил, что убитое Купером животное — новый вид гепардов. Он дал ему название королевского гепарда — Acinonyx rex.

Слово гепард для большинства читателей, наверное, ничего не говорит. Звери, которых так называют, редко встречаются в зоопарках*, и их мало кто знает.

Гепарды относятся к семейству кошек и, когда лежат, очень похожи на леопардов. Но «леопард» встает — и вы с изумлением замечаете у него длинные и стройные собачьи ноги! На ногах даже когти невтяжные, всегда торчат наружу, как у собак. Гепарды не умеют лазать по деревьям, зато бегают очень быстро: быстрее борзой собаки, скаковой лошади, быстрее любой антилопы. Это самые быстрые звери на Земле!

---

* Один гепард живет сейчас в Московском зоопарке.

Бросаясь в погоню за добычей, гепард за 2 секунды развивает скорость в 72 километра в час. Французский зоолог Борлье пишет, что один гепард проскакал 600 метров за 20 секунд. Британский натуралист Фрэнк Лейн сообщает о другом рекорде — 128 километров в час! 35 метров в секунду! Это скорость урагана, выворачивающего с корнем деревья! Трудно даже представить, как живое существо может скакать с такой быстротой.

В Индии гепардов приручают и дрессируют для охоты на антилоп. Поэтому скорость бега этих зверей не трудно измерить, и ее не раз измеряли и секундомером, и при помощи спидометра автомобиля, мчащегося по шоссе.

Лучших охотничьих гепардов привозят в Индию из Африки: они здесь и крупнее, и более быстроноги. Кроме Африки, гепарды живут только в Азии. Изредка встречаются они и у нас в туркменских пустынях. Сколько видов гепардов обитает на этой обширной территории? Этого с уверенностью не могут сказать и лучшие специалисты. Некоторые утверждают, что шесть видов и три подвида. По мнению других — только один вид. Такой точки зрения придерживается советский специалист по хищным зверям Г. А. Новиков.

Нет у зоологов единого мнения и по поводу полосатого гепарда — быстроногого нсуи-физи.

В 1927 году доктор Покок, исследовав необыкновенный трофей майора Купера, решил, что это новый вид гепарда.

«В высшей степени удивительно,— писал он,— что такой крупный и заметный зверь так долго оставался неизвестным».

Замечательный советский ученый профессор Сергей Иванович Огнев, один из лучших в мире специалистов по млекопитающим животным, тоже считал, что королевский гепард — новый вид с хорошо заметными особенностями. Но в 1932 году аргентинский профессор Кабрера заявил, что королевский гепард — всего лишь ненормально окрашенная разновидность обыкновенного гепарда. В семье не без урода! Даже леопарды иногда рождаются полосатыми: их пятна сливаются в продольные полосы. Полосатость у леопардов — это просто-напросто атавизм. Ведь когда-то миллионы лет назад предки кошек были полосатыми животными*. И не удивительно, что время от времени среди нормально окрашенных котят попадаются и полосатые детеныши, уродившиеся в далеких прадедушек и прабабушек.

В 1939 году к мнению Кабрера присоединился и сам «крестный отец» королевского гепарда доктор Покок. Он признал, что ошибся, приняв необычный экземпляр гепарда за новый вид.

Однако вопрос с королевским гепардом нельзя считать окончательно решенным. Жители Родезии определенно отличают обыкновенных гепардов от гепардов королевских. Значит, полосатые гепарды не такая уж редкость. Теперь добыто пять экземпляров этих «уродов» и все в одной и той же местности (на севере Южной Родезии). Атавизм обычно не встречается столь часто.

В последнее время отверженный гепард вновь находит признание у людей науки. Большой знаток африканских животных — британский зоолог Остин Робертс — в книге «Млекопитающие Южной Африки», опубликованной в 1954 году, отводит королевскому гепарду почетное место среди других представителей африканской фауны, считая его вполне самостоятельным видом.

ЛЬВЫ ИЗ РУССКИХ СТЕПЕЙ

Самые древние на земле живописцы — пещерные жители каменного века — оставили на стенах своих мрачных жилищ многочисленные рисунки милых сердцу животных, на которых они охотились, и злых недругов — хищных

* Полосатыми были предки не только кошек, но и очень многих других млекопитающих животных: оленей, антилоп, тапиров, лошадей и даже зайцев. Пятнистая и в особенности однотонная окраска — это, так сказать, более современная «мода».

зверей, которые охотились за ними. Особенно часто среди картин в пещерных «галереях» Европы попадаются изображения так называемого пещерного льва.

В пещерах находят не только изображения этих хищников, но и их кости. Львиные скелеты изломаны и растерзаны так, словно побывали под танком! Искалечить могучих царей звериного царства могли только пещерные медведи, когда гонимые холодом львы заходили в подземные владения косолапых исполинов.

Наскальные изображения и ископаемые кости пещерных львов ученые нашли в пещерах и гротах Испании, Франции, Англии, Бельгии, Германии, Австрии, Венгрии, Италии, Алжира и Сирии.

В СССР во многих местах также обнаружены следы былого обитания пещерных львов: под Одессой, Тирасполем, Киевом, Саратовом, Казанью и даже на Урале. Когда-то в наших лесах водились львы! Климат в Европе в доледниковую эпоху был значительно теплее. Ведь миллионы лет назад Европа, по-видимому, находилась ближе к экватору, чем сейчас. Как это могло случиться?

Дело в том, что в минувшие геологические эпохи Северный (а соответственно и Южный) полюс Земли не находился на «Северном полюсе». Предполагают, что он путешествовал по Тихому океану. Есть такая гипотеза.

По «ископаемым» магнитным полям Земли можно узнать, где сотни миллионов лет назад располагались магнитные и географические полюса нашей планеты, можно узнать, какие материки в те времена лежали под экватором, а какие в краю вечного холода. Эти «ископаемые» магнитные поля— микроскопические частички магнитных минералов в ископаемых илах. Выпадая в виде осадков на дне моря они вытягиваются своими длинными осями вдоль магнитного поля Земли. Исследуя направление этих ископаемых магнитиков, можно определить, где находились полюса Земли в эпоху, когда образовывались данные породы.

«Ученые,— пишет профессор А. А. Малахов,— совершенно точно установили положение полюсов и экваториальных зон Земли в далеком прошлом».

Два миллиарда лет назад Северный полюс находился в Южной Канаде. Затем он «переселился» в Тихий океан: 500 миллионов лет назад побывал у Гавайских островов и двинулся затем на северо-запад. 350 миллионов лет назад, когда первые позвоночные животные — первобытные амфи-

бии стали выползать на сушу, Северный полюс оказался у берегов Японии, а в век господства на Земле гигантских ящеров, 155 миллионов лет назад, — где-то в районе Магадана. На заре царства млекопитающих, 50 миллионов лет назад, Северный полюс располагался у нас на Чукотке. Два миллиона лет назад он был уже в Ледовитом океане, однако значительно ближе к берегам Америки, чем сейчас. Позднее Северный полюс еще раз приблизился к Канаде, затем, сделав оборот против часовой стрелки, переместился в Гренландию и после этого наконец «встал» на свое нынешнее место.

Естественно, что когда Северный полюс «гостил» у берегов Канады, Европа была ближе к экватору, чем сейчас. Климат в ней, согласно изложенной выше гипотезе, был субтропический, и населяли Европу южные звери и птицы. Водились в ее лесах и обезьяны, и слоны, и древние жирафы, и львы. Затем наступило похолодание, с севера подули морозные ветры, поползли ледники. Теплолюбивые животные покинули неприветливый край.

Но львы задержались. Они жили в Европе еще в ледниковую эпоху. Лишь в конце последнего оледенения, приблизительно 15 тысяч лет назад, львы стали уходить из Европы *. Дольше всего они задержались на Балканском полуострове. Здесь, а также в Малой Азии и у нас в Закавказье львы дожили до исторической эпохи. Гераклу, чтобы убить немейского льва, не пришлось путешествовать в Африку. Две с половиной тысячи лет спустя знаменитый охотник Тартарен из Тараскона, мечтая повторить его подвиг, даже в Северной Африке не нашел уже ни одного льва.

Сейчас львы обитают только в Центральной Африке и в Северо-западной Индии, на полуострове Катхиавар, к северу от Бомбея. Индийские львы вымирают. Они и раньше попадались не часто. В Индии лев всегда считался охотничьим трофеем исключительной редкости. По-видимому, вымиранию львов способствует здесь и неудачное соперничество с тигром. Ведь Индия — единственное место на земле, где встречаются эти два хищника.

---

* Не нужно думать, что львы уходили «организованно», собравшись огромными стаями. По большей части они просто вымирали сначала в северных странах Европы, потом и в южных. Но, конечно, и откочевывали на юг в поисках лучших мест, как это делали и другие животные. Проф. О. Абель говорит, что Африка стала прибежищем для многих беглецов с холодного севера — их прежней родины.

Сейчас на небольшом полуострове к северо-западу от Бомбея доживают свой век под защитой государства около двухсот индийских львов. Эти животные еще очень плохо изучены. Даже описания внешности индийского льва не всегда согласны между собой. Еще недавно думали, что у него совсем нет гривы. Теперь считают, что грива у индийского льва, как правило, есть, такая же, как и у африканского. Тем не менее бельгийский зоолог Фрешкоп недавно выделил индийского льва в отдельный вид.

Еще в конце прошлого века львы обитали в Африке, на Аравийском полуострове, в Иране, Ираке и Северном Пакистане. Античные писатели много рассказывали о могучем черногривом льве-великане, который жил на севере Африки и получил название варварийского, или берберийского. Римляне тысячами привозили этих львов для своих цирков. Теперь к северу от Сахары львы не водятся. Последнего варварийского льва убили в Алжире в 1893 году.

Южноафриканский лев не намного пережил своего северного собрата: последний капский лев умер в 1942 году. Теперь зоопарки Южной Африки покупают львов в Европе.

Львы исчезают — нет слов. Под натиском людей, вооруженных автоматическими винтовками, они отступают все дальше и дальше в глубь не тронутых пока дебрей. И все же исследователь, мечтающий о новых, никому не ведомых зверях, может пережить немало волнующих встреч, идя в поисках открытий даже по следам африканских львов. Немало нужно еще поработать зоологам, чтобы привести в порядок хотя бы систематику тех 12—17 разновидностей африканских львов, которые в настоящее время описаны. Не известно также с точностью, какие подвиды львов обитают в западной части Судана, в республиках Чад и Центральноафриканской.

Но главное: в Африке, по слухам, живет еще не изученный диковинный лев, совершенно особенного «образца»— пятнистый, как леопард!

ПЯТНИСТЫЙ ЛЕВ

Перед второй мировой войной на страницах научной и популярной прессы часто встречалось название «пятнистый лев». Вопрос о его существовании живо обсуждался многими газетами и журналами. История этого таинственного животного связана с именем охотника и натуралиста

Кенета Дауера, который предпринял много отчаянных попыток поймать пятнистого льва. В 1937 году была опубликована книга К. Дауера «Пятнистый лев».

В горных районах Кении на высоте двух с половиной тысяч метров в густых дебрях скрывается много своеобразных животных. Полосатая, как зебра, антилопа бонго и гигантская лесная свинья были пойманы именно здесь. Некоторые исследователи считают, что в горных лесах Кении обитает еще один крупный зверь — пятнистый лев.

Его темно-желтая шерсть украшена красивыми черными пятнами, похожими на пятна леопарда, но менее яркими.

Жители Кении называют этого зверя «марози», в то время как обычный лев, по-местному,— «симба», леопард — «нсуи».

Странных пятнистых львов видели и европейцы. Первым сообщил о них в 1931 году капитан Дент, губернатор Кении и натуралист. Однажды в горных лесах на высоте более трех тысяч метров Дент увидел четырех пятнистых львов, которые пересекли тропу недалеко от укрытия, где он сидел в засаде. Животные были мельче обычных львов. Позднее местные охотники сообщили Денту, что, проверяя ловушки на леопардов, они нашли в одной из них необычного зверя — ни льва, ни леопарда, а нечто среднее между ними.

Несколько позже один местный фермер застрелил двух пятнистых львов. Он получил предписание от официальных властей из Найроби привезти в Департамент охоты шкуры убитых львов. Шкуры исследовали специалисты Британского музея естественной истории. По всем признакам убитые львы — самец и самка — имели от роду не менее двух-трех лет. Однако отчетливые розетковидные пятна заметны были у них не только на лапах, но и на боках и спине. Новорожденные львята появляются на свет с более или менее отчетливыми пятнами на шкуре *. С возрастом пятна исчезают. Но у львов, застреленных фермером, они сохранились, несмотря на двух-трехлетний возраст животных.

Пятна у взрослых львов могли остаться со дня рождения, как простое уродство — атавистический признак. Однако специалисты Британского музея, в руки которых попали

* Пятнистость более примитивный признак, чем однотонная окраска. Поэтому как атавистическое наследие пятна сохраняются у новорожденных львят. Когда-то, по-видимому, предки львов имели пятнистую окраску (см. также примечание на 62 стр.).

загадочные шкуры, не приняли пока никакого определенного решения о их происхождении.

Возможно, что шкуры принадлежат новому виду львов, а возможно, и нет. Чтобы доказать существование пятнистого льва, мало одних шкур: нужны череп и кости скелета.

После опубликования книги Дауера стали чаще появляться все новые и новые сообщения о пятнистых львах из лесов Кении. Некто майор Форан заявил, что и он в свое время убил на склонах горы Кения двух пятнистых львов. Возраст их около пяти лет, они были мельче обычных львов.

Едва ли простой атавизм может встречаться так часто. Скорее всего, загадочные пятнистые львы Кении представляют собой особую горную разновидность, а может быть, и новый вид горных лесных львов. Так считает, например, доктор Эйвельманс, который дал этому предполагаемому виду латинское название Leo maculatus («пятнистый лев»).

Интересно выслушать мнение такого общепризнанного знатока диких кошек, как Р. Покок. Пятнистые львы Кении, говорит он, имеют некоторые основания считаться особой разновидностью львов. Покок просмотрел и измерил множество львиных черепов, и черепа львов из горной Кении, исследованные им, по своим размерам были заметно меньше черепов львов, привезенных из других стран Африки.

Небольшой рост, пятна, сохраняющиеся всю жизнь, недоразвитая грива — «знаки отличия», вполне достаточные, чтобы рассматривать пятнистых львов как новый вид. К тому же и места обитания у них иные, чем у обычных львов: густые горные леса на высоте свыше трех тысяч метров. Обычные львы — обитатели открытых равнин, в глубине девственных лесов они не живут.

Все же доказательств существования отдельного вида или расы пятнистых львов пока еще недостаточно. Поэтому зоологи воздерживаются от окончательного решения.

НУНДА — КОШКА РОСТОМ С ОСЛА!

Страшная молва об этом фантастическом животном распространена на восточном побережье озера Танганьика. Вдоль его берегов тянутся непроходимые леса, которые столетиями не посещались человеком. Негры говорят, что эти леса обитаемы — там живет нунда! Ночью нунда выходит из леса. Она нападает на людей и скот, превращая загоны в сплошные бойни.

В 1920 году в одной рыбачьей деревне на побережье Танганьики произошли трагические события, после которых нунда из местного фольклора попала в официальные донесения.

Однажды ночью дежурный полицейский — аскари, совершая обход рыночной площади, не застал на посту своего товарища. Его нашли под утро мертвым, он был страшно изуродован каким-то сильным зверем. Сначала обвинили в убийстве льва, хотя львы давно не встречались в этой местности. Но потом заметили пучок серой шерсти, зажатый в руке растерзанного человека. Эта была не львиная шерсть и не шерсть леопарда...

Пока в полиции ломали голову над загадкой, явились два перепуганных человека. Они дали необычные показания: признались, что минувшей ночью решили совершить кражу на рыночной площади и следили за полицейским. Вдруг из темноты точно призрак выскочила огромная кошка и унесла несчастного аскари.

— Нет, это был не лев и не леопард, а нунда!

Нунда — кошка ростом с осла — давно держит в страхе всю округу. Она и раньше посещала деревню.

Жители и даже полицейские сильно перепугались. На утренней поверке, чтобы их приободрить, офицер прочитал лекцию о хищных животных и о нелепости глупых суеверий. Но ближайшей ночью страшный зверь буквально разорвал на части еще одного аскари. На пряжке его ремня заметили клочки шерсти. Шерсть послали на экспертизу специалистам. Пришел ответ: это волосы не льва и не леопарда, но, по-видимому, какой-то крупной кошки!

В течение следующего месяца серо-полосатая кошка ростом с осла загрызла в соседних селах еще несколько человек. Были расставлены ловушки, разложены отравленные приманки, отряды полицейских прочесывали местность. Набеги нунды прекратились, но таинственного зверя не поймали.

Английский натуралист Фрэнк Лейн в книге о загадочных животных Африки приводит слова путешественника Патрика Боуэна:

«Я в течение 35—40 лет,— пишет Боуэн,— путешествовал по малоисследованным областям Африки... На основании собственного опыта и рассказов старых охотников я верю, что здесь существуют еще неизвестные науке звери и рептилии...»

Однажды, когда Боуэн стоял лагерем на восточном побережье Танганьики, к нему прибежали перепуганные жители одной деревни. Ночью на деревню напала... нунда. Она утащила мальчика!

Не теряя ни минуты Боуэн в сопровождении знаменитого в тех краях следопыта пришел к пострадавшим. Быстро разыскали след зверя. Сначала охотникам показалось, что это след большого льва. Однако, пройдя по нему некоторое расстояние и лучше рассмотрев его, они поняли, что ошиблись. «След был похож на след леопарда, но размером больше отпечатков лап самого крупного льва».

Преследование пришлось прекратить, так как зверь ушел в непроходимые джунгли. Когда Боуэн с товарищем вернулись в деревню, староста показал пучок шерсти, найденной на изгороди двора, из которого был похищен мальчик.

— Волос,— говорит Боуэн,— был полосатым!

Вильям Хиченс писал в 1937 году в английском журнале «Дискавери»:

«Несколько лет назад ко мне в Мчингу (деревушка на берегу Танганьики) принесли на носилках растерзанного зверем местного следопыта. Это был смелый и опытный охотник, не раз он ходил со мной на охоту за львами и леопардами». На вопрос, кто его искалечил, он ответил: мнгва (другое название нунды).

«Я спросил его,— продолжает Хиченс,— может быть, он ошибся и это был лев или леопард? Но раненый решительно запротестовал.— Нет, мнгва!»

И Хиченс добавляет: «Конечно, легче всего сказать, что такое животное не существует, но я, долго путешествовавший по стране, терроризированной нундой, и оказавший помощь многим людям, изуродованным ею, не могу этого утверждать».

СТРАШНЕЕ КЕРИТА ЗВЕРЯ НЕТ

Но не нунда, не пятнистый лев и не быстроногий нсуифизи — самые загадочные страшилища Африки.

Нет в Восточной Африке зверя ужаснее керита, сильнее керита и... непонятнее керита. Керит — самая волнующая тайна девственной природы Африки. Многие встречали следы керита, многие видели и самого хищника, но никому не удалось поймать этого таинственного зверя.

В некоторых местностях Африки керита называют чимисетом, а в Европе он известен как нанди-бэр.

У нас нанди-бэр не пользуется особой известностью. Но на страницах мировой литературы, посвященной загадкам природы, слово «нанди-бэр» встречается, пожалуй, даже чаще, чем «снежный человек». Только гигантский морской змей, легендарный обитатель океанских глубин, затмевает их обоих славой обладателя самой обширной библиографии.

Слово «нанди-бэр» в переводе значит «медведь из провинции Нанди»*. Уже одно это название должно заинтересовать зоолога: ведь в Африке к югу от Сахары не найдено до сих пор никаких медведей.

Только в Атласских горах Марокко жили когда-то бурые медведи, теперь полностью истребленные. Они переселились сюда из Испании в те далекие времена, когда не существовало еще Гибралтарского пролива между Европой и Африкой.

Первые известия о «медведе» из Восточной Африки принесли сотрудники английской так называемой Нанди-экспедиции. Пробираясь через джунгли на Уазингишу-плато (провинция Нанди), два исследователя неожиданно увидели странное животное, которое сидело в 30 метрах от них. Оно напоминало бурого медведя, но было крупнее и массивнее его. Голова длинная, заостренная, уши маленькие, хвоста не видно. Густая темная шерсть покрывала плечи и ноги странного зверя, но ляжки, казалось, были совершенно голые или лишь с очень короткой и гладкой шерстью.

Подстрелить зверя не удалось. Он скрылся среди камней и кустов.

Вильямс, один из очевидцев, спросил у местного охотника, что это за создание.

— Чимисет,— ответил тот.

Вильямс показал ему в книге рисунки разных животных, чтобы узнать, какого зверя здесь называют чимисетом. Нанди указал на... бурого медведя.

Другой нанди, рассматривая иллюстрации в книге Киплинга «Джунгли», оживился, увидев рисунок Балу, гималайского медведя.

— Чимисет! — сказал он.

После этого сообщения, сделанного вполне компетентными людьми, охотники и натуралисты стали менее скептично относиться к рассказам о страшном керите, или чимисе-

* Страна племени нанди расположена на западе Кении у северо-восточного угла озера Виктория.

те,— гигантском «медведе», который легко разрушает крепкие изгороди загонов для скота и несколькими ударами могучих лап может разбить стены хижин. В европейской прессе стали появляться многочисленные сообщения о нанди-бэре.

Вот одно из них.

Чиновник английской администрации в Восточной Африке капитан Хиченс в 1925 году был послан в небольшую деревушку для расследования разрушений, которые произвел здесь неизвестный и, по-видимому, очень сильный зверь. Чиновник застал напуганных жителей в полной растерянности. Его поразила паника, царившая в деревне. Нападение было совершено необычным образом: хищник не перескочил через высокий забор, как обычно делают лев или леопард, а пробил в нем дыру. Даже изгородь из колючих кустарников толщиной в 2,5 метра не остановила его. В ней тоже была проделана сквозная дыра. Затем зверь проломил стену хижины и утащил девушку. В этот день Хиченс не нашел никаких следов, которые помогли бы ему разыскать убийцу. Он вернулся в деревню и лег спать. Ночью его разбудило рычание собаки, которая сопровождала его в путешествии. В палатке послышалась возня, рев рассерженного зверя и собачий визг. Он вскочил, но, прежде чем успел схватиться за ружье, зверь, с треском сокрушая препятствия, начал отступление и исчез так же внезапно, как и появился. Наутро на песке нашли отпечатки лап зверя. Хиченс говорит, что любой лев мог позавидовать их величине. Каждый след по форме напоминал лопату и сохранял ясные отпечатки длинных когтей.

«На дороге, проходящей по окраине леса,— пишет другой очевидец,— мы увидели странное темно-серое существо, приземистое, с покатой спиной и маленькой заостренной головой. Оно передвигалось на четырех лапах, но задние ноги у него были слабее передних. Зверь прошел по дороге 50 ярдов и скрылся в лесу... Я никогда не видел что-нибудь похожее, хотя весь вид и телодвижения странного существа напоминали медведя».

Фрэнк Лейн приводит рассказ охотника по имени Андерсон.

Услышав крик деревенских мальчиков, охотник выскочил с ружьем из палатки. Пробежав несколько сот метров, неожиданно наткнулся на растерзанную дикую свинью. Ее убил какой-то очень сильный зверь. Свинью точно бревном

переломили! Брюхо было разорвано острыми когтями, желудок и сердце съедены. Убийца, видно, неохотно оставил свою добычу: в лесу слышался его грозный рев. Но рев очень странный: не льва и не леопарда!

Андерсон попросил мальчиков помочь ему разыскать след зверя, но они наотрез отказались, так как не хотели иметь дело с чимисетом.

Рассказов о таинственном медведеобразном обитателе лесов западной Кении собрано немало.

Конечно, в показаниях некоторых свидетелей есть и несовместимые противоречия, но большинство описаний загадочного зверя удивительно согласны между собой.

Почти все наблюдатели отмечают, что чимисет своим видом и телодвижениями напоминает большого медведя (рост около 4—5 футов в плечах, то есть 1,3—1,6 метра). Спина сильно поката спереди назад, так как задние ноги значительно короче передних.

Лапы стопоходящие (как у медведя, барсука, обезьян), когти невтяж-

ные и очень длинные (до 5 сантиметров и больше). Морда удлиненная, уши маленькие, хвоста нет или он незаметен. Три компетентных свидетеля отмечают, что ляжки и крестец зверя бесшерстны (или покрыты гладким и коротким волосом). На ходу животное косолапит, движения его кажутся неуклюжими. И еще одна замечательная черта— нанди-бэр, как и медведь, нередко скальпирует схваченных им людей!

Недаром племена суахели, которые давно уже вошли в контакт с арабами, называют нанди-бэра арабским словом «дуба» — медведь.

Предполагают, что нанди-бэр живет в густых лесах и ведет ночной образ жизни. Нападает он во всяком случае всегда ночью. При нападении обычно не перескакивает заборов, а пробивает в них дыры. Он проявляет полное равнодушие к колючим кустам и изгородям из терновника, которых избегают львы и леопарды.

Нанди-бэр, по-видимому, очень силен: вызывает ужас даже у опытных охотников, которые смело выходят на единоборство с другими хищниками. Рассказывают, что во время охоты на львов воины племени нанди пересекли свежий след чимисета. В большом смятении вышли они из зарослей и прекратили охоту. Странная реакция на несуществующего зверя!

Говорят, что простое упоминание о нанди-бэре может вызвать панику в краалях западной Кении. Разные племена называют его по-разному*, но всегда это особое название, которое они никогда не путают с именами других животных. Нанди-бэр упоминается и в некоторых охотничьих песнях наряду с леопардом и львом.

Доказательства существования в Кении особого вида медведя настолько убедительны, что нанди-бэр получил от местных натуралистов даже латинское название — Ursus bado-kidogo («Ursus» — по-латыни «медведь»).

Однако, мне кажется, они поторопились с выводами. Едва ли, если даже и будет доказано, что этот загадочный зверь существует, он окажется медведем. Зоологу трудно поверить, что легендарный чимисет — обычный медведь.

* Б. Эйвельманс пишет, что в горах Мау (южнее страны Нанди) нанди-бэра называют «керитом» или «керейтом» (от« гетейт» — «пожиратель мозга» на языке лумбва). У нанди — это «чимисет» или «чемосит», в Руанде — «ики-мизи», у других племен этой страны — «кикам бангве». Сабаи называют нанди-бэра «самброокоо».

С точки зрения законов зоогеографии, в экваториальной Африке не может быть ни оленей, ни медведей местного происхождения. К тому же и никаких ископаемых остатков медведей здесь не найдено.

Конечно, можно было бы допустить, что в отдаленную историческую эпоху, когда пустыня Сахара была более гостеприимной страной*, медведи из Марокко переселились в Восточную Африку**.

Нечто подобное произошло по ту сторону Атлантики. Для фауны Южной Америки медведи так же несвойственны, как для Африки. Однако в Южной Америке есть медведи!

В горных лесах Кордильер Колумбии, Эквадора и северного Чили живет небольшой медведь с белыми «очками» вокруг глаз (Tremarctos ornatus). Это очень редкое и пугливое животное. Кажется, еще никто из европейцев не видел его на воле***. Очковый медведь вместе с оленями, кошками, хомяками и свиньями переселился в Южную Америку из Северной несколько миллионов лет назад, когда образовался отсутствовавший прежде Панамский перешеек.

Интересно, что античные и средневековые историки и географы (Геродот, Плиний, Марко Поло, Даппер) среди львов, слонов, обезьян, «рогатых ослов» (антилоп) и других четвероногих обитателей Африки упоминают и медведей.

Но скорее всего они ошибались. Как ни привлекательна гипотеза о переселении медведей из Марокко в Кению, она все-таки очень маловероятна.

Предложены и другие, еще менее убедительные объяснения тайны нанди-бэра. Б. Эйвельманс, например, обращает внимание на тот странный факт, что признаки, которыми молва наделяет нанди-бэра, очень напоминают вымерших халикотериев. Это очень странные животные, отдаленные родичи лошадей. Челюсти и зубы у них такого же типа, как у копытных млекопитающих, но трехпалые ноги вооружены длинными когтями! Халикотерии обитали в Европе, Азии, Америке и Африке. Последние из них

---

* В прошлом пустынные районы Сахары не были столь обширны. Эта гигантская пустыня выросла на глазах у человечества. Подсчитано, что она продвигается в глубь Африки со скоростью 1 километра в год. За последние 300 лет пески отвоевали у саванны полосу в 300 километров шириной.

** В то же самое время, по-видимому, проник в Западную Африку (Сенегамбию) и благородный олень, которого, к великому своему удивлению, обнаружили здесь зоологи.

*** Два очковых медведя живут сейчас в Московском зоопарке.

вымерли сравнительно недавно, приблизительно миллион лет назад.

У халикотериев голова была заостренная, уши маленькие, спина сильно покатая назад, лапы стопоходящие, хвост короткий, как у медведя, передние конечности значительно длиннее и сильнее задних, но внешне они напоминали скорее гиен (но гиен ростом с лошадь!), чем медведей.

К тому же халикотерии были растительноядными животными. Питались они плодами, клубнями, сочными корнями растений, которые выкапывали из земли сильными когтями.

А ведь речь идет о плотоядном хищнике! О звере, который сильнее льва!

Таким богатырем может быть только огромный медведь и никакой другой зверь из известных нам хищников.

Вы помните: извечный недруг первобытного человека, пещерный медведь, без труда убивал пещерных львов. А был он всего лишь на одну треть крупнее бурого медведя. Могучий владыка лесов Аляски медведь-кадьяк* не уступает своему пещерному собрату ни в росте, ни в силе. Высота в плечах медведя-кадьяка, когда он стоит на четырех лапах, около 135 сантиметров, а у европейского бурого медведя только один метр. Вес этого гигантского зверя достигает 700 килограммов, а длина 3 метров!

Ученые установили, что в природе существует особый биологический закон: животные одного и того же вида достигают самых крупных размеров в северных, холодных местах своего обитания. На юге, в странах теплого климата, водятся мелкие разновидности.

То же самое должно было бы произойти и с медведями, если бы они вздумали переселиться в тропическую Африку. Африканский медведь был бы мельче европейского.

А некрупный медведь, конечно, менее опасный и страшный хищник, чем лев. Правда, распространению страхов перед ним может способствовать мистическое чувство ужаса, вызванное необычным видом редкостного животного, не похожего на других обитателей страны.

И все-таки в облике нанди-бэра, каким его рисует легенда, несмотря на всю его «медведеобразность», есть ряд черт, не свойственных косолапым хищникам. Нанди-бэр, как

---

* Медведь-кадьяк принадлежит к бурым медведям. Он открыт сравнительно недавно. До этого считалось, что в Америке обитают лишь серые медведи (гризли) и черные — барибалы.

утверждают, сугубо ночной зверь, а про медведей этого сказать нельзя. Нанди-бэр нападает на деревни и уносит людей. Это привычка тигров-людоедов, но не медведей. Очень редко медведи-шатуны (не уснувшие зимой в берлогах) нападают на человека, чтобы убить и съесть его. Обычные медведи не бывают людоедами. Многие очевидцы замечали у нанди-бэра очень короткие и слабые задние ноги (отчего и спина сильно поката назад) — это не медвежий признак! С другой стороны, никто не упоминает о медвежьей привычке вставать на задние лапы. Так что нанди-бэр, хотя и «медведеподобный» зверь, но не медведь. В данном случае скорее всего мы имеем дело или с неизвестным хищником совсем особого рода, либо просто с... мифом. Но в таком случае миф этот звучит чрезвычайно реалистично и поэтому уже сам по себе представляет интерес для исследователя.

Конечно, не раз делались попытки поймать нанди-бэра. Один энтузиаст потратил на его поиски много сил и средств. Первое время он был настолько уверен в успехе, что всюду, по лесам и горам, возил с собой огромную клетку, которую несли 40 носильщиков. Но зверь не набежал на ловца. Слава еще ожидает человека, который первым поймает неуловимого «африканского медведя».

СУМЧАТЫЙ ТИГР

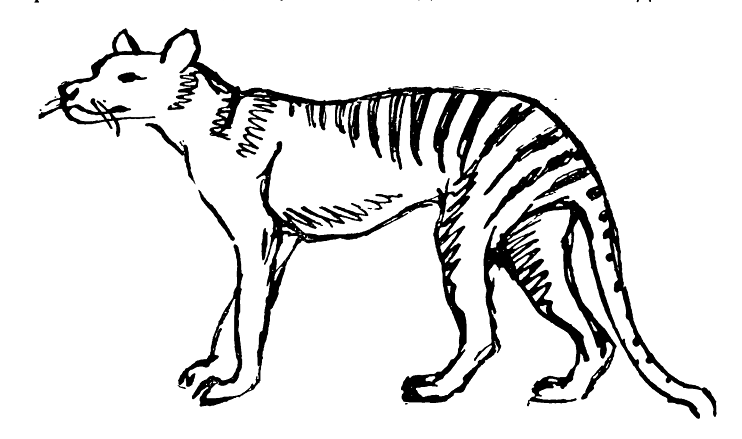
В Австралии все звери сумчатые: они вынашивают рождающихся недоразвитыми детенышей в особой сумке на животе. Только дикая собака динго, которая была несколько тысяч лет назад завезена человеком в Австралию из Азии, не имеет такой сумки. Динго воспитывает щенков, как обычная собака.

Но удивительное дело: хотя животные Австралии и не имеют близких родственников на других континентах, в их образе жизни и приспособлениях много общего с некоторыми видами млекопитающих Старого и Нового Света. Например, в Австралии есть свои белки-летяги (сумчатые, конечно), свои куницы, хорьки (сумчатый хорь — Lutreolina), землеройки (Peramys), сони (Dromiciops), тушканчики (Antechinomys), сумчатые кроты (Notoryctes), сумчатые барсуки (Peragale), сумчатые муравьеды (Myrmecobius), сумчатые тупайи (Phascogale). Были в Австралии даже сумчатые волки (Thylacinus), теперь уже вымершие. Эти сумчатые «двойники» настоящих белок, куниц, волков, кротов

очень напоминают заморские «оригиналы». И не только повадками и образом жизни, но нередко и внешним обликом, вплоть до окраски и характерных пятен на морде, груди или хвосте.

Но в Австралии нет «двойников» кошек, ни мелких, ни крупных: ни сумчатых рысей, ни сумчатых леопардов, тигров, львов...

Поэтому, говорят некоторые зоологи, если тигры в Австралии и не водятся, то им следовало бы там водиться.

Впрочем, голландские мореплаватели, высадившиеся в XVII веке в Австралии, рассказывали, что встретили там... тигров. Не сумчатых волков, которые в то время, возможно, еще водились в Австралии, а именно тигров!

И еще удивительнее — о тиграх и сейчас рассказывают жители северо-восточной Австралии —и аборигены и белые колонисты. «Да,— говорят они,— в Австралии есть тигры». Звери живут в непроходимых горных лесах полуострова Кейп-Йорк на севере Квинсленда*. Территория полуострова, покрытого густыми малоисследованными лесами, почти вдвое превышает Англию, а населяют его лишь десять тысяч австралийских аборигенов.

Сумчатый тигр, или «тигр-кот», как его здесь называют, хорошо известен этим людям.

Несколько десятков тысяч лет назад климат Австралии был более влажным, на месте каменистых пустынь, занимающих теперь большую часть ее территории, росли роскош-

* Северо-восточный штат Австралии.

ные рощи, перелески и сочные травы в бескрайних степях. Тогда в Австралии еще не было людей, но по ее изумрудным лугам бродили бесчисленные стада гигантских «кроликов»— дипротодонтов.

Дипротодонты, сумчатые растительноядные животные величиной с носорога, внешне несколько напоминали бегемотов, но спереди на их морде, выступая из-за рассеченной, как у кролика, губы, торчали два огромных «заячьих» резца. Отсюда и название животного: дипротодонт — «тот, у которого впереди два зуба».

Дипротодонты — мирные гиганты — никому не причиняли вреда. Но и у них в жизни были свои неприятности, и самая большая из них — сумчатый лев (Thylacoleo) с длинными, как кинжалы, клыками. Зверь часто пускал в ход свое оружие, нападая на бегемотоподобных «кроликов». Неужели сумчатые львы или другие их хищные сородичи и до сих пор еще живут в глубине недоступных лесов Квинсленда? Если верить слухам, это так.

Первое сообщение о крупной сумчатой кошке опубликовано в научной литературе («Труды Лондонского зоологического общества») в 1871 году. Это было письмо полицейского судьи из Квинсленда Шеридана на имя секретаря Лондонского зооло-

гического общества. Он рассказывал о встрече своего сына со странным животным, похожим на крупную полосатую кошку.

Зверь лежал в высокой траве, когда мальчик наткнулся на него.

«Тигр» был ростом с собаку динго. Морда у него круглая, как у кошки, длинный хвост и черные полосы на боках.

Собака, сопровождавшая мальчика, кинулась на «тигра», но зверь отшвырнул ее. Мальчик выстрелил в хищника из

пистолета и ранил его. «Тигр» вскочил на дерево. Собака с лаем осаждала его убежище. Зверь зарычал и прыгнул на собаку. Мальчик испугался и убежал.

Шеридан добавляет, что здесь это не первая встреча с подобным животным. Многие колонисты видели «тигра».

Позднее в «Трудах Лондонского зоологического общества» были опубликованы еще два письма с сообщениями об австралийском «тигре».

Сумчатого тигра собственными глазами видел и известный австралийский натуралист Джордж Шарп. Это случилось, когда он собирал яйца редких птиц в верховьях реки Тюлли. Как-то, уже собираясь лечь спать, он вышел из

палатки и вдруг увидел в вечерних сумерках странное животное размером больше сумчатого волка, темного цвета и с хорошо заметными полосами на боках. Дж. Шарп бросился в палатку за ружьем, но зверь исчез в зарослях.

Позднее Шарп услышал, что такое же животное было убито одним фермером, отправился к нему и осмотрел шкуру. Шкура имела от кончика хвоста до кончика носа полтора метра. К сожалению, она уже начала портиться, и ее не удалось сохранить.

Такого же зверя поймал еще один фермер. По-видимому, это был детеныш, так как рост его не превышал 45 сантиметров. Поражала странная форма его шеи: ее, собственно, почти не было, и голова вплотную прилегала к плечам.

Интересное описание сумчатого тигра сделал австралийский писатель и путешественник Айен Айдрис.

«Здесь, на Йоркском полуострове,— пишет он,— у нас водится тигровая кошка ростом со средней величины собаку... Я познакомился с этой красавицей на одном болоте.

Пробираясь через заросли высокой травы, я вдруг услышал злое ворчание. Внимательно всмотрелся и увидел прижавшегося к дереву кенгуру. Шкура на одной из его лап была ободрана.

Внезапно какая-то темная тень метнулась к кенгуру, и он упал с распоротым брюхом. От удивления я сделал неосторожный жест — тотчас же кошка приостановила начатый было пир и замерла. Ее злой взгляд остановился на мне, кожа на морде сморщилась, сверкнули белые клыки, и она зарычала. Я попятился и поспешно выбрался из травы».

«Два фермера ехали из Мунна Крика в маленький городок Тиаро,— пишет Фрэнк Лейн.— Внезапно их лошади шарахнулись в сторону: в двадцати метрах от дороги крупное животное из породы кошек терзало мертвого теленка.

Кошка сжалась, готовая к прыжку, ворчание ее было похоже на «мяукающий вой». Ростом зверь не уступал мастифу (английскому догу), голова у него круглая, уши, как у рыси, хвост длинный.

Люди бросили в зверя несколько камней. Но он припал к земле и зарычал еще громче. Рев напоминал рык леопарда. В ярости кошка хлестала хвостом по земле, вид у нее был очень свирепый. Фермеры стали наступать на нее, громко щелкая кнутами,— кошка отскочила. Она удрала в сторону залива, где долго еще слышалось ее рычание».

Таких сообщений собрано много. Полосатого, похожего на кошку зверя видели в Австралии многие люди — фермеры, охотники и даже натуралисты. И вот мнение современного специалиста, проф. Е. Трофтона, заведующего отделом млекопитающих Австралийского музея. В книге «Пушные животные Австралии», изданной в 1946 году, он пишет: «Несмотря на некоторые расхождения по поводу размеров животного и его раскраски, кажется, действительно большая сумчатая кошка скрывается в густых лесах северного Квинсленда».

В существование сумчатого тигра верят и такие общепризнанные авторитеты, как доктор Морис Бартон, сотрудник Британского музея естественной истории, А. Ле-Суеф и Г. Баррел, авторы большого труда по фауне Австралии, изданного в Лондоне в 1926 году («Дикие животные Австралии, включая млекопитающих Новой Гвинеи и ближайших островов Тихого океана»).

А. Ле-Суеф и Г. Баррел даже дали сумчатому тигру научное описание (на основании сведений, полученных от очевидцев):

«Мех короткий и скорее жесткий. Общий фон окраски — рыжий или серый, на боках широкие черные

полосы, не смыкающиеся на спине. Голова похожа на кошачью, но с более сильно выдающейся мордой. Острые стоячие уши. Хвост пушистый, с выраженной тенденцией заканчиваться кисточкой. Ноги толстые. Когти острые и длинные. Общая длина около 1 метра 50 сантиметров. Высота у плеч 45 сантиметров».

Значит, сумчатый тигр не крупнее своего индонезийского соседа — дымчатого леопарда. Если это животное существует, то оно, бесспорно, сумчатое, так как в Австралии не может быть несумчатых зверей местного происхождения. Таковы уж особенности развития ее фауны.

СКРОМНЫЙ ОБИТАТЕЛЬ «ГРИБНОЙ ПУСТЫНИ»

Сумчатый тигр — последний крупный представитель «тайного общества» загадочных зверей, полумифических-полусуществующих, которым до сих пор удалось сохранить свое инкогнито.

Но есть еще два мелких хищника, вопрос о существовании которых предстоит решить зоологам. Изучение их даст ценный материал для обоснования некоторых важных научных проблем.

В 1919 году одна охотничья экспедиция проникла в глухие тропические леса Итури (правый приток Конго). В те самые леса, в которых столько мучений вынесли люди экспедиции Стенли. «Грибной пустыней» назвали они эту страну бескрайних и мрачных дебрей.

Охотникам повезло больше: кроме малосъедобных грибов, они открыли здесь на берегу мутной лесной протоки уникальное животное — рыбоядную генетту, то есть водяного родича мангусты, храброго истребителя ядовитых змей.

Генетты, циветты, мангусты, ихневмоны принадлежат к семейству виверр. Это очень древние хищники, появившиеся на свет раньше кошек и собак. Внешне напоминают они крупных куниц, хотя несколько похожи и на кошек. Несмотря на небольшой рост, виверры отличаются «бешеным» нравом, большой ловкостью и силой.

Виверровые хищники хорошо известны зоологам. Но никто никогда не слышал, чтобы где-нибудь водились водяные виверры, вроде выдры или норки, ловкие пловцы и рыболовы.

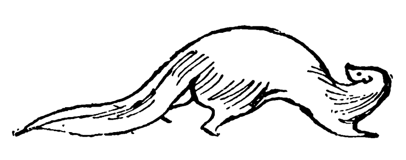
Именно такой водяной виверрой и оказался зверек, открытый в 1919 году в лесах Итури. Ростом он с кошку.

У него гладкая коричневая шерсть с белыми пятнами на морде и с толстым пушистым черным хвостом.

Зверек хорошо плавает и ныряет, а питается рыбой.

Поэтому его и назвали рыбоядной генеттой. Зоолог Д. Аллен дал этой генетте латинское название Osbornictis piscivora в честь американского палеонтолога Осборна.

Хотя предварительное описание рыбоядной генетты было сделано в Маммалогическом журнале еще в 1919 году, до сих пор об этом животном ничего больше не известно. Местные жители его не знают. У них нет даже своего названия для этого зверька.

В леса Итури очень трудно проникнуть. Еще труднее выбраться оттуда живым. Только этим и объясняется, что такой интересный зверь, как водяная виверра, до сих пор еще никем не пойман и не изучен: ведь описание Д. Аллена было сделано только со слов очевидцев. Самого зверька так и не удалось поймать.

ЕСТЬ ЛИ В НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ МЛЕКОПИТАЮЩИЕ?

В октябре 1769 года корабль «Индевр» под командой английского мореплавателя Джемса Кука подошел к берегам Новой Зеландии. После долгих споров Кук и его офицеры решили, что наконец открыли таинственный Южный материк — «Terra australis incognita».

Но оказалось, что это был всего лишь один из новозеландских островов. Еще в 1642 году голландский мореплаватель Тасман увидел со своего корабля покрытые снегом вершины гигантского горного хребта Новой Зеландии. Он назвал эти горы «Южными Альпами». Но Тасман не смог исследовать «Землю Штатов», как он назвал Новую Зеландию. Это сделал Джемс Кук, когда через 127 лет после Тасмана вновь открыл новозеландские острова.

В результате тщательных наблюдений Джемс Кук пришел к выводу, что «за исключением собак и крыс, в этой стране нет ни одного четвероногого животного. Во всяком случае, мы не встретили ни одного из них».

Небывалое дело!

Сначала словам Джемса Кука не придали значения. Он мог и ошибиться. Но Кук оказался прав: до сих пор в Новой

Зеландии не найдено ни одного млекопитающего местного происхождения. Правда, в Новой Зеландии обитают два вида летучих мышей. Но они переселились сюда недавно из других стран.

Живут в Новой Зеландии также собаки и черные лесные крысы, ныне, говорят, уже вымершие. Но этих животных привезли с собой люди, переселившиеся на новозеландские острова.

Отчего же в Новой Зеландии нет млекопитающих? Геологи считают, что новозеландские острова отделились от Австралии приблизительно 160 миллионов лет назад. Тогда всюду — на суше, в море и в воздухе — господствовали пресмыкающиеся, крупные и мелкие ящеры — ихтиозавры, птеродактили, бронтозавры, диплодоки и другие страшилища. Сумчатые млекопитающие, наводнившие австралийский материк в более позднее время, не смогли уже проникнуть в Новую Зеландию. Лишь птицы и летучие мыши без труда преодолели просторы Тасманова моря, отделяющего Австралию от новозеландских островов.

Маори, коренные жители Новой Зеландии, называют летучих мышей «пека-пека». «Киоре», по-местному, маленькая лесная крыса, а «карарехе» — собака. Но странное дело: маори, кроме этих всем хорошо известных животных, знают еще какого-то «вайторека». Вайторек — существо, похожее на выдру, вызывает недоумение у специалистов по новозеландской фауне. Никто из зоологов не видел его ни живым, ни мертвым. Между тем местные жители могут описать этого легендарного зверька во всех подробностях.

Вайторек живет в воде, но это не рыба: тело у него покрыто густой бурой шерстью. Увидеть вайторека очень трудно, потому что он обитает в недоступных горных лесах в глубине страны, на охоту выходит только ночью.

Первые сведения о загадочном новозеландском зверьке привез в Европу в 1850 году путешественник и натуралист Уолтер Мэнтелл. Он слышал о нем от местных жителей. Мэнтелл обещал щедро наградить того, кто принесет ему вайторека. Маори отправились в глубь острова на поиски таинственного животного, но вернулись ни с чем.

Дальнейшие и более подробные сведения о вайтореке мы находим в капитальном труде австрийского ученого Фердинанда Хохштеттера «Новая Зеландия, ее физическая география, геология и естественная история».

Хохштеттер сообщает об исследованиях доктора Ю. Хаста, который часто встречал в горных лесах Южного острова Новой Зеландии следы вайторека. Следы напоминают отпечатки лап европейской выдры, но мельче их. Животное это размером с кошку, покрыто блестящей коричневой шерстью, обитает в горных реках и озерах на высоте 1000 метров, в недоступных местностях, где почти не ступала нога человека.

Рассказывают, что два колониста, которые пригнали стадо овец на горные пастбища у берегов озера Херон, случайно увидели странного, похожего на выдру зверька. Они бросились за ним, пытаясь убить кнутами. Зверек испустил пронзительный свист и нырнул в воду. Больше они его не видели.

Рассказ о вайтореке Хохштеттер заканчивает словами: «Можно не сомневаться, что в Новой Зеландии обитают свои исконные млекопитающие, которые до сих пор не попались еще в руки исследователей».

Надо сказать, что оптимистическую уверенность Хохштеттера разделяют немногие зоологи. В самом деле, что это за зверь? Как он сюда попал? Почему до сих пор не пойман?

На последний вопрос, впрочем, ответить легче, чем на первые два. Не пойман он главным образом потому, что мало кто в него верит и никто его не ищет. Вайторек существует лишь в местном фольклоре — таково заключение большинства специалистов.

Мнение зоологов защитников вайторека, менее единодушно. Одни полагают, что этот загадочный зверек — переселившаяся с Командорских и Алеутских островов морская выдра — калан. Оказывается, каланы иногда предпринимают далекие путешествия по морю. Стадо из нескольких сот этих драгоценных пушных зверей видели в 1938 году у берегов Калифорнии. Встречали их будто бы у южного Чили.

Однако эта гипотеза маловероятна. И не только потому, что слишком уж опасен и велик путь, который пришлось бы преодолеть переселенцам, чтобы пересечь весь Тихий океан с севера на юг. Дело в том, что каланы — чисто морские животные. Они настолько тесно связаны с жизнью в море, что трудно допустить, чтобы они могли приспособиться к обитанию в пресных водах. К тому же и размеры их значительно превышают величину, указанную для вайторека.

Сделана также неуверенная попытка произвести загадочного вайторека от австралийского утконоса. Утконос тоже живет в воде, у него прекрасный коричневый мех и... утиный нос, который сразу бросается в глаза! А ни в одном описании вайторека не упоминается ни о чем подобном.

«В одной старой книге о Новой Зеландии,— пишет И. Крумбигель,— перечислены следующие удивительные признаки вайторека: у него будто бы голый, сплющенный, как у бобра, хвост. Зверек строит на берегах водоемов похожие на ульи домики. Реки вайторек перегораживает плотинами! Может быть, в горных лесах Новой Зеландии обосновалась (теперь уже истребленная) колония бобров, завезенных кем-либо из европейцев?»

Интересное предположение делает советский ученый Петр Петрович Смолин. Животный мир Новой Зеландии в некоторых отношениях обнаруживает поразительные черты сходства с фауной Южной Америки*. Поэтому более вероятно, что и млекопитающие новозеландских островов, если они существуют, имеют тоже больше сходства с южноамериканскими, а не с австралийскими животными. В Южной Америке есть зверек, который напоминает легендарного вайторека. Это водяная сумчатая крыса — плавун.

Однако все это только предположения.

Может показаться странным, что небольшой полумифический зверек привлек к себе внимание научного мира, совсем не пропорциональное его малым размерам. Хотя вайторек и менее импозантная фигура, чем «снежный человек» или гигантский морской змей, однако его находка может произвести в научных взглядах не меньший переворот. Если будет доказано, что он существует и что по своему происхождению это исконный обитатель Новой Зеландии, тогда, может быть, придется пересмотреть некоторые современные гипотезы о происхождении животного мира новозеландских островов.

---

* Даже гигантские вымершие страусы Новой Зеландии, как показали последние исследования, были ближайшими родичами не австралийских страусов — эму и казуаров, а южноамериканских нанду!

ВЕЛИКАНЫ И КАРЛИКИ В СВОЕМ РОДЕ

ГИГАНТСКИЕ КАРЛИКИ

Сколько видов слонов существует на свете? Вот простой, казалось бы, вопрос, на который зоологам, однако, нелегко дать ответ.

До конца прошлого века думали, что на земле живут лишь два вида слонов — индийский и африканский. В ту пору в Европу и Америку слонов привозили только из Восточной Африки, и поэтому европейские натуралисты не имели случая познакомиться со всем разнообразием африканских слонов.

До сих пор еще в учебниках и популярных сочинениях по зоологии пишут, что на земле обитает два вида слонов. Если же мы заглянем в более специальную литературу, то найдем там иные сведения.

Еще в конце прошлого века немецкий зоолог Пауль Мачи открыл в Африке (в Камеруне) новый вид слонов. Он

описал его в 1900 году под названием круглоухого слона (Elephas cyclotis, теперь — Loxodonta cyclotis). У этой разновидности в отличие от типичного африканского, или длинноухого, слона (Loxodonta africana) уши небольшие, менее угловатые, более округлой формы. Сам Пауль Мачи считал, что круглоухие слоны — жители западных стран Африки, а длинноухие—ее восточных территорий. Но дальнейшие исследования показали, что это не совсем так. Оказалось, что длинноухие слоны обитают и на востоке и на западе Африки, но всегда в открытых пространствах — в степях, камышовых зарослях по берегам больших рек и озер и в саваннах. Круглоухие слоны отличаются иными привычками: они предпочитают жить в густых лесах.

Сначала круглоухих и длинноухих слонов считали разными подвидами одного вида — африканского слона. Но потом были замечены у них столь несовместимые особенности, которые заставили зоологов выделить круглоухих и длинноухих слонов в отдельные виды. Эти слоны значительно отличаются друг от друга не только образом жизни, но и своей анатомией. Прежде всего длинноухие, или, как их теперь называют, степные, слоны выделяются более крупным, чем у круглоухих, или лесных, слонов ростом. Взрослый самец степного слона может достигать в высоту 3,5 и даже 3,75 метра, тогда как лесной слон не бывает выше трех метров, обычный же его рост около 2,5 метров.

Лесной слон темнее окрашен и кожа его менее морщинистая, чем у степного слона. Бивни у степных слонов отличаются огромной величиной и весом (до 200 фунтов) и направлены косо вперед, так как слоны этого вида носят голову высоко поднятой.

У лесных слонов сравнительно небольшие бивни (20—40 фунтов весом) более темного, голубовато-серого оттенка. И направлены они почти вертикально вниз: лесные слоны низко опускают голову. Вообще они выглядят, так сказать, более «сутулыми»; задняя часть тела (крестец) у них выше передней. У степных слонов холка выше крестца.

Слоны саванн неутомимые ходоки, они совершают длинные и регулярные кочевки с одного пастбища на другое. Лесные слоны не любят длинных путешествий.

Но самое главное отличие длинноухих и круглоухих слонов — в числе пальцев на ногах. У длинноухого африканского слона на передних ногах по четыре, а на задних только по три пальца. У лесного же слона на каждой ноге

на один палец больше. Интересно, что у эмбрионов степных слонов число пальцев на ногах такое же, как у взрослых лесных слонов. Поэтому И. Крумбигель считает, что степные слоны произошли от лесных.

«Удивительно, почему столь резкие отличия между двумя видами африканских слонов,— пишет американский зоолог Г. Аллен,— долго не замечались охотниками и натуралистами!»

Действительно, очень странно. Тем более, что не однажды и до открытия П. Мачи в научной литературе поднимался вопрос о существовании в Африке второго, более мелкого вида слонов. Знаменитый французский натуралист Бюффон писал, например: «...самые крупные слоны Индии и восточного побережья Африки достигают в высоту 14 футов, а мелкие слоны, которые водятся в Сенегале и других странах Западной Африки, имеют рост только в 10—11 футов. Один упомянутый уже слон из Конго в 18 лет был ростом лишь в 7,5 фута».

А путешественник и натуралист Бюттикофер в 1890 году прямо заявил, что в «Либерии обитают карликовые слоны». Но прошло много лет, прежде чем эти слоны получили официальное признание.

Итак, мы познакомились еще с одним, третьим, видом слонов. Но семья толстокожих гигантов не ограничивается только этими тремя представителями.

Давно уже из Африки приходят сообщения о слонах-карликах, которые якобы водятся в глубине ее девственных лесов. Эти «игрушечные» животные еще мельче круглоухих слонов. Говорят, что ростом они не больше коровы. В Либерии слонов-карликов называют «сумби», в Габоне «ассала».

Палеонтологи установили, что на островах Средиземного моря — на Мальте, Кипре, Сицилии и Сардинии — миллионы лет назад действительно жили слоны-карлики. Но нигде в Африке никому из натуралистов не удавалось обнаружить живых карликовых слонов, и поэтому считалось, что рассказы африканцев о слонах ростом не больше носорога относятся к области мифов.

Но вот в 1906 году в зоологическом журнале «Зоологише Анцейгер» появилась статья немецкого зоолога Теодора Ноака, в которой он описывал новый изученный им вид африканских слонов — Loxodonta pumilio, что значит в переводе с латинского — «слон-карлик».

Ноак исследовал слона-карлика по кличке «Конго», пойманного в лесах Огове (Габон) и привезенного в Берлинский зоопарк. Конго отлично перенес морское путешествие и жил в неволе очень долго (умер он в 1915 году).

Позднее звероловы не раз привозили карликовых слонов в зоопарки Европы и Америки (например, в Берлинский, Антверпенский и Нью-йоркский). Странные животные жили в неволе годами, и никогда даже в самом зрелом возрасте рост этих слонов не превышал двух метров.

В 1922 году в Нью-йоркский зоопарк прибыла слониха Тини, несколько позднее другая — Жозефина, которая детально была изучена зоологом Г. Алленом. За год она вырастала на 10 сантиметров и в возрасте 15 лет достигала в высоту лишь 211 сантиметров. В 1926 году и Берлинский зоопарк обзавелся своим карликовым слоном по кличке «Мампе». Этот слон на весь мир прославился как искусный... живописец. У него была странная привычка: Мампе брал в хобот палку и, тыча ею в землю, выводил на песке замысловатые фигуры. Конечно, слон «рисовал» совершенно бессознательно, но это не помешало владельцам зоопарка создать Мампе большую рекламу. С разных концов мира съезжались люди посмотреть на слона-живописца.

Все дивились мнимому искусству слона и гадали, кто в глуши диких джунглей мог обучить его лучшим традициям абстрактной живописи? Между тем настоящую загадку представляла не мазня толстокожего «живописца», а его происхождение. Ведь до сих пор, по правде говоря, наукой не решено, существуют ли на свете карликовые слоны.

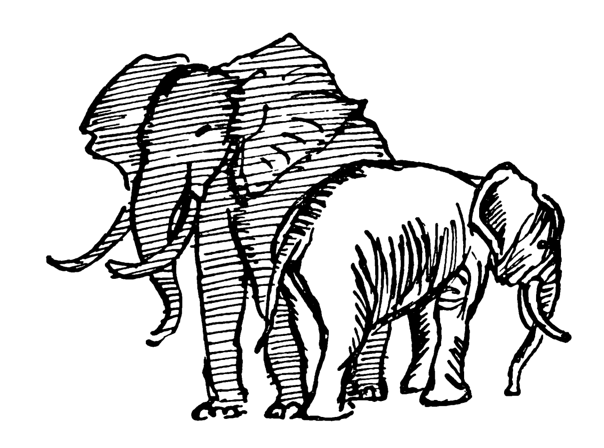
То есть как — существуют ли? Разве Мампе и слоны-карлики из других зоопарков подделки?

Нет, конечно, это «стопроцентные» карлики, без всякой подделки. Но дело в том, что и Мампе и его низкорослые собратья из других зверинцев могли ведь и не принадлежать к особому виду слонов-пигмеев: где гарантия, что этих «недоразвитых уродцев» не произвели на свет обычные высокорослые слоны. Ведь никто не присутствовал при их рождении. Этот вопрос и сейчас задают многие зоологи. А раньше такое мнение было почти единодушным.

Чтобы доказать, что карликовые слоны представляют особую разновидность, нужно было установить, существуют ли в Африке отдельные и самостоятельные стада этих животных, или они рождаются от обычных слонов и пасутся вместе с ними в одной компании.

В 1913 году такое наблюдение удалось сделать одному из самых неутомимых путешественников Гансу Шомбургку. В течение более чем тридцати лет этот зверолов и натуралист исколесил всю центральную и южную Африку. В конце 1911 и начале 1912 года Ганс Шомбургк охотился в Либерии на карликовых гиппопотамов и неожиданно нос к носу встретился в лесу с другими еще более удивительными карликами — с таинственными сумби.

«Однажды утром, — пишет Шомбургк, — мы напали на свежие следы слонов, а вскоре увидели целое их стадо.

Разделившись на две группы, слоны паслись, медленно переходя с места на место и не обращая никакого внимания на шум, который мы производили, ломая ветки. Когда мы, наконец, пробрались сквозь цепкие заросли, то увидели... карликовых слонов!

Их было около двадцати. Они походили на обычных слонов ростом не больше коровы. Мне удалось очень хорошо рассмотреть их. Без всякого сомнения, передо мной были карликовые слоны сумби».

Казалось бы, свидетельство такого прославленного исследователя, как Ганс Шомбургк, должно было наконец рассеять всякие сомнения. Но дело осложнилось новой загадкой. Путешественники по Конго привезли в Европу рассказы о вака-вака — водяных слонах, которые невелики ростом и живут якобы в воде, как гиппопотамы, но внешне они почти не отличаются от обычных слонов.

— Это уж слишком! —возмутились зоологи,— для полной коллекции фантастических монстров не хватает только жирафа-норокопателя и летающего носорога!

Между тем вскоре пришло известие, что невероятных «водяных слонов» видели и европейцы. Близ озера Леопольда II (Конго) заметили пять странных слонов, которые, испугавшись людей, бросились в реку и поплыли, выставив над водой лишь хоботы. Впрочем, и обыкновенные слоны таким же способом — подняв над водой конец хобота, точно водолазный шланг, — переходят вброд глубокие реки.

Однако некто Лепти утверждал, что «водяные слоны» отличаются от обычных. Он заметил будто бы у «водяных слонов» небольшие уши, короткие хоботы и необычно длинные шеи.

Мало кто обратил внимание на это не очень-то вразумительное сообщение. Но нашлись и энтузиасты, загоревшиеся желанием поймать «водяного слона». Бельгийский офицер лейтенант Франссен дал клятву во что бы то ни стало разыскать в дебрях Конго «водяного слона». «Если только это животное существует,— заявил он,— то я вернусь с ним или не вернусь вообще».

Франссен вернулся и... привез шкуру вака-вака. Бернар Эйвельманс пишет, что бесстрашный охотник провел много мучительных дней в глуши тропических дебрей, выслеживая фантастических животных. Наконец, когда счастье ему улыбнулось, он, подстерегая на болоте «водяных слонов», просидел в воде 36 часов, прежде чем ему удалось подстрелить «самого крупного самца в стаде».

Добытый им трофей исследовал в 1914 году доктор Анри Шутеден, директор бельгийского Музея Конго. Рост слона не превышал 1 метра 66 сантиметров. Однако бивни у него были значительно крупнее, чем у обычных карликовых слонов: 65 сантиметров в длину и весом в 43 фунта. А. Шутеден решил, что имеет дело с новым видом слонов, приспособившихся к жизни в топких болотах сырых тропических лесов. Он дал новому виду название Loxodonta fransseni, в честь отважного охотника, ценою своей жизни добывшего редкое животное (вскоре по возвращении в Европу Франссен умер от истощения и тропической лихорадки).

Позднее американец Иванс застрелил в лесах Конго еще двух «водяных слонов», одного из которых британские зоологи отнесли тоже к виду Loxodonta fransseni.

Это, следовательно, уже пятый вид слонов. Но и он не последний. В разное время и в разных местностях Африки было обнаружено еще 12 видов и подвидов слонов. Разбираться в этой невероятной путанице круглоухих, длинноухих, лесных, болотных, водяных, южных, северных и прочих слонов стало не под силу и искушенным специалистам.

Нужна была серьезная, как говорят зоологи, ревизия (то есть пересмотр) всех описанных видов.

Инго Крумбигель в монографии об африканских слонах, изданной в 1943 году, доказал, что в Африке существует лишь два вида слонов — слон степной (длинноухий) и слон лесной (круглоухий).

А как же слоны-карлики?

Крумбигель считает их подвидами лесного слона. В западных и восточных районах зоны тропических лесов Африки образовалось два высокорослых и два карликовых подвида лесных слонов.

ЕЩЕ ОДИН ТОЛСТОКОЖИЙ КАРЛИК

Ганс Шомбургк доказал реальное существование двух гигантских лесных карликов — сумби и нигбве.

Сумби — карликовые слоны, он встретил их случайно, когда охотился в лесах Либерии на нигбве. Нигбве, по-местному, бегемот-карлик. Ганс Шомбургк первым из европейцев увидел и поймал живых карликовых гиппопотамов.

Карликовый бегемот был открыт еще в 1849 году. Американский натуралист доктор С. Мортон получил от своего друга, вернувшегося из путешествия по Африке, несколько черепов млекопитающих животных. Среди них был череп миниатюрного бегемота.

С. Мортон описал на основании этого черепа новый вид гиппопотамов, который он назвал Hippopotamus liberiensis (позднее карликового бегемота переименовали в Choeropsis liberiensis).

Однако коллеги Мортона, зоологи прошлого столетия, почему-то решили, что он ошибся в своем определении, и карликовый бегемот долго числился в списках несуществующих видов. Было распространено мнение, поддержанное такими крупными авторитетами в зоологической науке XIX века, как английский палеонтолог профессор Р. Оуэн

и французский ученый М. Бленвиль, что карликовый гиппопотам, описанный доктором Мортоном, лишь недоразвитый обычный бегемот.

Этот ошибочный взгляд продержался в научных кругах до самого начала XX века. К тому времени в разных музеях Европы и Америки, по словам Бернера Эйвельманса, были уже собраны остатки 20 карликовых бегемотов. Но никто не хотел их внимательно изучить. Кости и черепа карликового бегемота обычно числились в музейных каталогах под рубрикой молодого обыкновенного бегемота, либо уродливой карликовой формы этого вида, либо, что еще более странно, ископаемого карликового гиппопотама.

И вот при таких обстоятельствах Ганс Шомбургк получил довольно странное предложение — поймать «несуществующего» бегемота-карлика.

В книге «Биение пульса в лесной чаще» он пишет:

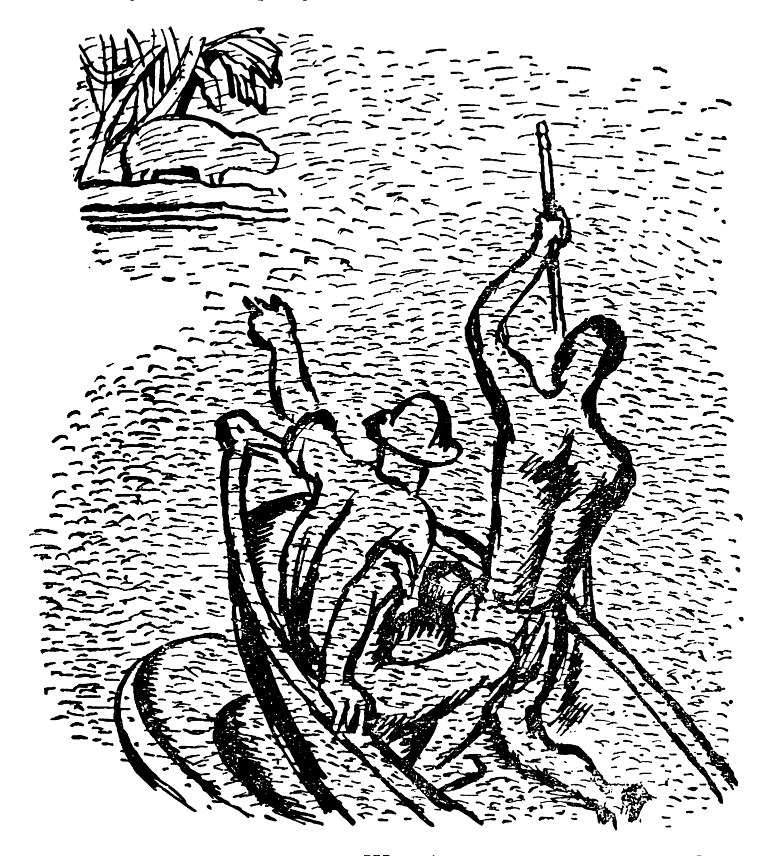
«— Хотите поехать в Западную Африку и поймать там животное, которого не видел ни один европеец? — спросил меня Карл Гагенбек осенью 1910 года.

Ехать вам придется в Либерию, а о каком животном идет речь, я скажу лишь после того, как вы дадите согласие на поездку в эту почти не исследованную страну с нездоровым климатом.

Я согласился, но когда этот известный специалист по импорту редких животных сказал, что предстоит поймать живого, ставшего легендарным карликового гиппопотама, я сильно усомнился в возможности выполнения этой задачи. Все же 25 апреля 1911 года я выехал из Гамбурга, запасшись рекомендательными письмами к правительству Либерии».

С первых же шагов своей экспедиции Ганс Шомбургк столкнулся с большими трудностями. Когда он прибыл в Либерию, то сначала никто не соглашался сопровождать его в дебри тропического леса: дело было в мае, то есть в начале дождливого сезона. Наконец он набрал нужное число проводников и носильщиков. Но когда эти люди узнали, с какой целью он сюда прибыл, предприятие опять совсем было расстроилось. И не потому, что никто не верил в возможность осуществления этой бредовой, по мнению европейских зоологов, затеи — поймать «мифического» зверя. Оказалось, что здесь все, кроме чиновников и туристов, верят в существование нигбве. Дело осложнялось тем, что толстокожего карлика местные охотники считали очень свирепым

и опасным зверем. Когда немецкий путешественник рассказал о своем намерении старосте лесной деревушки, из которой решил начать свои поиски, тот недоверчиво улыбнулся. «Он перевел мои слова своим землякам, заулыбались и они. Нужно же придумать такое—поймать живого нигбве»!

В первую экспедицию Шомбургку не повезло. Он не поймал карликового гиппопотама, но увидел его! А это уже немало. Он был первым европейцем, который встретил в лесной чаще легендарного нигбве. Вот как это произошло.

«Начинало смеркаться, и мы уже подумывали о возвращении из леса, как вдруг метрах в двухстах среди деревьев мелькнула какая-то черная тень, как мне показалось буйвола или большого крокодила. Но вот животное вышло на

берег, и я увидел, что это был нигбве — гиппопотам, ради которого я приехал в Либерию!

Нам удалось приблизиться к нему на лодке метров на пятьдесят и хорошенько рассмотреть. Гиппопотам был около метра в длину и сантиметров 60 в высоту. Морда у него значительно острее, чем у обычных гиппопотамов, шкура черная, как сажа, с розовым пятном на брюхе».

Шомбургк был вне себя от радости: он собственными глазами увидел животное, которое считалось давно вымершим. Но нечего было и думать о том, чтобы поймать его до окончания дождливого сезона: лес стал совершенно непроходимым. Шомбургк вернулся в Европу. Здесь его рассказ о встрече с карликовым бегемотом вызвал всеобщее недоверие и даже насмешки. Решили, что утомленный бессмысленными поисками прославленный исследователь стал жертвой галлюцинаций. Желаемое в его воображении приняло формы действительного!

В декабре 1911 года Ганс Шомбургк снова выехал в Либерию.

С самого начала все сулило удачу.

Пробираясь через джунгли от одной лесной деревни до другой, Шомбургк вскоре убедился, что «мифическое» животное, которое в течение столетий ни разу не попалось на глаза ни одному из европейских путешественников, как это ни странно, довольно часто встречается в здешних лесах. Он нередко находил следы карликовых бегемотов и в один из первых же походов в лес увидел сразу нескольких живых нигбве.

«Первая моя экскурсия была к реке Лоффе. Уже на другой день путешествия шагах в тридцати от реки я заметил в воде что-то черное.

— Мве-мве*, — шепнул один из проводников.

Действительно, это был карликовый гиппопотам. Я схватил ружье, но гиппопотам нырнул, и я увидел его уже на другом берегу в густой чаще кустарников. Через несколько дней мы встретили другого гиппопотама, и он тоже ушел в лес. Это было для меня неожиданным открытием, так как обычно гиппопотамы в случае опасности стремятся поскорее спрятаться в воде».

Вскоре Шомбургк познакомился с еще более странными привычками четвероногих карликов. Один из негров пока-

* Мве-мве — карликовый бегемот на языке гола.

зал ему небольшую пещерку, выкопанную у самой воды в обрывистом берегу. Он уверял, что это жилище мве-мве.

«Мы просмотрели много таких пещерок-тоннелей с выходами к реке и в лес. Почти везде наталкивались мы на следы карликовых гиппопотамов, но их самих ни разу не видели. Поэтому я не особенно верил тому, что эти пещерки служат им убежищем, но все же решил попытать здесь счастья.

Мои спутники стали тыкать в отверстие палками, послышался шорох, и вдруг... показался желанный карликовый гиппопотам. Мы легко могли бы взять его живым, если бы закрыли оба выхода и построили вокруг тоннеля крепкую ограду. Но я был так взволнован, что не сообразил и выстрелил...»

Так, после 60 лет неверия, последовавшего за первым открытием, был добыт наконец карликовый гиппопотам — не бесплотный образ охотничьих мифов, а взрослый, вполне натуральный самец из мяса и костей, этакая упитанная туша пудов на двенадцать весом!

Шомбургк, правда, очень сожалел, что не взял его живьем. Но через два дня из лесной деревни Тиндоа пришла радостная весть: в ловчую яму попал живой мве-мве!

«Наконец-то цель была достигнута! Для этого понадобился целый год трудной борьбы с лесом, москитами, лихорадкой, дождями и зноем, голодом и холодом...»

Шомбургк поспешил в Тиндоа, где в глубокой яме, заваленной сверху толстыми бревнами, его ждал дорогой пленник.

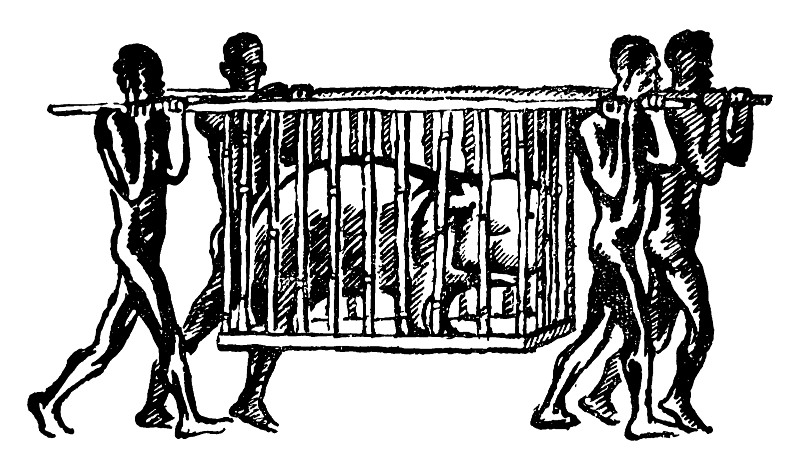
«Против обыкновения, гиппопотам вел себя очень спокойно и добродушно посматривал на всех маленькими глазками. Я поднес к его носу корень кассавы, наколотый на острую палку, ожидая, что животное яростно набросится на палку. Но произошло чудо; словно обычная домашняя корова, гиппопотам спокойно обнюхал предложенное угощение и стал уплетать его. Наш пленник съел всю кассаву, заготовленную на ужин охотниками. Точно камень с плеч свалился, когда я увидел это спокойствие.

Весь день вокруг ловушки строили высокую ограду. Затем яма была расширена, и в нее наклонно положены доски, чтобы гиппопотаму удобно было выйти. Он очень быстро нашел выход и осмотрел свое новое жилище. Увидев корни кассавы и сочную ботву бататов, он поел, вернулся в свою яму и заснул».

Пленник оказался очень забавным животным с миролюбивым и доверчивым нравом.

Между тем и из других деревень, где были расставлены ловушки на гиппопотамов, стали поступать сообщения о новых мве-мве, попавших в плен. Среди них оказалась очень злая и кусачая самка, два молодых гиппопотамчика и один старый, полный собственного достоинства самец.

Для пленников соорудили из бамбука клетки, привязали их к шестам, и нагруженная бегемотами экспедиция отправилась через джунгли обратно к берегу моря. Нелегкий это был путь.

Чтобы протащить через лес громоздкие клетки, приходилось прорубать в чаще широкую дорогу.

Наконец утомленные путешественники добрались до прибрежного селенья Кап-Моунт. Кончились лесные приключения. Но дорожные мытарства еще только начинались. Океанские пароходы не заходили в Кап-Моунт, но ради пяти лесных карликов, путешествующих в Европу, было сделано исключение. Большой пароход встал на рейде напротив деревушки, где в бамбуковых клетках дожидались погрузки карликовые гиппопотамы. Без особых приключений их подняли на палубу.

«Но волнения на этом не кончились. За животными, чтобы они не погибли в пути, требовался постоянный уход: дважды в день их смазывали жиром и поливали водой. В Бискайском заливе пароход попал в шторм. Канаты, ко-

торыми были привязаны ящики с гиппопотамами, лопнули, и животных едва не смыло в море. Их удалось спасти лишь в последний момент».

Судьба была милостива к удачливому охотнику. Ганс Шомбургк с триумфом привез в Гамбург целыми и невредимыми пять живых доказательств того, что карликовый бегемот не миф, а симпатичное существо с привычками, весьма необычными для родственника «речной лошади»*.

В противоположность своему большому родичу, бегемот-карлик не водное, а сухопутное животное. Образом жизни он напоминает диких свиней. Живет в густых зарослях по берегам рек, питается кореньями и клубнями, а в воду заходит лишь за тем, чтобы напиться или искупаться.

Весь день карликовые бегемоты спят в своих норах и лишь в сумерках выходят на поиски корма.

По сравнению с огромным бегемотом это животное — действительно карлик: нигбве весит в десять раз меньше «Старика Кибокко» — речного гиппопотама. В длину он обычно не превышает 1 метра 80 сантиметров, а в высоту 75 сантиметров. Ростом он, следовательно, не больше лесной свиньи и повадками похож на нее. Не мудрено, что первые исследователи Африки принимали его за дикого кабана, и, может быть, поэтому карликовый бегемот так долго сохранял свое инкогнито.

«НОВЫЙ БЫК»

Еще в начале тридцатых годов до Европы дошли слухи, что в лесах Индокитая обитает совсем неизвестный науке дикий бык, еще более крупный, чем гаур — могучий бык индийских джунглей. Но мало кто верил этим рассказам. Местные же охотники могли назвать все приметы загадочного быка. Они называли его «коу-прей», то есть «серый бык».

Их спрашивали:

— Этот бык — бантенг?**

— Нет,— отвечали они,— мы зовем его коу-прей. Он куда больше бантенга! Это бык-великан: он выше самого высокого человека!

— Может быть, это гаур?

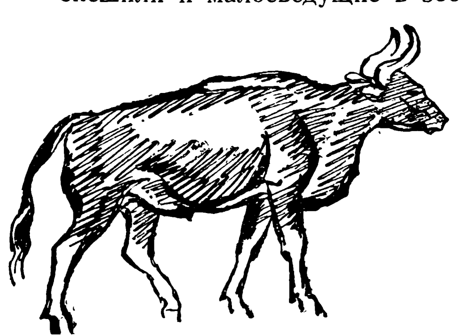
---

* Слово гиппопотам в переводе с греческого языка означает «речная лошадь».

** Бантенг, гаур и гайал — дикие быки, обитающие в горных лесах Индии, некоторых стран Индокитая и Малайского полуострова.

— Нет, это не гаур. Это другой бык. У гаура нет подгрудка, а у коу-прея — большой подгрудок. Это безгорбый бык. У всех диких быков на спине горб. У коу-прея он едва-едва выдается.

И вот в 1937 году настоящий живой коу-прей попал в Европу. Он произвел шумный переполох в Парижском зоопарке, куда его привезли. Еще бы! Природа опять бросала вызов науке: в такой, казалось бы, хорошо исследованной стране, как Камбоджа, вдруг поймали неведомого ученым очень крупного зверя — дикого быка! Посмотреть его спешили и малосведущие в зоологии посетители, и ученые-специалисты, знатоки диких быков. Драгоценный экспонат — молодой бычок — был подвергнут тщательному осмотру.

А все началось с того, что проф. А. Урбен, директор Венсенского зоопарка в Париже, путешествуя по Индокитаю, увидел в доме местного ветеринара, в котором он остановился, великолепные бычьи рога. А. Урбен сразу понял, что перед ним рога еще неизвестного науке животного. По просьбе ученого его любезный хозяин, ветеринар Р. Совель, организовал охоту на диких быков. Поймали молодого «серого» бычка и застрелили взрослого быка. Исследовав трофей, А. Урбен нашел, что «серый бык» отличается от всех известных до сих пор быков. Он назвал открытый им новый вид — Bos (Bibos) sauveli в честь Р. Совеля, благодаря энергии которого было сделано это открытие.

Но на этом история «серого быка» не кончается. Чешский зоолог Ян Ганзак пишет, что молодой коу-прей, привезенный в Парижский зоопарк, погиб во время второй мировой войны. В оккупационной неразберихе были потеряны бесценные для науки кости и шкура коу-прея. Несмотря на самые тщательные поиски, разыскать их не удалось.

Но теперь ученые твердо знали, что таинственный лесной бык существует. На охоту за ним в горные леса Бирмы и Индокитая еще в начале войны отправились новые энтузиасты. В 1940 году в Камбодже добыли еще одного коу-прея. Его кости и череп, вновь основательно изученные

специалистами, хранятся теперь в Гарвардском музее сравнительной зоологии. Американский зоолог Дж. Кулидж в обширной работе заново описал все признаки коу-прея. Он отнес его не только к особому виду, но даже совершенно новому роду копытных животных. Novibos, то есть «новый бык»,— такое имя получил теперь коу-прей. Впрочем, до сих пор еще продолжаются споры о его родственных связях с другими представителями бычьей породы.

Даже среди быков коу-прей выглядит очень крупным. Он выше азиатского буйвола, бантенга и других быков своей родины. Ведь рост в холке коу-прея достигает 1 метра 90 сантиметров! У него длинные лировидные рога и высокие стройные ноги.

Шерсть у коу-прея атласная, черного цвета, а ноги от копыт до колен белые. Почему же его называют «серым быком»?

Среди коу-преев серые только самки и молодые животные. Но стада диких быков состоят преимущественно из самок и подрастающего поколения, лишь один-два черных как смоль матерых самца сопровождают эту «серую компанию». Естественно, что чаще всего именно серые, а не черные животные обращают на себя внимание наблюдателей.

Живут коу-преи в негустых лесах по склонам гор Камбоджи, Лаоса и, по-видимому, других соседних стран.

ВЕЛИКОРОСЛЫЕ ВИКУНЬИ

До того как европейцы появились в Америке, здесь существовали индейские государства с высокоразвитой культурой. Испанские конкистадоры истребили племена инков, майя, ацтеков. С ними погибла весьма самобытная цивилизация доиспанской Мексики и Перу.

Лама и альпака — небольшие, безгорбые родичи верблюдов — были, пожалуй, самыми ценными домашними животными в стране инков. Лам разводили на мясо. Перевозили на них и грузы. Длинные вереницы навьюченных и связанных гуськом друг за другом лам тянулись по горным тропам Кордильер. Ламы — единственные транспортные животные, прирученные человеком в Америке. Дикий предок лам — гуанако и сейчас еще обитает в андских высокогорьях.

У индейцев Перу было еще одно домашнее животное из родни верблюдов — альпака. Альпаки заменяли индейцам

овец: с них настригали первоклассную шерсть. Альпаки происходят от викуней — прелестнейших созданий, удивительно подвижных и грациозных. На груди и плечах у викуней растет белоснежная грива. Ростом викуньи не больше европейской косули. Живут они высоко в горах, поднимаясь до самых ледников. Боливия, Эквадор и Перу — единственные страны, где, как считалось до недавнего времени, обитают эти животные.

Но вот незадолго перед второй мировой войной Лоренц Гагенбек привез из Аргентины в Гамбург несколько викуней, которые вызвали удивление у зоологов. Поражал прежде всего рост странных викуней: они были настолько же крупней своих собратьев, насколько олень больше косули. И окраска у них другая: не блеклая желто-бурая, а яркая, красновато-коричневая. Вместо пышной гривы на груди росло ее жалкое подобие из редких, немного удлиненных волос.

Крумбигель описал в 1944 году североаргентинских высокорослых викуней как новый подвид обыкновенной викуньи — Lama vicugna elfridae.

В последнее время некоторые страны пытаются развести у себя этих ценных высокогорных «мериносов» Америки. Крупные викуньи Аргентины представляют для них особый интерес.

Аргентинские викуньи — очевидно, не последний сюрприз для зоологов, который приберегла напоследок природа. Предстоит исследовать еще загадочных копытных животных.

В 1928 году в одной сиамской газете была помещена фотография убитого охотниками гигантского горала. Горал — некрупная (ростом с козу) горная антилопа, родич серны. Обитает он в горах Азии, встречается и у нас на Дальнем Востоке. Жители Сиама рассказывают, что в их стране живет особенный горал, гораздо более крупный, чем обычный. С его фотографией в 1928 году познакомились некоторые специалисты, но само животное, к сожалению, не попало в руки ученых.

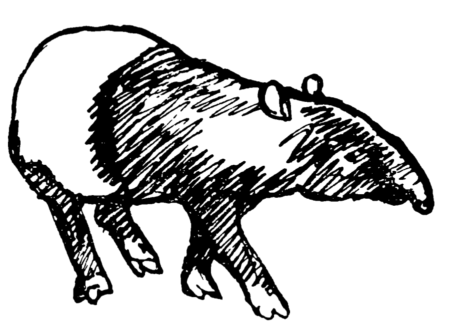
В 1938—1939 годах зоолог Эрнст Шефер обнаружил в пограничных районах Тибета и Сиккима новый, по его мнению, вид дикого козла — совершенно черного тара. Тибетцы называют его «шапи» и боятся, как черта. «Черт»-шапи ни живым, ни мертвым не попадал еще в руки ученых.

Несколькими годами раньше Э. Шефер сообщил о новой карликовой разновидности горных баранов Тибета, еще никем не изученной.

Шкура совершенно неизвестной карликовой антилопы была привезена однажды также и из Африки.

В 1819 году «отец палеонтологии» — французский ученый Жорж Кювье опрометчиво заявил, что уже все крупные животные открыты на Земле.

А через несколько лет ему пришлось post scriptum добавить в свою «Естественную историю» описание нового вида— чепрачного тапира. Зверь этот, несколько похожий на свинью, родич лошади, ростом немного уступает носорогу. Его совершенно неожиданно обнаружили в Индии, а позднее на островах Борнео и Суматра. До этого открытия считалось, что тапиры обитают только в Южной Америке. Американские тапиры окрашены в однотонный бурый или черный цвет, а у индийского тапира на спине большое белое пятно — словно белоснежный чепрак накинут на черного зверя.

Чепрачный тапир, неожиданным появлением сконфузивший великого палеонтолога, и сейчас еще задает ученым загадки.

Давно ходят слухи, будто на Суматре обитают некрупные тапиры, совершенно черные, без единого белого пятна на спине. Сравнительно недавно получены сообщения о нескольких таких тапирах, обнаруженных в округе Палембанг.

Новый ли это вид тапиров? Или местная раса? Может быть, просто случайная изменчивость окраски?

Науке это еще неизвестно. А пока, чтобы не оставлять пустого места там, где можно поставить несколько латинских слов, голландский зоолог Куипер обозначил одноцветного тапира Суматры как особую разновидность чепрачного тапира — Rhinochoerus indicus var. brevetianus.

ОЛЕНЬ — СВИДЕТЕЛЬ ВЕЛИКОГО ОЛЕДЕНЕНИЯ

Теперь я расскажу еще об одном загадочном копытном звере. Он не карлик и не великан, но тем не менее животное, интересное уже тем, что, как утверждают местные охотники, водится у нас в Саянских горах.

В 1937 году советский ученый профессор А. А. Машковцев обследовал район Саянского государственного заповедника. Экспедиция работала в Восточном Саяне, в верховьях рек Агул и Гутара. Во время посещения одной фермы северных оленей ученый обратил внимание на необычных телят, которые паслись в колхозном стаде вместе с матками домашних оленей. Его поразила окраска некоторых телят — светло-желтая с рыжеватым оттенком и с беловатыми пятнами на боках. Пятна располагались в два продольных ряда. В верхнем ряду 12 больших овальных, в нижнем — 7 более мелких и округлых пятен. Другие телята в стаде были нормально окрашенные, рыжевато-бурые, без пятен, как обычные неблюи — двух-шестимесячные телята северного оленя.

А. А. Машковцев заинтересовался пятнистыми телятами. Тафалары, местные оленеводы-охотники, объяснили ему, что осенью прошлого года дикие северные олени угнали стадо домашних самок в тайгу.

Не скоро беглянок вернули обратно на ферму. А когда наступило лето следующего года, работники фермы не были удивлены, увидев среди новорожденных телят пятнистых гибридов.

— Но позвольте,— возразил А. Машковцев,— все-таки непонятно, почему у гибридов появились пятна на рыже-желтой шкуре: ведь телята дикого северного оленя окрашены почти так же, как и домашнего?

— В наших лесах,— ответили тафалары,— живут особые северные олени. Телята у них рождаются палевыми и пятнистыми, долго сохраняют свои пятна, иногда даже в течение всей жизни.

И действительно, позднее профессор А. Машковцев увидел нескольких взрослых самок северного оленя с неясными пятнами на боках. Тафалары объяснили ему также, что у этих оленей самки почти всегда комолые или с недоразвитыми «штыкообразными» рогами (без отростков) высотой всего в 5—30 сантиметров, как у четырех-пятимесячных телят обыкновенного северного оленя. Лишь очень редко на

рогах у самок местных оленей развиваются два-три коротких (6—8 сантиметров длиной) отростка.

Это сообщение совершенно поразило ученого. Дело в том, что именно так сотни тысяч лет назад должны были выглядеть предки северных оленей, переселившиеся в ледниковое время из Северной Америки в Сибирь и Европу. Современные северные олени представляют исключение среди других своих собратьев: большие развесистые рога у них носят на голове и самцы и самки. У всех других оленей, которых во всем мире насчитывается 48 различных видов, самки совершенно не имеют рогов.

Северный олень — один из самых молодых видов животных и, бесспорно, самый «молодой» из оленей. Он начал свое развитие в одно время с человеком. Северные олени около миллиона лет назад произошли от американских оленей, среди которых были виды, приспособившиеся к жизни на зыбкой почве болот. До сих пор еще в заболоченных лесах Бразилии живет «двоюродный брат» северного оленя. Болотный бразильский олень целым рядом признаков напоминает своего северного собрата, особенно строением копыт, приспособленных для ходьбы по болотной трясине.

Похожие на него олени обитали в доледниковое время в Северной Америке. Когда с севера материка поползли гигантские ледники, уничтожая на своем пути роскошные леса и сминая холмы и горы, северная заболоченная тундра, сопутствуя ледникам, завоевала огромные пространства и на юге североамериканского континента. Оленям — типичным лесным животным — пришлось привыкать к новым условиям. Лучше всех это удалось сделать болотным оленям, которые уже были приспособлены к жизни на зыбкой почве лесных болот. Они постепенно превратились в настоящих обитателей тундры — северных оленей. Но еще долго сохраняли признаки своих предков: безрогость самок и пятнистость телят.

Когда ледники отступили на север, в полярные страны, за ними ушли и северные олени, для которых тундра стала теперь настоящей родиной. С Аляски они проникли на Чукотку и расселились дальше по всей Сибири. Северные олени заселяли новые для них страны и с запада: через Гренландию попали в Исландию, на Шпицберген и дальше в Западную Европу, где в ледниковое время они водились почти всюду, за исключением лишь Испании, Италии и Балканского полуострова.

Давно зоологов соблазняла мысль найти где-нибудь на земле разновидность оленей, которые по своим признакам занимали бы среднее положение между северными и значительно отличающимися от них другими оленями. Но это «missing link»* так и не было найдено среди живых представителей оленьего рода.

Можно представить себе, какое впечатление произвели рассказы тафаларов на озадаченного профессора. Северные олени с комолыми самками и пятнистыми телятами — это же те рогатые завоеватели тундры, которые в стародавние времена, перебравшись из Аляски на Чукотку, расселились по всей Сибири.

Неужели в глуши Саянских гор, в междуречье Агула и Гутары, уцелели стада древних северных оленей, сохранивших почти без изменений свои примитивные признаки?

Нужно было проверить, все ли телята местных диких оленей пятнисты, а самки комолы. Дело в том, что и у обычных северных оленей иногда рождаются пятнистые детеныши и изредка попадаются безрогие самки. Это атавистические признаки, указывающие на происхождение северных оленей от пятнистых предков, самки которых были безроги. Но пятнистость у телят северного оленя встречается очень редко и с возрастом быстро пропадает. А здесь идет речь о пятнистых телятах (а иногда и взрослых оленях) и самках с недоразвитыми рогами как о нормальных признаках вида! Это совсем другое дело. Если тафалары не преувеличивают, ошибочно принимая за типичный изредка проявляющийся у диких оленей признак, то, бесспорно, в Саянских горах обитает разновидность северных оленей, сохранившая примитивные особенности своих древних предков — свидетелей великого оледенения. Профессор А. Машковцев предложил назвать этих оленей — Rangifer tarandus relictus, то есть «реликтовый** северный олень».

Конечно, охотники-тафалары могли и ошибиться. Однако еще в 1914—1915 годах небольшое стадо безрогих северных оленей наблюдал в Саянах и другой русский ученый — профессор В. В. Васнецов. Дело было в начале осе-

* «Недостающее звено» — английское выражение, принятое для обозначения предполагаемых переходных форм между различными видами.

** Реликтами ученые называют явления или организмы, сохранившиеся как пережиток от древнейших эпох.

ни, и олени в это время еще не сбрасывают рога. Значит, увиденные им олени были безрогими от рождения.

Все это обещало интересные открытия. В 1940 году А. А. Машковцев опубликовал небольшую работу о своих наблюдениях и рассчитывал в дальнейшем продолжить свои исследования. Но начало Отечественной войны расстроило его планы.

С тех пор никаких новых сообщений о «реликтовом» олене Саянских гор не поступало.

Возможно, что тафалары ошиблись, приняв за характерные особенности всего вида признаки, свойственные лишь отдельным животным.

СВЕРХГИГАНТСКИЙ КЕНГУРУ

«Я задремал, наверное, когда сидел у костра, дожидаясь Джигга. Джигг проверял участок выше по Сухой реке. Я очнулся и увидел его. Не Джигга, а эту тварь.

Мне показалось, что от горы отделилась скала и прыгнула ко мне. Я протер глаза и вижу «скала» уже рядом. Уши торчком, передние лапки маленькие, задние огромные и хвост длинный — словом, все, как у кенгуру. Но рост! Рост больше слона! Что слон — эта зверюга была повыше подъемного крана, который загружает силосную башню на ферме у Джексона!

Она скакнула еще раз и застыла как вкопанная. Я уже посматривал, в какую бы сторону податься. Вдруг вижу — идет Джигг. Тут и он заметил чудовище, бросил лоток и пустился наутек.

Он вопил так, словно сто чертей за ним гнались. А кенгуру-слон от его рева подскочил и... задал стрекоча в обратную сторону.

Я животики надорвал, глядя, как они удирают друг от друга. Кенгуру каждым прыжком отмеривал ярдов двадцать, а Джигг летел еще быстрее. На другой день я нашел его в шести милях к востоку. Джигг и сейчас дрожит, когда вспоминает о кенгуру с Сухой речки».

Историю эту рассказал один австралийский золотоискатель. То был не первый случай, когда золотоискатели и бродяги, осмелившиеся проникнуть в бесплодные земли австралийского Запада, возвращались оттуда с совершенно расстроенным воображением: они рассказывали бредовые

истории о кенгуру величиной со слона и кроликах ростом с носорога.

Слухи об этих фантастических существах, обитающих якобы в каменистых пустынях Центральной и Западной Австралии, очень упорные. Некоторые ученые, чтобы как-то объяснить их, предполагают следующее: возможно, говорят они, что в почти неисследованных зарослях колючих кустарников Центральной Австралии еще живут вымершие всюду сумчатые «грызуны» — гиганты дипротодонты. Только они могли послужить основанием для сказок о кроликах ростом с носорога, потому что действительно были таких размеров, а строением своих зубов и губ напоминали кроликов.

История поисков дипротодонтов связана с именем немецкого исследователя и натуралиста Людвига Лейхгардта.

В 1844 году Людвиг Лейхгардт по поручению правительства Нового Южного Уэльса исследовал совершенно неизвестные европейцам области северо-восточной Австралии, которые позднее получили название Квинсленда. За 14,5 месяца он проделал путь в 4800 километров и пересек австралийский континент от самой крайневосточной точки до северной у залива Ван-Димен.

В 1846 году он решил пройти весь материк с востока на запад, но из-за недостатка съестных припасов экспедиция с полпути вернулась обратно.

Во время путешествий по ненаселенным землям Австралии Лейхгардт сделал наблюдения, которые убедили его, что не все еще дипротодонты вымерли. В декабре 1847 года Лейхгардт повторил свою попытку пересечь австралийский материк с востока на запад с тайной надеждой обнаружить в пустынных равнинах Запада этих необычных животных.

Он рассчитывал, что его смелое предприятие займет три года. «Экспедиция прошла через долину Дарлинга до реки Барку,— пишет советский географ И. П. Магидович,— откуда Лейхгардт послал последнее известие (получено 3 апреля 1848 года).

Затем вся экспедиция пропала без вести. Тревожиться в Сиднее начали только через четыре года, в 1852 году. В течение семнадцати лет, до 1869 года, на поиски Лейхгардта и его спутников посылался ряд экспедиций, но никаких достоверных следов погибших путешественников не было найдено».

Следы неизвестных животных, замечает Бернар Эйвельманс, часто ведут в «преисподнюю».

Отважный исследователь унес с собой в неизвестность и те наблюдения, которые убедили его в существовании дипротодонтов. Обычно считают, что этих гигантских сумчатых погубила засуха, которая неожиданно обрушилась на Австралию несколько тысячелетий назад. Если бы они могли найти на иссушенной солнцем родине достаточное количество влаги и зеленой растительности, то благополучно дожили бы до нашего времени.

Однако, как показали последние исследования, на западе и в центре Австралии имеется гораздо больше запасов воды, зеленых зарослей и пастбищ, чем предполагали раньше. Еще в 1928 году экспедиция Маккая, исследовавшая «забытые области» на юге Северной Территории, совершенно неожиданно обнаружила здесь во многих местах обилие воды и даже массивы низкорослого леса. Истинный бич здешних мест не столько засуха, сколько кролики, невероятно расплодившиеся в стране, лишенной хищников. Бесчисленные грызуны грозят уничтожить последние остатки зеленой растительности.

Значит, колоссальные и совершенно незаселенные колонистами пространства австралийского Запада не представляют сплошь безводную пустыню!

Это неожиданное открытие окрыляет надежды энтузиастов, рассчитывающих найти в выжженных солнцем равнинах пугливых гигантов, которые представлялись золотоискателям в их бредовых видениях. То могут быть, говорят они, избежавшие гибели дипротодонты, либо сверхгигантские кенгуру, куда более крупные, чем все известные зоологам виды этих животных. Золотоискатели рассказывают, что «гигантские кролики», испугавшись людей, удирают с невероятной быстротой и через мгновение «буквально растворяются в пыли». Едва ли неуклюжие дипротодонты могут бегать так резво. Некоторые рассказчики прямо говорят не о каких-то там «кроликах», а о «кенгуру высотой в четыре метра».

Но, возможно ли подобное?

Вообще говоря, великаны время от времени появляются среди самых разнообразных представителей животного царства. Известны, например, восемнадцатиметровые моллюски, тридцатиметровые черви, четырехметровые ящерицы, трехметровые крабы, голуби величиной с индюка. Когда-то

на земле обитали почти метровые стрекозы-гиганты, страусы высотой в четыре, а носороги высотой в пять метров.

Сто миллионов лет назад над землей парил «живой аэроплан» — ящер птеранодон, его кожистые крылья достигали в размахе семи метров, а в озерах Африки жило ящерообразное чудовище, которое, слегка вытянув шею, свободно могло заглянуть в окно четвертого этажа!

Конечно, гиганты возможны и среди кенгуру. И. Крумбигель пишет, например, что на одном из австралийских островов доживают свой век вымирающие крупные кенгуру. В силу определенных биологических законов, животные, обитающие на островах, бывают всегда значительно мельче, чем родственные им виды на материках*. Если на каком-нибудь острове живет очень крупное животное, то почти всегда оказывается, что на близлежащем континенте у него есть еще более крупный живой или уже вымерший родич.

Поэтому И. Крумбигель предполагает, что когда-то на австралийском материке, должно быть, обитали кенгуру еще более крупные, чем все известные в настоящее время виды.

И все-таки предполагаемый «сверхкенгуру» мог быть лишь немного больше гигантского рыжего кенгуру, который, когда вытянется на кончиках пальцев, достигает в высоту двух метров.

Дело в том, что слишком большое животное, как бы придавленное весом своего чудовищного тела, становится неуклюжим и медлительным.

Кенгуру — житель безводных степей, чтобы не умереть с голоду, должен быть подвижным, быстроногим животным. В поисках скудной пищи ему приходится постоянно менять местожительство, совершая большие переходы. Еще английский палеонтолог прошлого столетия Ричард Оуэн указывал, что в Австралии, как и в саваннах Африки, в силу характера местной растительности, все травоядные животные должны обладать способностью к быстрому передви-

---

* Можно привести много примеров карликовых рас, развившихся на островах из нормальных предков: карликовые слоны Мальты (ныне вымершие), карликовые кабаны Сардинии, олени-малютки Корсики, Японии и Филиппинских островов, миниатюрный тигр с острова Бали, «аноа» — буйвол-пигмей (высотой всего в один метр!) с острова Целебес. Знаменательно также, что все породы пони и карликовых ослов были выведены на островах.

жению. Поэтому излишний рост и вес обитателю пустынных равнин может служить только помехой. Едва ли развитие вида, которого от голодной смерти спасает лишь подвижность, пойдет по пути чрезмерного гигантизма.

Вот почему с биологической точки зрения четырехметровый кенгуру — невозможная химера. Однако это не значит, что в пустынных просторах австралийского Запада не могут существовать просто крупные, а не сверхгигантские четырехметровые кенгуру неизвестного еще вида или другие, похожие на них животные.

«Есть надежда,— пишет И. Крумбигель,— найти в Австралии или на близлежащих мелких островах еще неизвестные науке виды кенгуру. На острове Флиндер сравнительно недавно закончила свое существование весьма своеобразная разновидность желтых кенгуру. Животные были истреблены раньше, чем их успели изучить зоологи. По-видимому, более крупная материковая раса этого безымянного вида вымерла на австралийском континенте еще раньше. У некоторых фермеров-колонистов или у аборигенов-охотников можно, наверное, отыскать шкуры неизвестных сумчатых».

БОЛЬШАЯ ПАНДА

Несколько лет назад один малоизвестный обитатель бамбуковых лесов Китая стал жертвой империалистической политики США.

Руководители Чикагского зоопарка давно мечтали приобрести редчайший экспонат — большую панду, или бамбукового медведя. Можно пересчитать по пальцам всех больших панд, побывавших в зоопарках мира. Наконец, пришло известие, что панда поймана. Ее владелец ждет только разрешения на ввоз зверя в США.

Но, увы, такого разрешения ему не дали: ведь панда поймана в Китае — значит, это «товар из коммунистических стран», на который власти США наложили эмбарго.

И взбешенный владелец «коммунистического товара» пустился в турне по Европе. Он и не ожидал, что его «отверженный» пленник будет встречен здесь с таким почетом. Посетители толпами стекались в зоопарки, где останавливался на недолгое жительство юный Чи-чи. В Берлинский зоопарк, например, пришло небывалое количество посетителей — 400 000 человек за три недели!

5 ноября 1958 года Чи-чи отбыл в Англию и там произвел не меньшую сенсацию.

У многих репортеров интерес, проявленный широкой публикой к почти никому не известному зверю, вызвал некоторое недоумение. Однако, если бы журналисты более внимательно следили за развитием общественного мнения, им не пришлось бы задавать недоуменных вопросов. Мы переживаем время, когда, в сознании человека совершается знаменательный перелом Люди начинают понимать, что нельзя так бесконтрольно, как прежде, расточать природные ресурсы. Это приведет к печальному финалу. Даже на Западе все больше и больше энтузиастов вступает в ряды бойцов, решивших выиграть великую битву — оградить богатства природы от всепожирающей алчности бизнеса.

Вот почему растет с каждым годом интерес к редким исчезающим животным.

Возможно, что популярности Чи-чи способствовала также и романтическая история, началом и концом которой была поимка первой панды.

Случилось это в 1937 году. Большая панда, или «бей-шунг», по-китайски — «белый медведь»*, была открыта в 1869 году, а поймана впервые лишь через 68 лет. Одно время она считалась даже вымершей. Проходили годы, а охотники и натуралисты, направлявшиеся в Южный Китай на ее поиски, возвращались ни с чем.

В 1936 году американцы Ф. Смитт и В. Харкнесс поклялись поймать неуловимого бей-шунга. Они снарядили большую экспедицию в Китай. Но В. Харкнесс внезапно умер в Шанхае.

Предприятие расстроилось, и Ф. Смит вернулся в Америку.

Тогда вдова Харкнесса решает довести дело мужа до конца. Руфь Харкнесс проявляет удивительную твердость

* Большая панда окрашена очень забавно: она белого цвета с черной «отделкой» на ушах, вокруг глаз, на передних и задних лапах, на плечах и загривке.

и выдержку. Многие месяцы провела она в диких джунглях, предпринимая отчаянные попытки выследить редкостного зверя. Жители провинции Сычуань, восхищенные мужеством женщины, помогли ей добыть юную самочку бей-шунга.

Первую панду, попавшую в плен к человеку, звали Су-линь. Она недолго жила в неволе и умерла в марте 1938 года. Тогда Руфь Харкнесс вновь возвращается в джунгли. Теперь у нее больше опыта, и вскоре она привозит в Америку еще одну юную панду — Мей-мей.

В том же году Ф. Смит, воодушевленный удачами вдовы своего друга, отправляется в Китай. Он привез оттуда сразу пять бей-шунгов. Три из них стали достоянием лондонского Риджент-парка.

Большая панда — редчайший зоологический экспонат. Но москвичи могут видеть его в любое время. В Московском зоопарке живет сейчас парочка бамбуковых медведей — Ань-ань и Пинь-пинь. Оба присланы нам из Пекина в подарок от китайских друзей.

Почти сто лет ученые решают заданную природой головоломку, пытаясь установить происхождение большой панды. Обладая признаками медведей, енотов, кошек и куниц, она не принадлежит, по-видимому, ни к тем, ни к другим.

Исследовав первые четыре шкуры бей-шунгов, добытые в Китае еще в конце прошлого века, ученые решили было, что большая панда — это особая разновидность растительноядных медведей. Зверь получил название бамбукового медведя. Одно время бей-шунга считали даже древнейшим представителем медвежьего рода, чуть ли ни предком современных медведей.

Но в 1936 году американский специалист по сравнительной анатомии животных, профессор Вильям Грегори, после тщательных исследований пришел к выводу, что большая панда — не медведь, а гигантский енот. Он нашел у нее много анатомических признаков, свойственных американским енотам-полоскунам.

Миллионы лет назад предки енотов переселились из Северной Америки, своей родины, в Азию. Звери прошли по перешейку, который в те времена соединял Аляску и Чукотку. Расселяясь далее по лесам Азии и Европы, некоторые древние еноты (предки малой панды, о которой речь будет ниже) проникли даже в Англию. Позднее они здесь вымерли, но в горах Тибета и в Гималаях два близких к енотам

вида животных дожили до наших дней. Это большая и малая панды*.

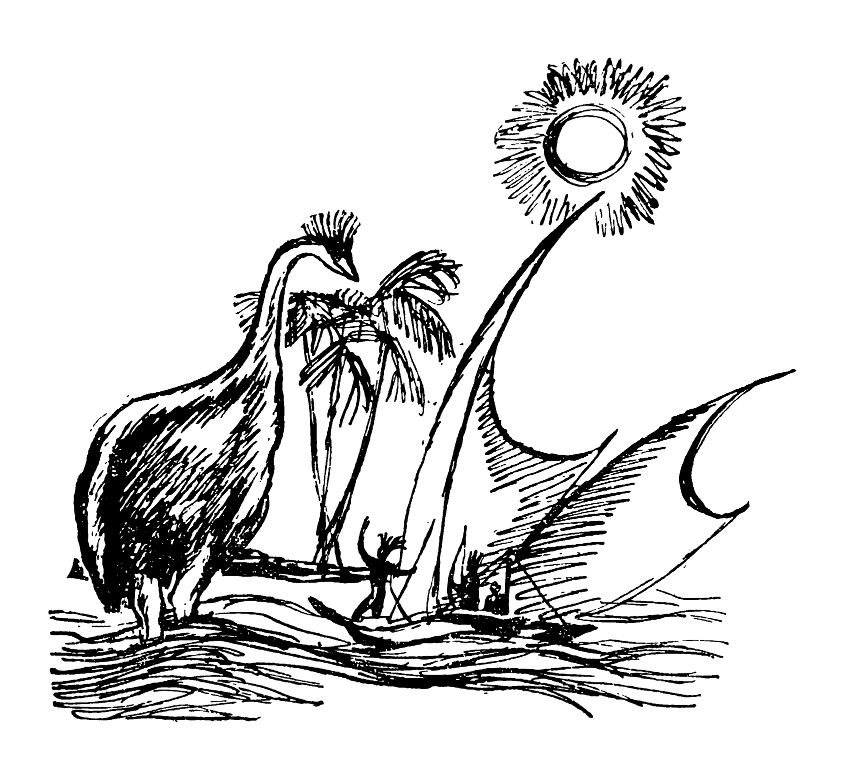
У специалистов никогда не вызывало сомнения, что малая панда — рыжий, похожий на кошку зверек — представляет собой азиатский вариант енота. Большая панда, по мнению профессора В. Грегори, гигантский потомок (в эволюционном смысле) малой панды.

Впрочем, вопрос о происхождении большой панды не решен окончательно. Бельгийский зоолог доктор Фрешкоп предлагает выделить панд в особое семейство, родственное, по его мнению, с одной стороны, медведям, а с другой —кошкам. Наконец, совсем недавно два ученых, Лиэн и Виен, исследовали реакцию организма большой панды на введение чужеродных белков. Оказалось, что белки из тканей медведей более родственны по своей биохимической природе организму панды, чем белки других хищников.

Зоологам будущего предстоит еще раз внимательно изучить все «анкетные данные» большой панды, чтобы решить наконец, кто она — медведь, енот или другое, совсем особое существо.

---

* Слово панда происходит от местного названия «ньяла-понча» «пожиратель бамбука». Хотя обе панды по происхождению хищные животные, питаются они растениями, в основном молодыми ростками бамбука.

ПТИЦЫ, ВЫМЕРШИЕ И «ВОСКРЕСШИЕ»

ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ БЕСКРЫЛЫХ ПТИЦ

Рукоять моего рулевого весла рвется к действию,
Имя моего весла — Кауту-ки-те-ранги.
Оно ведет меня к туманному, неясному горизонту,
К горизонту, который расстилается перед нами,
К горизонту, который вечно убегает,
К горизонту, который вечно надвигается,
К горизонту, который внушает сомнения,
К горизонту, который вселяет ужас.
Это горизонт с неведомой силой,
Горизонт, за который еще никто не проникал.
Над нами — нависающие небеса,
Под нами — бушующее море.
Впереди — неизведанный путь,
По нему должна плыть наша ладья.

Эту чудесную песню распевали «покорители горизонтов» — отважные люди островов Полинезии. Мореплаватели и поэты, они плыли «за моря, к царству света», они искали «остров мечты, прекрасный берег, достойный короля».

Великий океан разбросал их ладьи по всему «туманному горизонту», «небеса, качаясь, касались воды», и бешеный ветер рвал снасти.

Но смуглые мореходы презирали угрозы обезумевшей стихии. Они упрямо держали курс на юго-запад, ночью по звездам, днем по солнцу. В длинных ладьях, соединенных попарно бамбуковыми палубами, везли с собой кур и собак. Животных кормили сушеной мякотью кокосовых орехов, а сами питались печеным картофелем, заготовленным впрок. Ловили акул и летающих рыб. Везли с собой и дрова. Огонь разводили прямо в лодке, на подстилке из песка. Запасы пресной воды плыли сами, в толстых бамбуковых стволах, «пришвартованных» к лодкам.

Люди искали страну, которую открыл Купе. Давным-давно, рассказывают старики, герой Купе поклялся отомстить кальмарам, которые съели у него приманку для рыбы. Долго гнался он за стаей кальмаров, пока не очутился далеко к югу от родного острова. Здесь увидел он неведомую землю с высокими горами, окутанными туманом.

Наконец Купе догнал вожака кальмаров Уеке-а-Мутуранги в узком проливе между двумя открытыми им островами и сразил его. Вернувшись на родину, герой рассказал, что видел на юге большую страну, населенную только птицами. Но какими птицами! Птицами выше самого высокого мужчины!

Внуки и правнуки Купе захотели посмотреть на это диво. Они плыли неделю и две, плыли месяц — и вот увидели большую землю, окутанную густыми туманами. В Тиритири-о-те-Моана — «открытом море, что лежит к югу».

Путешественники пристали к берегу в заливе Изобилия близ мыса Беглеца в декабре, когда на побережье цвели деревья похутукава, покрытые алыми цветами. Один из вождей снял свой головной убор из красных перьев и бросил его в море со словами: «Цвет вождей Гаваики отброшен ради цвета новой земли, приветствующей нас».

Так 600 лет назад, почти за 200 лет до того, как первые европейцы достигли Америки, маори — отважное племя полинезийского народа, открыли Новую Зеландию. Они

прибыли сюда с легендарного Гаваики — «с Гаваики Великого, Гаваики Длинного, Гаваики Далекого».

Но это не были Гавайские острова, а другой остров, расположенный гораздо южнее. Этнографы считают, что Райатеа, один из островов архипелага Таити, и есть легендарный «Гаваики», прежняя родина маори, о которой с такой любовью повествуют их предания. И сейчас еще души умерших маори возвращаются на Гаваики «по золотой дороге, начертанной в море гаснущими лучами заходящего солнца».

Все на новой родине, в птичьей стране Аотеа-роа («Длинное белое облако»), поразило маори. Высокие башнеподобные горы, вулканы с дымящимися султанами, точно короны из перьев на головах знатнейших вождей Таити, непроходимые леса с огромными деревьями каури, кипящие ручьи и ледяные реки.

Странные острова Новая Зеландия! Здесь растут исчезнувшие всюду древние папоротниковые леса — наследие каменноугольного периода. С гор в долины, прямо к фонтанам горячих гейзеров, сползают ледники. На двух огромных островах нет ни одного четвероногого хищника, ни одного млекопитающего животного. Здесь безраздельное царство птиц.

Многие виды новозеландских пернатых за долгую историю безмятежного существования утратили способность к полету. Навсегда расстались с крыльями — ни к чему им крылья, раз не было в стране опасных хищников!

В горах и равнинах Новой Зеландии жили странные птицы. Киви с перьями, похожими на волосы, болотные курочки века и маго, которые летали не лучше черепахи. Водились здесь даже бескрылые журавли и сейчас еще живет диковинный попугай какапо. Странная птица днем прячется в норах и только по ночам выходит на поверхность. У какапо есть крылья, но нет «двигателя» для них — киля и необходимых для полета мускулов. Поэтому попугай-норокопатель умеет летать лишь сверху вниз.

Но самые удивительные птицы Новой Зеландии — это моа. Огромные бескрылые гиганты, которые неуклюже передвигались на массивных «слоновьих ногах». Они стали желанной добычей для охотников-маори.

С 1840 года ученые описали по ископаемым остаткам около двух десятков этих бескрылых новозеландских страусов. Иные моа были ростом лишь с кулика, другие своими колоссальными формами соперничали со... слонами. Ведь

некоторые моа достигали в высоту почти четырех метров! Весила такая птичка, как хорошая лошадь,— 300 килограммов!

В 1839 году нашли первую кость гигантской птицы. Сначала подумали, что это бычья нога. Находку привезли в Англию, и здесь палеонтолог Ричард Оуэн доказал, что кость принадлежит чудовищной птице. Ричард Оуэн 45 лет жизни посвятил изучению птиц-великанов. За три года, с 1847 по 1850, натуралист Уолтер Мэнтелл, неутомимый исследователь диковинных новозеландских животных, собрал для него более тысячи костей моа и множество яичных скорлупок велчиной с ведро. Оуэн изучил эти материалы. Он описал много разных видов моа и изготовил для музеев несколько скелетов гигантских птиц.

И сейчас еще в Новой Зеландии находят прекрасно сохранившиеся скелеты моа, а иногда и целые залежи гигантских костей, точно кладбища каких-то сказочных исполинов. Около костей лежат обычно кучки круглых камешков, отшлифованных трением друг о друга: камешки были когда-то в желудках у моа. Как и наши куры, моа подбирали на земле камешки и проглатывали их. В желудке эти маленькие «жернова» перетирали пищу.

В Новой Зеландии находят не только кости моа, но и их перья с кусками мышц, кожи и сухожилий. Даже яйца с зародышами! Некоторые старики маори рассказывают, что в молодости принимали участие в охоте на моа. В прошлом веке время от времени поступали сообщения и от очевидцев, собственными глазами видевших якобы живых моа.

Говорили, например, что охотники на тюленей, расположившиеся лагерем на Срединном острове (в проливе Кука, разделяющем Северный и Южный острова Новой Зеландии), были напуганы однажды чудовищными птицами высотой в четыре-пять метров, выбежавшими из леса на берег.

В другой раз, уже в 1860 году, чиновники, размечавшие земельные участки, заметили как-то утром отпечатки лап огромной птицы. Длина следа равнялась 35 сантиметрам, а ширина — 27 сантиметрам. Следы терялись в зарослях между скалами. В этой местности много известковых пещер. В них-то, решили землемеры, и скрываются последние моа.

Вот почему некоторых зоологов-оптимистов еще не покинула надежда найти в горных лесах Новой Зеландии живых гигантских птиц. Но все усилия пока ни к чему не привели. Следы моа следует искать теперь не в лесных зарослях, а в земле: они все вымерли.

Правда, вымерли совсем недавно. У маори еще живы воспоминания о тех сказочных временах, когда «куропатки» были ростом с лошадь. Рассказывают, что на горе Бакапунака прячется один спасшийся моа. Птица питается только воздухом, и ее стерегут два огромных ящера. Жаль, что это только легенда.

МОА СФОТОГРАФИРОВАН?

Недавно весь мир облетела ошеломляющая весть: моа жив!

Некоторые журналы напечатали сенсационную новость: летчики патрульной авиации будто бы сфотографировали с самолета живых моа!

Нескольких гигантских птиц обнаружили в горных лесах Южного острова.

В 1959 году английский журнал «Лондон иллюстрейтед ньюс» поместил на своих страницах фотографию живых «вымерших» птиц. На ней можно разглядеть, хотя и не очень ясно, силуэты пернатых колоссов.

Если это сообщение — не газетная «утка», и дальнейшие исследования покажут, что здесь не произошло ошибки, то находка живых моа — одно из самых крупных зоологических открытий за последние сто лет.

Но фотографию нетрудно подделать. Я уже рассказывал о комбинированной фотографии американской «человекообразной» обезьяны, изготовленной Куртевилем для своей

книги. На страницах западной прессы встречались еще более фантастические снимки; например, динозавр, пожирающий носорога! В век технического прогресса опытный фоторепортер и не такое может сфотографировать. Не очень доверяя слухам «о воскрешении» моа, я написал крупнейшему в настоящее время специалисту по моа, директору новозеландского Доминион-музея в Веллингтоне Роберту Фалла. Что он думает по поводу этого «открытия»?

Вот его ответ: «Я со всей определенностью заявляю, что никто не видел и не фотографировал живых моа. Это сообщение ложно. В настоящем году мы предприняли много экспедиций на розыски гигантских птиц. В результате нашли лишь обугленные остатки некрупного моа, Megalapterys didinus, на месте старой стоянки маори в долине около озера Те-Анау.

Возможно, что моа этого вида исчезли недавно, меньше ста лет назад. Но в настоящее время уже нет никакой надежды найти живых моа».

Таково мнение общепризнанного авторитета. Доверять ему приходится больше, чем сенсации лондонского журнала.

ПТИЦЫ РОСТОМ СО СЛОНА

Замечательно, что на другом конце земного шара, за тысячи километров от Новой Зеландии, на острове Мадагаскар, мы вновь встречаем колоссальные фигуры гигантских страусов.

Арабы первыми из белых людей проникли на Мадагаскар. Первыми познакомились они и с животным миром этого своеобразного острова. Чудовищная птица арабских сказок родилась на Мадагаскаре. Именно здесь, в лесах этого острова, водились птицы-исполины, которые могли послужить прообразом сказочной птицы Рухх.

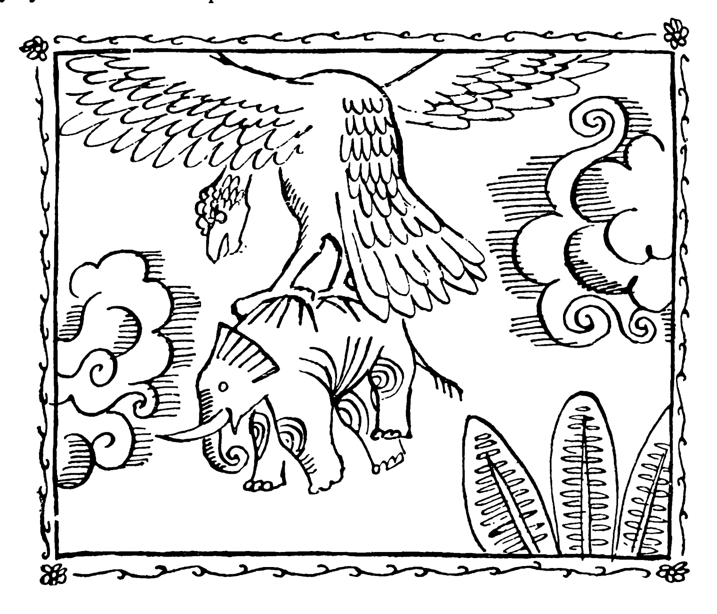
Много разных диковинок повидал Синдбад-мореход, герой арабских сказок «Тысяча и одна ночь». Он видел и чудовищных змей, и обезьяньи города, встречал он и птицу Рухх.

До чего же огромна эта птица! Когда она поднимается в воздух — заслоняет солнце. В когтях может унести слона или даже единорога с тремя слонами, нанизанными на его рог!

На одном из южных островов Синдбад-мореход нашел даже яйцо птицы Рухх. Не яйцо, а целая гора!

«...и вдруг передо мной блеснуло на острове что-то белое и большое,— рассказывает этот восточный Мюнхаузен, — и оказалось, что то — большой белый купол, уходящий в высь... я обошел вокруг купола, измеряя его окружность, и он был в 50 полных шагов.

...и вдруг солнце скрылось, и воздух потемнел, я удивился и поднял голову и увидел большую птицу с огромным телом и широкими крыльями, которая летела по воздуху,— и она покрыла око солнца.

...Птица опустилась на купол и обняла его крыльями и вытянула ноги на земле сзади него и заснула на нем (да будет слава тому, кто спит)». Надо полагать, сонливость этой птицы была пропорциональна ее размерам.

Позднее в XIII веке знаменитый венецианский путешественник Марко Поло тоже имел дело с птицей Рухх. На карте, составленной по его описаниям, были нанесены даже острова «птицы Рухх».

Описывая животный мир Мадагаскара, Марко Поло рассказывает удивительные вещи.

«Есть тут разные птицы, и совсем они не похожи на наших, просто диво!

...есть тут птица гриф, и во всем гриф не таков, как у нас думают и как его изображают; у нас говорят, что гриф наполовину птица, а наполовину лев, и это неправда. Те, кто его видел, рассказывают, что он совсем как орел, но только чрезвычайно большой... Гриф очень силен и очень велик, схватит слона и высоко-высоко унесет его вверх, на воздух, а потом бросит его на землю, и слон разобьется; гриф тут клюет его, жрет и упитывается им. Кто видел грифа, рассказывает еще, что если он расправит крылья, так в них тридцать шагов, а перья в крыльях двенадцати шагов, по длине и толщина их.

...О грифе вот еще что нужно сказать, зовут его на островах руком».

Конечно, воромпатра — гигантский страус Мадагаскара, прообраз сказочной птицы Рухх,— была далеко не так огромна. Она не могла унести слона, но, однако, не уступала ему в росте. Уцелевшие скорлупки от яиц этих птиц жители Мадагаскара употребляют в качестве... бочонков для питьевой воды.

Европейцы впервые узнали не о сказочных, а живых гигантских птицах из сочинения французского адмирала Флакура «История большого острова Мадагаскара», изданного в середине XVII века. Но лишь двести лет спустя были добыты яйца и кости воромпатры, которую зоологи назвали эпиорнисом.

У эпиорниса маленькая голова на длинной змееподобной шее, толстые массивные ноги, а вместо крыльев — недоразвитые культяпки. Африканский слон, самый крупный из современных слонов, не превышает обычно в высоту трех с половиной метров, редко он бывает выше — до четырех метров. Мадагаскарские страусы превзошли эти рекорды. Трехметровые эпиорнисы не были редкостью. Известный французский ученый Сент-Илер допускал, что эпиорнисы могли достигать и пятиметрового роста!

Если это так, то птицы в лице своих мадагаскарских представителей наряду с жирафами могут считаться одними из самых высоких животных на Земле. Выше слонов, выше даже ископаемого носорога балухитерия, общепризнанного рекордсмена-гиганта среди всех зверей, когда-либо обитавших на суше. Один лишь ящер брахиозавр, живший в озерах Африки 100 миллионов лет назад, был выше. В холке он достигал почти шести метров, а вытянув шею, мог поднять голову на 12 метров над землей.

Итак, одна мадагаскарская птичка весила чуть поменьше быка и несла яйца с добрый бочонок. Эти яйца иногда находят в торфе болот Мадагаскара. Каждое из них вмещает 9 литров, или 184 куриных яйца! Шутки ради подсчитали, что из одного яйца эпиорниса можно было приготовить яичницу почти на сто человек, а всеми яйцами из одного гнезда накормить две тысячи человек!

До середины прошлого века жители Мадагаскара утверждали, что «слоновьи птицы» живут в самых пустынных уголках острова. Еще в 1860 году миссионеры слышали глухие, трубные крики этих таинственных птиц, раздававшиеся в глубине лесных болот. Теперь мадагаскарские страусы считаются вымершими.

Кто среди диких болот в короткий срок истребил целый мир гигантских птиц? Известно, что жители Мадагаскара не охотились на воромпатру. В вымирании самых удивительных пернатых, каких когда-либо знала земля, повинны люди из Европы, прибывшие на остров как завоеватели. Они не берегли ни местных традиций, ни природных богатств. Хищническое уничтожение лесов промышленными компаниями погубило мадагаскарских страусов.

В последние годы с Мадагаскара приходят тревожные вести о разрушительных наводнениях. Это тоже наследие колониализма. Ведь за несколько веков господства на острове европейцев уничтожено девять десятых лесов Мадагаскара. Зеленые массивы не задерживают больше бешеных потоков, низвергающихся после тропических ливней с гор в долины.

Вместе с девственными лесами исчезли и исполинские птицы, которые жили в глубине диких непроходимых болот.

ПТИЦЫ С БРОНЕБОЙНЫМИ КЛЮВАМИ

Это счастье, что мадагаскарские и новозеландские страусы были нехищными и мирными гигантами, они питались лишь растениями. Можно представить себе, сколько неприятностей доставили бы людям и животным хищные птицы такого роста!

Впрочем, древние легенды рассказывают о пернатых хищниках, которые в былые времена чуть ли не в пустыню обратили окрестности древнегреческого города Стимфала. Это были гарпии. Они нападали на людей и животных и разрывали их своими медными когтями и клювами. Их

истребил Геракл, могучий сын Зевса и Алкмены. Только ему под силу был такой подвиг.

Прошли столетия после того, как люди в долинах Эллады сложили героические сказания о подвигах Геракла. Неутомимые труженики новой науки — палеонтологии раскопали древние пласты земли, чтобы установить по сохранившимся там остаткам, таким ли был мир «до Адама», как рассказывают библейские сказки.

Как же были удивлены исследователи, наткнувшись в земле на окаменевшие черепа хищных птиц, весом и размером не уступавшие лошадиным!

Но эти ископаемые «гарпии» жили не в Греции, а в Северной Америке, и не 2,5 тысячи, а 50 миллионов лет назад. Палеонтологи назвали их диатримами. Как и у воромпатры, у диатримы крылья были недоразвиты, и она не умела летать. Зато бегала очень быстро. Рост диатримы — два метра, а ее хищный клюв, массивный и длинный (размером почти в полметра!), напоминал нож гильотины. Этим страшным оружием чудовищная птица легко могла вспороть брюхо любого хищника.

Не были ли клювы диатрим предназначены также и для пробивания панцирей динозавров, с которыми предки этих птиц, по-видимому, вели борьбу? Во всяком случае клювы диатрим носят явно «бронебойный» характер.

До сих пор еще дальняя родственница диатримы — бразильская кариама — живет в пампасах Южной Америки. Но она значительно мельче своей допотопной кузины и опасна только саранче и змеям, которыми питается. За это бразильцы очень любят и берегут кариам. Закон запрещает их убивать.

Миллионы лет назад, в то время как Северный полюс «путешествовал» по Тихому океану, в Антарктиде был довольно сносный климат. Там расплодились другие гигантские птицы — фороракосы — и «атаковали» с юга американский континент: 45—35 миллионов лет назад фороракосы проникли уже в Патагонию.

У фороракосов, как и у диатримы, огромный хищный клюв и недоразвитые крылья. Возможно, что в ту пору в Патагонии уже жили предки исполинских броненосцев — глиптодонтов. Глиптодонты, панохтусы, дедикурусы — мирные, растительноядные великаны ростом с небольшой танк были и вооружены наподобие этой боевой машины. Тело их защищал мощный костяной панцирь. Толщина

брони достигала 4,5 сантиметра! Орудием нападения «живому танку» служил хвост с булавой на конце, утыканной острыми шипами.

Может быть, древние броненосцы спрятались в своей окостеневшей шкуре, как в блиндаже, именно от страшных клювов чудовищных птиц? Вполне возможно, что форора-

косы охотились в патагонских пампасах на самых древних из броненосцев. Тем самым они способствовали, конечно, наряду с другими хищниками образованию у этих животных мощного защитного панциря.

Фороракосы и диатримы недолго разбойничали в американских равнинах. Они исчезли так же внезапно, как и появились. Какой Геракл истребил этих гарпий?

Наука не нашла пока удовлетворительного объяснения причин их гибели.

СПАСЕННЫЕ ЖИВОТНЫЕ

Не всегда легко установить, отчего вымирают некоторые животные. Зато мы твердо знаем, как удалось спасти, уберечь от полного исчезновения многие виды редких зверей и птиц.

Причины их «воскрешения» — твердые меры по охране диких животных и организованные усилия всех верных друзей природы — и ученых и простых любителей. Сбываются самые смелые мечты.

19 февраля 1921 года некто Бартоломеус Жпокович убил последнего зубра в Беловежской пуще. Казалось, вид погиб... но сейчас в СССР живет 92 чистокровных зубра, не считая еще 263 зубробизонов и других зуброметисов.

Наука совершила чудо: зубров удалось воскресить, и теперь их судьба никого не беспокоит.

Спасен и американский бизон. К началу нашего столетия в Канаде и США уцелело лишь около тысячи бизонов — шестидесятитысячная часть былого их количества. Теперь в одних только США насчитывается несколько десятков тысяч бизонов.

Спасены почти совсем истребленные мехопромышленниками сумчатые медведи Австралии, морские выдры Командорских и Алеутских островов, русские бобры и сайгаки, альпийские безоаровые козлы, калифорнийские морские слоны, мускусные быки Канады.

История восстановления соболя — блестящая победа советской биотехнической науки.

Было время, когда зоологи совсем уже собрались занести соболя в списки вымерших видов. После Октябрьской революции молодая Советская республика начала восстанавливать разрушенное войной и интервенцией хозяйство. Было принято во внимание и плачевное положение соболя.

1927 год — начало массовых мероприятий восстановления соболя по широкому фронту сибирских лесов. Сначала полсотни драгоценных зверьков выпустили в тайге Нижне-Амурской области. Через год «перемещенные» зверюшки обосновались на острове Карагинском (около Камчатки).

Позднее большие партии соболей завезли в Тюменскую, Иркутскую, Читинскую, Кемеровскую, Томскую, Свердловскую области, в Бурятскую АССР, в Якутскую АССР, в Красноярский край и даже в Казахстан.

Еще до Великой Отечественной войны свыше четырех тысяч соболей было расселено по таежным лесам и урочищам нашей страны.

И результаты превзошли самые смелые ожидания! «Теперь в СССР,— пишет профессор В. Н. Скалон,— соболя стало не меньше, а может быть, больше, чем 100 лет тому назад».

Когда-то Средиземное море изобиловало тюленями. Это были белобрюхие тюлени-монахи. Но их безжалостно истребили люди. Один лишь Абрахэм Кин, зверобой с Ньюфаундленда, убил миллион тюленей!

В результате тюлени-монахи совершенно перевелись в Средиземном море. И вот недавно они снова появились у берегов Северной Африки.

С материков и морей поступают радостные вести. Говорят, что в Анголе видели якобы вымерших в прошлом веке квагг — бурых зебр с редкими полосами лишь на голове и шее. Буры во множестве истребляли кваггь: им нужны были шкуры для бурдюков. В результате квагги стали экспонатами палеонтологических музеев: последняя квагга умерла в 1883 году в зоопарке Антверпена.

И вот теперь будто бы уцелевшие в глуши южноафриканских степей животные стали попадаться на глаза охотникам.

Но торжествовать еще рано: это могли быть гибриды ослов и зебр, которые выглядят почти как квагги...

Говорят также, что в Иране видели персидских львов, истребленных в 1923 году.

На Дальнем Востоке китобои рассказывают, что иногда в море встречается им огромное морское животное, не кит и не рыба. По описаниям это существо похоже на вымершую 200 лет назад стеллерову корову...

Конечно, это все только слухи. Но и самый невероятный слух иной раз может оказаться правдой. Примером служит история кахоу, бермудского буревестника (Pterodroma cahow).

Считалось, что эту птицу, гнездившуюся на Бермудских островах, уничтожили колонисты еще в начале XVII века. Никто с тех пор не видел бермудских буревестников, хотя заметить их, казалось бы, совсем не трудно: в поисках пищи они часами парят над морем.

Но вот в 1951 году заведующий отделом птиц Американского музея естественной истории доктор Роберт Мэрфи

и его сотрудники нашли живых и здравствующих кахоу вместе с гнездами и птенцами на скалах маленьких островков группы Касл-Харбор.

Натуралистам удалось даже поймать пять взрослых птиц в петли на концах длинных бамбуковых палок. Исследовав и надев на лапы кольца, «вымерших» птиц отпустили на волю. Поискав хорошенько, обнаружили в скалах еще 17 гнезд кахоу. О своем открытии ученые написали интересную статью; она была напечатана в 1951 году в журнале «Нейчурел хистори».

ТРАГЕДИЯ СТРАНСТВУЮЩИХ ГОЛУБЕЙ

История истребления странствующих голубей — самая потрясающая драма, разыгравшаяся в природе при участии человека.

Едва ли еще какое-нибудь пернатое животное встречалось на земле в таких чудовищно огромных количествах, как странствующий голубь Северной Америки. Рассказы о нем читаются как фантастический роман.

Странствующие голуби обитали по всей территории США и Южной Канады. Они появлялись в небе столь густыми стаями, что буквально заслоняли солнце. Становилось сумрачно, как при затмении. Летящие птицы покрывали весь небосвод от горизонта до горизонта. Голубиный помет падал с неба, подобно хлопьям снега, бесконечное гудение крыльев напоминало свист штормового ветра.

Проходили часы, а голуби все летели и летели, и не было видно ни конца, ни начала их походным колоннам. Ни криками, ни выстрелами, ни пальбой из пушек нельзя было отклонить от курса бесчисленную, как саранча, «эскадрилью».

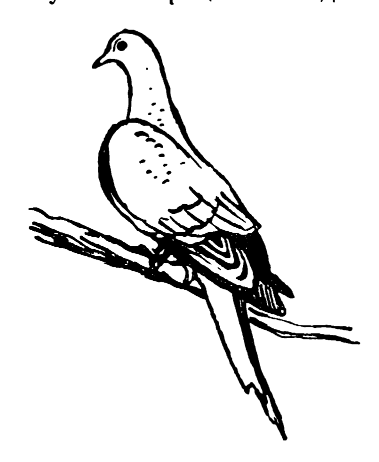
Американский орнитолог Вильсон рассказывает о стае голубей, которая пролетала над ним в течение четырех часов. Стая растянулась на 360 километров!* Он подсчитал приблизительное количество птиц: получилась невероятная цифра — 2 230 272 000 голубей.

Орнитолог Одюбон сообщает о стае странствующих голубей числом в 1 115 136 000 птиц! Это значит, что численность всего одной только стаи странствующих голубей во много

* Другая стая пролетала над потрясенными наблюдателями в течение 14 часов! Она растянулась будто бы на тысячи километров. Нелегко в это поверить!

раз превышала количество всех вообще наземных птиц в такой стране, как, например, Англия или Финляндия*.

Дальнейшие подсчеты дают еще более поразительные результаты. Допустим, что каждый голубь весил полфунта, тогда вес всей стаи будет около полмиллиона тонн! В день эта прожорливая армия пернатых съедала 617 тысяч кубометров всевозможного корма. «Это больше,— пишет британский натуралист Фрэнк Лейн,— суточного рациона солдат всех воюющих стран к концу второй мировой войны!»

Можно ли было быстро истребить такое сказочное множество птиц? Печальная судьба странствующего голубя говорит, что можно, если умело приняться за дело.

Странствующих голубей уничтожали всеми способами, которые для этого годились. Стреляли из ружей, винтовок, пистолетов, мушкетов всех систем и калибров. В ход были пущены даже горшки с серой, которые разжигали под деревьями на местах ночевок голубей. Птиц ловили сетями, били палками, камнями. Так густы были стаи голубей, порой они летели так низко, что колонисты сбивали их жердями. Рыбаки, когда над ними пролетали голуби, били их веслами. Ни один метательный снаряд, брошенный вверх, не падал обратно, не сбив одного или двух голубей. Рассказывают, что работники на фермах наловчились сбивать летящих голубей ножницами для стрижки овец. Даже собаки выбегали на бугры и ловили пролетающих голубей, прыгая в воздух. Прямо чудеса!

Когда голуби пролетали над военными фортами, солдаты заряжали пушки картечью и сбивали сотни птиц. Один из американских писателей середины XIX века описывает город Торонто во время пролета над ним большой стаи голубей. Три или четыре дня, пока голуби летели над городом,

---

* В результате обработки математическими методами данных по учету численности птиц было выяснено, что в Финляндии гнездится в настоящее время около 32 миллионов пар всевозможных птиц. Эти цифры следует считать, однако, лишь грубо ориентировочными.

стены его домов дрожали от непрерывной пальбы, словно жители завязали на улицах перестрелку с неприятелем. Все лавки, все учреждения были закрыты. Люди осаждали крыши домов. Всевозможные ружья, пистолеты и мушкеты были пущены в ход. Даже почтенные члены муниципального совета, адвокаты, преуспевающие дельцы и сам шериф графства не могли отказать себе в увлекательном «спорте» истребления безобидных птиц.

Странствующие голуби питались желудями, каштанами, буковыми и другими орехами, которые в изобилии производили нетронутые леса Северной Америки. Голубям часто приходилось менять места кормежек, но ночевать они прилетали обычно в одну и ту же местность. Здесь их с нетерпением поджидали толпы убийц, собравшиеся со всей округи.

Одюбон рассказывает, что одно место ночевок голубей занимало участок леса шириной почти в пять и длиной около 65 километров. Голубей еще не было видно, а вокруг расположились лагерем «охотники» с повозками, бочками для засолки мяса и другим снаряжением. Два фермера пригнали за сто миль стада свиней, чтобы откармливать их здесь голубиным мясом.

Когда село солнце, на горизонте показалась темная туча. Это летели голуби. Они быстро приближались. Тысячи голубей были убиты первыми же выстрелами. Но прибывали все новые и новые легионы птиц. Они уже заняли все деревья в лесу, не осталось ни одной свободной ветки. На некоторых суках голуби сидели в несколько слоев, располагаясь на спинах друг у друга.

А воздух вокруг дрожал от непрерывной пальбы, от треска падающих под тяжестью голубей деревьев, хлопанья миллионов крыльев. В адском грохоте нельзя было расслышать слов соседа. Даже ружейные выстрелы распознавались лишь по вспышкам. Всю ночь длилось побоище. К утру под деревьями лежали горы убитых и издыхающих птиц.

Люди из Европы презирали законы «невежественных» индейцев, запрещающие охоту на птиц в период размножения. Они миллионами убивали гнездящихся голубей. В штате Мичиган в 1878 году гнездовая колония голубей занимала все деревья в лесу на пространстве 15×57 километров. Гнездовье в Кентукки располагалось на вдвое более обширной площади. На каждом дереве висело иногда больше сотни гнезд, и нередко сучья обламывались под тяжестью быстро растущих птенцов.

Когда птенцы годились уже в пищу, отовсюду съезжались толпы убийц. Они приезжали с семьями, работниками, пригоняли стада свиней. Деревья с гнездами валили на землю и убивали палками не оперившихся еще птенцов.

В США насчитывалось много тысяч профессиональных «охотников» на голубей, которые зарабатывали баснословные по тем временам деньги — до 10 фунтов стерлингов в день. Их «дело» было широко поставлено. Целая сеть агентов посылала по телеграфу донесения о появлении тут или там новых стай голубей, о местах их ночевок и направлении полета. Туда уже мчались заготовители.

Развитие железных дорог обеспечивало быструю доставку сотен тонн убитых голубей на рынки страны. Ежедневно, например, из гнездовой колонии в штате Мичиган отправлялось по железной дороге 12,5 тысячи птенцов и взрослых птиц, а валовой сбор за период размножения с марта по июль достигал 1,5 миллиона птиц.

Таков «урожай» только одной гнездовой колонии. Во всех же Соединенных Штатах и в Канаде в семидесятых годах прошлого века добывались сотни миллионов голубей!

Неужели в большой стране не нашлось ни одного человека, который поднял бы голос в защиту избиваемых птиц? Неужели в США не было законов, охраняющих богатства природы?

Законы такие, конечно, были. Еще в 1848 году в Массачусетсе издано постановление, запрещающее ловлю голубей сетями. Через три года в штате Вермонт были взяты под охрану все непромысловые птицы, в их числе странствующие голуби. Законы, запрещающие их добычу, были вскоре приняты и в других штатах. Но кто считался с ними, когда речь шла о большом бизнесе!

В 1880 году в стране встречались еще значительные стаи странствующих голубей, но уже через 20 лет от них не осталось и следа. Исчезновение фантастически многочисленного вида было так внезапно, что в Америке, кажется, до сих пор не могут прийти в себя от неожиданности. Изобретено несколько «теорий» для объяснения ошеломляюще быстрого, «как взрыв динамита», исчезновения голубей. Одни предполагают, что все голуби утонули в Атлантическом океане, когда «эмигрировали» в Австралию. Другие думают, что они улетели на Северный полюс и там замерзли.

Нужно ли объяснять после всего изложенного, что в истреблении странствующих голубей повинен не Северный полюс и не Атлантический океан, а стихия более страшная, имя которой «бизнес».

В начале нашего века в зоопарках и у различных любителей жило еще несколько странствующих голубей. Последний представитель этого вида умер в городе Цинциннати в сентябре 1914 года.

ПТИЦА ФЕНИКС

В последнее время в США изредка появляются сообщения, что кто-то и где-то будто бы видел странствующих голубей. Специалисты полагают, что за странствующих

голубей, вероятно, принимали траурных голубей, которые на них очень похожи. Но не будет ничего удивительного и в том, если окажется, что это и в самом деле странствующие голуби. От алчности бизнеса они могли спастись в глубине канадских лесов.

Животворные силы природы неиссякаемы. Виды, почти исчезнувшие, вновь восстанавливают свои поредевшие ряды, когда друзья природы не пожалеют сил ради благородного дела — их спасения.

Совсем уже погибшие животные возрождаются «из пепла», подобно сказочной чудо-птице. Люди древности, пораженные вечной молодостью природы, сложили легенду о бессмертном фениксе. Почувствовав приближение немощной старости, птица феникс сжигала себя на очистительном костре, чтобы затем вновь возродиться к жизни, но без тяжкого бремени прожитых лет.

Жила птица феникс в раю — в прекрасной стране, далеко за восточным горизонтом, там, где восходит солнце. Обитатели рая не знали ни печалей, ни смерти.

Прожив в радости и блаженстве тысячу лет, птица феникс начинала чувствовать приближение старости.

Поскольку печальные мысли, связанные с этим обстоятельством, запрещены в раю, обеспокоенная птица покидала райские чертоги и переселялась в мир смертных, чтобы хорошенько обдумать свое положение. Она летела на запад через джунгли Индии, пересекала Иранское нагорье. В Ираке делала остановку, чтобы пополнить в его благоухающих рощах запас опиума, ладана и других необходимых при самосожжении благовоний. Затем летела дальше к берегам Средиземного моря. Здесь, в Сирии, находился транзитный пункт ее чудесных превращений.

Сирийское побережье, на котором птица феникс совершала свое омоложение, люди назвали «берегом феникса» — Феникией, или Финикией.

Конечно, на финикийском берегу в изобилии росли финиковые пальмы. Птица феникс выбирала самую высокую и на ее макушке из собранных ароматических растений начинала строить гнездо. Работа шла быстро, и к вечеру благоухающая гробница-колыбель была уже готова. Птица феникс садилась в гнездо и дожидалась рассвета. С рассветом приходили ее смерть и юность.

Лишь только небо на востоке загоралось слабым румянцем зари, птица феникс поворачивалась навстречу солнцу.

Чудную песню запевала она! Ее голос был так прекрасен, что даже сам солнечный бог на секунду отрывался от важных дел. Остановив колесницу, он слушал нежную мелодию. Замирала вся вселенная. Останавливалась земля. Прислушивались звезды.

Лишь секунду слушал бог солнца дивную песню и снова трогал своих коней. Снопы искр взлетали вверх от дружного удара лошадиных копыт. Некоторые искорки падали на землю, прямо в гнездо волшебной певуньи. В миг вспыхивали ароматные травы, из которых оно было сложено. Так, с веселой песней на устах, в огне и благоухании, оканчивала птица феникс каждое тысячелетие своей жизни.

Когда зола сгоревшего гнезда остывала, в пепле, оставшемся от прежнего феникса, поселялся небольшой червь. Он быстро рос и на третий день превращался в юного феникса. Окрепнув, помолодевшая таким радикальным способом птица расправляла крылья (который раз за многие тысячи лет). Заглянув ненадолго в город Гелиополис (близ нынешнего Каира в Египте), чтобы возложить на алтарь бога солнца урну с пеплом своего предшественника, феникс летит на восток, в рай. Все птицы сопровождают его в этом радостном путешествии. Но, увы! Долетев до пределов рая, им приходится поворачивать назад. Ведь туда вхожа лишь одна птица феникс. И птичьи стаи летят обратно на свою полную печалей родину.

Ежегодно весной и осенью птицы, видимо, вспоминая о чудесных днях, проведенных в компании с вечно юной подругой, или, может быть, репетируя полет с новорожденным фениксом следующего тысячелетия, предпринимают далекие путешествия.

Некоторые ученые, плененные поэтическим очарованием этой легенды, решили поискать в природе следы птицы феникс. Может быть, обитает на земле ее (пусть более прозаической) двойник, у которого сказочная тезка заимствовала некоторые свои примечательные черты.

Обратились к сочинениям античных коллег.

Птицу феникс описывал Геродот, но выяснилось, что он спутал с ней совсем другого представителя царства пернатых. Конечно, не мог обойти молчанием знаменитую птицу и Плиний Старший*. Он писал в «Естественной истории»,

---

* Древнеримский писатель и натуралист Кай Плиний Старший жил в 23—79 годах нашей эры. В монументальной работе «Естественная ис-

что, по слухам, феникс будто бы размером с орла. Шея у нее золотистого цвета, все прочее тело — пурпурное. Голова украшена хохолком из удлиненных перьев.

Стали искать, пользуясь указаниями Плиния, золотисто-пурпурных птиц с хохолком среди представителей египетской фауны. И нашли!

Пурпурная цапля (Ardea purpurea) очень походит своей внешностью на портрет феникса, нарисованный Плинием, и в ее повадках заметили некоторые сходные черты. Пурпурная цапля любит, например, гнездиться на вершинах финиковых пальм. Когда на рассвете, приветствуя восход солнца, она машет крыльями, ее чудесное оперение вспыхивает огнем в лучах пробуждающегося солнца.

Наконец найдены старые египетские изображения феникса: он похож на цаплю! Египетское название пурпурной цапли — «бену». Так же называли в стране пирамид и финиковые пальмы. Греки употребляли другое слово — «феникс».

Но, к сожалению, в биологических свойствах пламенеющей на восходе солнца птицы не найдено никаких примет вечности. Она так же смертна, как и все на этом свете.

Однако счастливую судьбу возродившегося феникса разделила другая птица. Ее история показывает, насколько успех, казалось бы, самых безнадежных поисков зависит от настойчивости исследователя. Имя этой птицы — такахе.

«ВОСКРЕШЕНИЕ» ТАКАХЕ

Первые исследователи Новой Зеландии из рассказов маори заключили, что на островах, кроме моа, водились еще какие-то замечательные птицы. Маори охотились на них. Птицы были ростом с гуся, с развитыми крыльями, но летать не умели. Одно воспоминание о чудесном оперении этих птиц приводило в восторг старых охотников на мого — так называли диковинную птицу на Северном острове. Другое ее имя — такахе — было в обиходе у жителей Южного острова.

Ученые сначала с интересом собирали все сведения о странной птице. Но проходили годы, и никаких следов ее обитания, даже в далеком прошлом, не нашли. От моа оста-

---

тория», состоящей из 37 книг, он дал сводку минералогических, ботанических и зоологических познаний своей эпохи.

лись хотя бы кости и перья. А о существовании такахе — никаких вещественных доказательств... Решили было, что мого-такахе — мифическое существо из маорийских сказаний.

Но вот в 1847 году Уолтер Мэнтелл, неутомимый собиратель редкостных животных Новой Зеландии, случайно приобрел в одной деревне на Северном острове череп, грудную кость и другие части скелета неизвестной крупной птицы. Он тщательно запаковал свою находку и послал в Лондон отцу, известному в то время геологу. Мэнтелл-старший обратился за консультацией к палеонтологу Оуэну. Профессор Оуэн определил, что кости принадлежат большой крылатой, но нелетающей птице. Он назвал ее в честь Мэнтелла — Notornis mantelli, то есть — «Замечательная птица Мэнтелла».

Маори оказались правы: такахе — не миф, а живое существо во плоти и перьях. Такахе принадлежит к пастушковым птицам. Некоторые из них водятся и у нас: это болотные курочки, пастушки, погоныши, коростели и лысухи — все хорошо известны охотникам. Самая крупная из наших пастушковых птиц — султанская курица обитает в камышовых зарослях по западному и южному побережью Каспийского моря. Она очень похожа на такахе, хотя мельче ее и менее ярко окрашена. В Новой Зеландии, где султанская курица тоже водится, ее, случалось, путали с такахе.

Через два года после находки Мэнтелла последовал еще более неожиданный сюрприз. Группа охотников на тюленей расположилась на одном из небольших островков у юго-западного побережья Новой Зеландии. Ночью пошел снег. Наутро, когда люди вышли из палаток, они с удивлением увидели на снегу следы крупной птицы. О таких птицах здесь ничего не слышали!

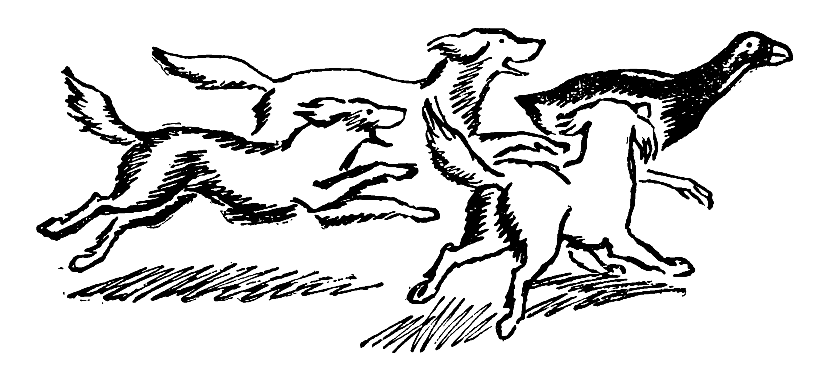
Охотники, забыв о деле, ради которого сюда приехали, пошли с собаками по следу таинственного пернатого.

Пройдя порядочное расстояние, люди увидели впереди большую птицу. Собаки бросились в погоню за ней. Но странное дело: вместо того чтобы полететь, птица с необычной быстротой пустилась бежать по снегу. Наконец собаки ее поймали. Птица пронзительно закричала. И когтями, и толстым клювом она отбивалась так успешно, что собаки не могли ее задушить. Люди спасли отчаянную птицу от разъяренных псов.

Охотники на тюленей не были натуралистами, но и они сразу поняли, что пойманная птица — большая редкость. Какое красивое у нее оперение! Голова и горло — сине-черные. Шея, грудь, бока — фиолетово-голубые, спина — оливково-зеленая, крылья и хвост — синие с металлическим отливом, а низ хвоста (подхвостье) — белоснежный. Толстый клюв и сильные ноги — ярко-красные.

Восхищенные блеском ее оперения, люди не решились убить столь чудесную птицу. Они отнесли ее на корабль. Там жила она несколько дней.

Но что же с ней дальше делать? Охотники не знали. С большим сожалением после четырех дней раздумья они убили прекрасную пленницу, изжарили и съели ее.

Но шкуру птицы все-таки сохранили! Благодаря счастливой случайности шкура попала тоже в руки Уолтера Мэнтелла. Он немедленно послал ее в Лондон.

Позднее с помощью собак было поймано еще несколько живых такахе. Из-за чучела одной из них произошел забавный «коммерческий конфликт» между Британским и Дрезденским музеями.

История эта такова. Один охотник на кроликов расположился лагерем в девяти милях к югу от большого озера Те-Анау (на Южном острове). В настоящее время берега этого озера — главная «резиденция» такахе. Однажды охотничий пес, гордый своей удачей, притащил в пасти еще трепещущую птицу. Хозяин был в восторге от «закуски», которую поймала умная собака. Он подвесил птицу к потолку палатки с намерением съесть ее на следующий день. К счастью, мимо проходил заведующий опытной станции

Коннор. Он «реквизировал» редкую птицу, в которой сразу признал драгоценную для науки такахе. Принес находку домой, снял с нее шкуру и тщательно отпрепарировал все кости скелета. Это был первый полный скелет такахе, посланный в Лондон.

Но в Лондоне он не достался англичанам. Редкостную находку «предприимчивый» Коннор решил продать с аукциона. Представитель Британского музея получил от своего начальства инструкцию не платить больше ста фунтов стерлингов. А представитель Дрезденского музея прибыл с разрешением заплатить столько, сколько потребуется, но приобрести драгоценный экспонат.

Начался торг. Цена быстро поднялась до ста фунтов и... Британский музей вышел из игры. Посланец Дрезденского музея прибавил еще пять фунтов, получил покупку и с триумфом вернулся домой.

Здесь немецкие ученые подвергли скелет такахе тщательнейшему исследованию (не обошлось и без микроскопа) и нашли в нем некоторые отличия от самого первого экземпляра этой птицы, добытого Мэнтеллом 32 года назад. Значит, на Северном и Южном островах Новой Зеландии обитают два разных вида такахе*. Первый вид был описан еще Оуэном и получил название Notornis mantelli. Второй вид назвали Notornis hochstetteri в честь известного австрийского исследователя Австралии и Новой Зеландии профессора Хохштеттера.

За другой пойманный позднее экземпляр такахе коллекционеры заплатили еще дороже, чем на аукционе в Лондоне: 250 фунтов стерлингов! Даже по теперешним временам это большая сумма. А 60 лет назад целая семья могла безбедно просуществовать на эти деньги несколько лет.

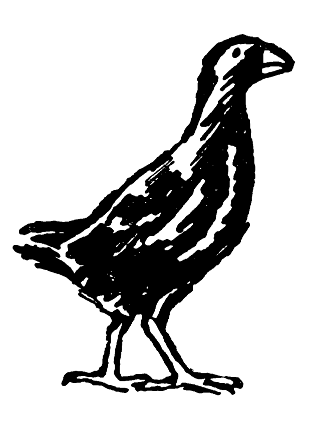
Такахе, оцененная так дорого, была поймана в 1898 году, и с тех пор она как в воду канула. Проходили десятилетия, но ни одна живая такахе не попадалась больше в руки охотников. А охотились за дорогой птицей, надо полагать, очень активно. Правда, маори рассказывали, что такахе еще водятся в горах около озера Те-Анау, но им не верили. Решили, что птица, пойманная в 1898 году, была последним живым представителем своего вида, и такахе занесли в списки вымерших животных. Там она и пребывала в продолжение 50 лет.

---

* В настоящее время на Северном острове такахе не сохранились.

Но вот в 1947 году Джиофри Орбелл, врач из небольшого новозеландского городка и натуралист-любитель, решил проверить, действительно ли легендарная птица окончательно вымерла. Это была бессмысленная, с точки зрения многих специалистов, попытка. С несколькими товарищами Орбелл проник в густые леса западного побережья Те-Анау, расположенные на высоте около тысячи метров над уровнем моря.

Во время этой экспедиции Орбелл открыл лишь неизвестное картографам озеро. Для начала неплохо! Но такахе они не нашли. Правда, исследователи слышали крики каких-то неведомых птиц и видели странные птичьи следы. Это вселило в них новые надежды.

На следующий год в ноябре Орбелл вернулся в леса Те-Анау, еще лучше оснащенный экспедиционным оборудованием — со всевозможными сетями, телеобъективами и даже с аппаратом для цветной киносъемки. Не забыл он и про кольца для мечения пойманных птиц. На этот раз его ждала удача. Сразу два живых такахе во всей красоте своего чудного оперения попались в сети! Их привязали к столбу, сфотографировали во всех позах, как голливудских кинозвезд, надели на лапы кольца и отпустили на волю.

Через год, во время третьей экспедиции, доктор Орбелл нашел даже гнезда такахе. Исследовав 30 гнезд, он пришел к выводу, что супружеская чета такахе воспитывает в год только по одному черному, как ночь, птенцу.

Орбелл и его спутники подсчитали, что в двух смежных долинах живут 50—100 взрослых такахе. Конечно, где-нибудь по соседству есть и другие поселения этих птиц.

Правительство Новой Зеландии немедленно объявило заповедником места обитания такахе. Орбелл исследовал пространство в 200 гектаров. Современный заповедник такахе у озера Те-Анау охватывает площадь в 160 000 гектаров. Этой «жилплощади» вполне достаточно для расселения всего будущего потомства сохранившихся здесь редкостных птиц.

Фотографии, цветные рисунки и подробные описания такахе в изобилии встречаются теперь в каждой книге о птицах Новой Зеландии. Ее красочные изображения мы видим даже на марках этой страны. Еще вчера «вымершая» птица такахе стала сегодня символом надежд всех энтузиастов-искателей неведомых зверей и птиц.

«ПОСЛЕДНИЙ» БУРЕВЕСТНИК, РОГАТЫЙ ГОККО И ПАВЛИН ИЗ КОНГО

В 1949 году уже знакомый нам по истории с кахоу Роберт Мэрфи обнаружил в Тихом океане совершенно неизвестного буревестника. Он описал его под названием Pterodroma ultima. Находка Мэрфи тем более удивительна, что открытый им «последний» буревестник («ultimus» — по-латыни «последний») не только крупная и приметная птица, но и очень распространенная. Как ее не заметили раньше?

В 1939 году исследователи Бонд и Шауэнзее описали новый вид «рогатого» гокко — Pauxi unicornis.

Гокко относятся к куриным птицам и обитают в тропических лесах Южной Америки. Окраска у них черная, в длину они бывают до метра. Новый вид гокко найден в Боливии, он отличается от других своих собратьев длинным выростом на лбу, похожим на рог носорога.

В 1938 году зоолог Мольтони открыл в Абиссинии совсем диковинную птицу — не то ворону, не то скворца. Он назвал ее замысловато: Zavattariornis stresemanni — название, вполне подходящее для такой особенной птицы. По своему анатомическому строению «заваттариорнис» совершенно не похожа ни на одну из птиц. Чтобы ее классифицировать, систематикам пришлось учредить (для нее одной) новое семейство птиц.

Весьма неожиданное открытие было сделано в 1937 году двумя зоологами — Хачизука и Делакуром. Птичка, описанная ими, совсем невелика: это всего лишь зяблик с Филиппинских островов. Но замечательно другое: этого зяблика давно уже содержали в клетках американские любители певчих птиц.

Ежегодно сотни неизвестных ученым зябликов торговцы птицами привозили из Манилы в Сан-Франциско. Жили они и в некоторых зоопарках Америки.

Если бы Хачизука не зашел случайно в одну птичью лавку и не увидел здесь неизвестного ему зяблика, может быть, и до сих пор орнитологи о нем ничего бы не знали.

Тридцать лет назад бельгийский альпинист ван дер Меерс взобрался на Олимп горных горилл — вулкан Микено. Он не обнаружил там следов «снежного человека», однако нашел кое-что замечательное — мертвую черную птицу с золотисто-желтой головой. В 1932 году профессор Шутеден изучил неожиданную находку и установил, что птица принадлежит к сорокопутам. Он назвал ее Prionops alberti. Позднее выяснилось, что желтоголовые сорокопуты обитают в лесах западнее озера Киву, на берегах которого возвышается гора Микено. В кратер вулкана птицу занес, очевидно, ураган.

Следующее орнитологическое открытие было сделано в . кино. В 1947 году в Германии показывали фильм про Антарктиду, снятый американской экспедицией адмирала Р. Э. Бэрда.

Доктор И. Крумбигель, который находился в зрительном зале, с удивлением увидел вдруг на экране пингвинов неизвестного науке вида.

Экспедиция не только, ничего не подозревая о своем открытии, сняла неведомых пингвинов, но привезла несколько их экземпляров, которые были проданы в зоопарк Веллингтона (Новая Зеландия).

Совершенно непостижимо, как американские и новозеландские зоологи не обратили внимания на этих птиц?

И. Крумбигель предложил назвать новых пингвинов в честь прославленного исследователя Антарктиды — пингвинами Бэрда.

Но, бесспорно, одно из самых удивительных зоологических открытий последних десятилетий — это африканский павлин. Павлин в Африке! Да еще какой павлин — совсем особенный!

В 1913 году Нью-Йоркское зоологическое общество снарядило экспедицию в Африку под руководством Герберта Ланга. Помощником у него был молодой ученый, доктор Джеймс Чэпин, которого конголезцы прозвали «Мтото на Ланги» («Сын Ланга»). Ученые хотели привезти из Африки живую лесную «жирафу» — окапи, открытую в 1900 году в Восточном Конго.

Но взять в плен нелюдимого жителя дремучих лесов Африки оказалось не так-то просто. Два совсем еще молодых окапи, которых они поймали с большими приключениями, вскоре погибли. Экспедиция вернулась в Америку в 1915

году без окапи. Однако ученые собрали в Африке другие ценные коллекции и среди них головные уборы местных охотников, украшенные красивыми перьями. Перья были от разных птиц. Мало-помалу Чэпин определил, каким видам они принадлежат. Осталось одно большое перо, но чье это перо, никто не знал. Его исследовали крупнейшие специалисты и знатоки тропических птиц, но тайна оставалась по-прежнему неразгаданной.

Через 21 год Чэпин приехал в Бельгию, чтобы в Музее Конго закончить свою работу о птицах Африки. Просматривая здесь коллекции птиц, Чэпин случайно в одном из темных коридоров обнаружил всеми забытый шкаф, в котором хранились малоинтересные экспонаты. В шкафу на верхней полке он нашел два пыльных чучела совершенно необычных птиц. Воистину, кто ищет, тот всегда находит! На чучелах были перья, подобные тому полосатому перу из головных украшений конголезцев, которое поставило в тупик американских орнитологов. Чэпин поспешил взглянуть на этикетки: «Молодой обыкновенный павлин» — было написано на них.

Обыкновенный павлин? Но при чем тут Конго? Ведь павлины — это известно даже школьникам — в Африке не водятся.

Чэпин писал позднее: «Я стоял как громом пораженный. Передо мной лежали — я сразу это понял — птицы, которым принадлежало мое злосчастное перо».

Он узнал, что незадолго до первой мировой войны Музей Конго получил от других музеев Бельгии небольшие коллекции животных. В большинстве это были чучела общеизвестных птиц Африки. Но два чучела принадлежали, как решили сотрудники музея, молодым индийским павлинам. А поскольку павлины не имеют никакого отношения к Конго, их чучела забросили как ненужный хлам.

Одного беглого взгляда Чэпину было достаточно, чтобы убедиться, что перед ним не павлины, а еще никому не известные птицы не только нового вида, но и нового рода. Бесспорно, эти птицы близки к павлинам и фазанам, но представляют совершенно особую их разновидность.

Чэпин дал им название Afropavo congensis, что значит в переводе с латинского языка «Африканский павлин из Конго».

Он не сомневался, что поймает этих птиц там, где были добыты их перья. К тому же один его знакомый, служив-

ший в Конго инженером, рассказал, что в 1930 году он охотился в лесах Конго на неведомых «фазанов» и ел их мясо. По памяти инженер набросал рисунок этой дичи. Из рисунка стало ясно, что речь идет об африканском павлине. Летом 1937 года Чэпин вылетел в Африку. Между тем известие об открытии нового рода птиц — впервые за последние сорок лет! — быстро облетело весь мир. Достигло оно и берегов великой африканской реки. Когда Чэпин прилетел в город Стенливиль на берегу Конго, его там уже ждали восемь экземпляров африканских павлинов, добытые местными охотниками в окрестных лесах.

Через месяц Чэпин собственными глазами увидел живого африканского павлина. Большой петух вылетел из зарослей «с оглушительным хлопаньем крыльев». Проводник Чэпина Аньязи выстрелил в птицу, но промахнулся. Через два дня Аньязи реабилитировался: подстрелил «оглушительную» птицу.

Чэпин выяснил, что открытые им птицы хорошо известны конголезцам; они называют их итунду или нгове. Это довольно обычные обитатели обширных лесов от реки Итури на крайнем северо-востоке страны и до реки Санкуру в центре бассейна Конго.

Птицы итунду осанкой напоминают обыкновенных павлинов, но меньше их ростом. На голове у самцов итунду корона из перьев, как у павлинов Индии, даже еще более пышная. У самок — лишь небольшой хохолок. У итунду нет роскошных хвостов, как у обычных павлинов, и их окраска менее яркая.

Об образе жизни этих птиц почти ничего не известно. Местные охотники рассказывают, что итунду держатся парами. Самец помогает самке воспитывать птенцов. Такие «заботливые» отцы редко встречаются в многочисленной семье курообразных птиц.

Африканский павлин — птица крупная, с шумным полетом и очень крикливая по ночам! Где же были глаза и уши у орнитологов, изучавших местных птиц? К тому же и в музеях Европы давно хранились всеми отвергнутые его чучела... Совсем скандал!

В довершение всех неожиданностей оказалось, что африканский павлин — один из самых древних представителей куриного рода, двоюродный прадедушка индийских павлинов. Это увеличивает его и без того немалую ценность в глазах естествоиспытателей.

Здесь уместно напомнить, что в Британском музее давно хранится еще одно замечательное перо неизвестной птицы. Его нашли в Индии в 1871 году. Зоолог Вуд решил, что перо потеряно аргусом — родственной павлинам птицей с еще более великолепным оперением.

На крыльях аргуса, как звезды на небе, сияют бесчисленные пятна восхитительной красоты. Каждое пятно похоже на глаз. Поэтому птица получила название аргуса — в честь стоокого героя греческих мифов.

Но перо, исследованное Вудом, принадлежало не обычному аргусу: помимо других отличий, оно украшено не одиночными глазчатыми пятнами, как у всех известных видов аргусов, а двойными. Вуд назвал неизвестного обладателя таинственного пера латинским именем — Argusianus bipunctatus.

В дебрях Азии скрывается, по-видимому, и еще одна загадочная птица.

Сто лет назад известный исследователь Восточной Азии Арман Давид* купил на рынке Тяньцзиня большую белую птицу. В 1870 году орнитолог Свайно после долгих раздумий описал ее под названием лебедя Давида — Cygnus (Coscoroba) Davidi.

Дело в том, что странная птица, купленная на рынке, не похожа ни на одну из птиц Старого Света. Ближайшим ее родичем оказалась коскороба. Коскороба живет в Южной Америке. Это не лебедь, и не гусь, и не утка, а нечто среднее между ними.

Коскоробу часто принимали за лебедя, хотя, как утверждал большой знаток птиц, советский орнитолог С. А. Бутурлин, она — «настоящая утка во всех отношениях». Да, но утка величиной больше гуся и чисто белого цвета! Только самые кончики крыльев у коскоробы черные.

«Лебедь» Давида — это тоже коскороба, но иного — азиатского вида. У него и кончики крыльев белые, и сам он покрупнее американского собрата.

Прошло сто лет после открытия коскоробы Давида, и никому из зоологов эта загадочная птица больше не попа-

---

* Арманд Давид (1826—1900) родился во Франции. В конце прошлого века он предпринял ряд экспедиций во внутренние районы Китая, обогатившие ботаническую и зоологическую науки сотнями новых открытий. Его именем названы многие деревья, кустарники, насекомые, птицы и звери. Большая панда, курносая обезьяна рокселана и олень ми-лу были открыты Арманом Давидом.

далась. Существует ли она вообще? Может быть, азиатская коскороба вымирает вместе с другими древними представителями дальневосточной фауны — чешуйчатым крохалем и хохлатой пеганкой? Или уже вымерла?

«А может быть,— пишет С. А. Бутурлин,— она еще окажется ценным призом кого-нибудь из наших исследователей Восточной Монголии и Дальнего Востока».

МИФ СТАЛ ФАКТОМ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ КРАКЕН

С древнейших времен люди, жизнь и труд которых тесно связаны с морем, верили, что в морской пучине живут странные и огромные существа, не похожие ни на рыб, ни на медуз, ни на раков, ни на других обитателей океана. Правда, в легендарном облике этих созданий, в чертах необычного телосложения и поведения, которыми их наделил миф, чувствовалось что-то неуловимо общее с осьминогами. Но эти несуразные и химерические чудовища были несравненно более огромные и опасные твари. Почти у всех приморских народов, живущих по берегам океанов и открытых морей, есть свои мифы об этих загадочных животных. Одни называют их полипусами, другие — кракенами, третьи — пульпами. У чудовищ много и других названий — краббены, тёйфельфиши, корвены, кратены, краксы, анкертольды, ормены, трусты, трольз-хварлы, хафгуфы, зое-краббены, зое-хорвы, аале-тусты...

Уже одна эта богатая коллекция разноязыких имен указывает на широкое распространение мифов о кракенах*. Будем называть их этим старым скандинавским словом: оно чаще всего встречается в литературе.

Древние и средневековые писатели, которые в своих трактатах касались тем, связанных с природой или бытом тружеников моря, не забывали упомянуть и о морских чудовищах. И хотя каждое из этих описаний по-своему фантастично, однако после первых же слов автора ясно, что речь здесь идет о том же самом «звере», с которым под видом гидры сражался герой Геракл, а Гомер называл его в своих поэмах «ужасной Сциллой».

И этот «зверь», несмотря на его в общем-то довольно химеричный и неправдоподобный облик, выглядит, однако, наиболее реалистичной фигурой среди других диковинок, о которых сообщали древние и средневековые географы: морских дев, безголовых лемний, ацефалов, кентавров, циклопов, одноногих людей, спасающихся от палящего солнца над своей широкой, как зонт, ступней, и лопоухих великанов, чьи огромные уши заменяли им будто бы постели. В рассказах о кракенах неуловимо чувствовалось живое дыхание океана и жуткие ощущения действительно пережитого страха напуганных чудовищем людей.

КРАКЕН СРАЖАЕТСЯ С СОБАКАМИ

Самое раннее и вполне определенное описание морского «зверя», в котором легко узнать кракена, приводит древнеримский натуралист Кай Плиний Старший.

В «Естественной истории» он рассказывает о гигантском «полипусе», опустошавшем рыбные садки Картейи**.

Чудовище имело обыкновение каждую ночь забираться в кадки с солениями и пожирать рыбу, положенную в соль. «Удивительно,— восклицает Плиний,— с какой жадностью все морские животные следуют даже на самый аромат посольных пряностей! Следуют настолько сильно, что именно

---

* Английский натуралист Фрэнк Лейн полагает, что это название происходит от норвежского слова «краке», что значит «низкорослое дерево». Рыбаки рассказывают, что на теле кракенов торчат многочисленные бородавки и бугры с острыми и длинными шипами, наподобие вздыбленных вверх корней поваленного дерева.

** Современный городок Рокадилло в Андалузии (Испания), недалеко от Гибралтара.

по этой причине рыбаки натирают пряностями рыбные прутяные ловушки».

Своими повторными кражами и чрезмерными расхищениями полипус навлек на себя гнев сторожей. Для защиты от него соорудили изгороди из частокола. Однако полипус ухитрился перелезать и через них. Наконец вора поймали с помощью дрессированных собак, они окружили его ночью у кадок с солениями.

Сторожа, разбуженные шумом, не на шутку перепугались, когда увидели это жуткое существо. Прежде всего их поразили огромные размеры полипуса. Он был покрыт высохшей солью и распространял ужасное зловоние. «Кто мог предполагать встретиться на берегу и при таких обстоятельствах с полипусом!»

Но сомнений не было — собаки действительно завязали сражение с морским чудовищем.

Полипус отбивался от свирепых псов узловатыми «руками», точно дубинками. С величайшим трудом удалось убить его трехзубыми острогами.

Голову этого животного показали знаменитому своими пирами проконсулу Лукуллу, он в то время находился в Испании. Многочисленные щупальца, торчавшие из головы, были усажены странными наростами, по-видимому присосками, похожими на миски величиной с урну. Щупальца измерили — длина их равнялась 30 футам (около 10 метров) а весили они вместе с головой 700 фунтов.

Диковинного «зверя» законсервировали, чтобы отправить в Рим.

КРАКЕН МУТИТ МОРЕ

О крупных морских животных, вооруженных многочисленными щупальцами с присосками, писал еще Аристотель*. Он называет их большими «тевтисами» и добавляет, что «в Средиземном море они достигают размеров в пять локтей (около 2,5 метра) и отличаются красноватым цветом и округлыми плавниками на хвосте».

---

* Древнегреческий философ Аристотель жил с 384 по 322 гг. до н. э. Среди его многочисленных трудов по самым различным отраслям знаний есть и сочинения о животных: «История животных», «О частях животных». В этих сочинениях великий натуралист древности обнаруживает удивительное по тем временам знание образа жизни и повадок многих обитателей моря и суши.

Шли столетия, и странные морские чудовища выросли в устах молвы до поистине сказочных размеров: уже не локтями измеряли их рассказчики, а милями...

В средневековую эпоху драматические события, в которых главными действующими лицами выступают родственные полипусам чудовища — кракены, переносятся в Скандинавские страны. Рассказы о них, сообразно со вкусами и уровнем познаний эпохи, приобретают еще более фантастичный и курьезный характер.

Норвежцы, для которых море стало родной стихией, больше других европейцев страдали от этих чудовищ. Упоминания о кракенах особенно часто встречаются в сочинениях средневековых скандинавских писателей и летописцев.

Олаус Магнус, архиепископ Упсалы и известный хроникер, в своей «Истории северных народов» (издана в 1555 году) рассказывает о «чудовищной рыбе», появляющейся у берегов Норвегии. «Рыба» эта в длину не меньше мили и похожа скорее на остров, чем на животное.

Вполне естественно, что такое страшилище могло «потопить много больших кораблей со множеством сильных матросов».

Вид «рыбы» ужасен. У нее непомерно большая квадратная голова, усаженная уродливыми бородавками и буграми, и огромные глаза — отныне традиционные признаки кракена.

Более подробные сведения о кракене содержатся в «Естественной истории Норвегии» Эрика Понтоппидана, епископа Бергена и члена Королевской академии наук в Копенгагене. Это сочинение было написано в 1752—1753 годах, и вскоре его перевели уже на другие европейские языки.

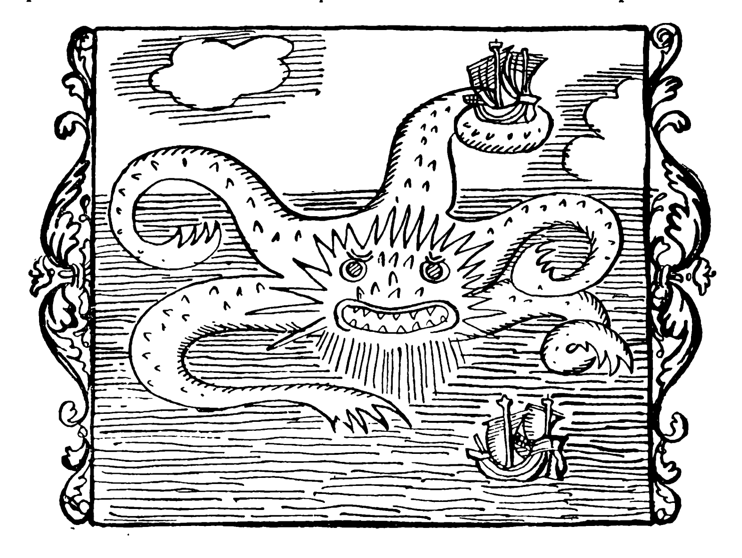
Русские читатели могли познакомиться с «Естественной историей Понтоппидана» по обширным выдержкам из нее, которыми пользовался в своих книгах известный в свое время популяризатор естествознания в России — В. А. Левшин. В «Словаре ручной натуральной истории», изданном в 1778 году в Москве, автор рассказывает следующие любопытные подробности о морском «звере» — краке.

«Крак есть рак; величины непонятной, обитающий в Северном море; он занимает ужасное место, и северные рыбаки бывают рады, когда на оное наедут, ибо над ним всегда множество рыб вьется. Познают пребывание его по мели в море: когда известное место, бывшее глубиною до ста сажен, по мере гирьки окажется только сажен в тридцать,

заключают тогда, что на дне крак находится. И если отмель сия отчасу становится мельче, заключают, что крак вверх поднимается, тогда спешат отъехать и, достигнув до настоящей глубины, останавливаются.

Тогда видят оказывающуюся из воды поверхность сего ужасного животного, ибо всего его никто не видывал.

У него спина, по-видимому, имеет около полуторы аглицкой ми́ли в окружности. Сперва показывается он во образе многих малых островов, как бы лесом обросших, с

возвышениями рогов, со среднюю корабельную мачту величиною, сии острова не что иное должны быть, как неровности спины его, и видима бывает на оных плавающая и прыгающая рыба.

Когда чудовище сие начнет опять на дно опускаться, происходит тогда вертящееся волнение, которое все утащить на дно моря в состоянии».

Этот отрывок представляет собой свободный пересказ одной из многих историй о кракене, записанных Понтоппиданом со слов норвежских рыбаков, которые все «единодушно ее подтверждают без малейших вариаций в своих сообщениях».

Понтоппидан пытается установить положение легендарного кракена в научной системе животного царства. В самом

деле, кто он — рыба, кит, гигантская медуза или краб? «По всей вероятности,— пишет Понтоппидан,— это огромное морское животное можно отнести к полипам или к разновидности морских звезд, ниже это будет доказано более полно». Вполне естественно в таком случае заключить, как это делает Понтоппидан, что толстые и длинные, «как мачты судов среднего размера», руки этого чудовища, которые оно выбрасывает над водой, «являются попросту щупальцами или чувствующими инструментами». При их помощи животное передвигается и добывает пищу.

«Кроме щупалец, для последней цели,— продолжает копенгагенский академик,— великий создатель дал этому существу сильный и специфический запах, который он может издавать в определенное время, привлекая им морских рыб. Это животное имеет еще одно странное свойство, известное по опыту многим старым рыбакам. Они утверждают, что в течение некоторых месяцев кракен, или краббен, все время питается, а в другие месяцы он лишь выделяет свои экскременты. Тогда поверхность моря окрашивается выделениями кракена и кажется совсем густой и мутной. Эта муть привлекает массу рыб, они приплывают отовсюду и собираются непосредственно над кракеном. Он выпускает свои щупальца, хватает ими желанных гостей и «превращает их через положенное время путем переваривания в приманку для других рыб». Удивительно «хозяйственное» животное этот кракен! Даже собственные экскременты он утилизирует с большой выгодой для себя.

В этом курьезном описании мы видим довольно обычный в фольклорном творчестве пример своеобразной субституции, когда при помощи одной наиболее популярной легенды одновременно пытаются объяснить многие, не связанные между собой явления природы.

В море в определенные сезоны года, обычно весной и осенью, поднимаются с глубин вместе с течениями неорганические вещества — соединения азота, фосфора, кремния и др. На этом «удобрении» развивается богатая жизнь микроскопических организмов. Море «зацветает», становится мутным от миллиардов размножающихся здесь одноклеточных водорослей. Сюда же устремляются бесчисленные стаи микроскопических рачков, которые питаются этими водорослями. А за рачками следуют рыбы.

Но познание этих естественных процессов требует определенного минимума биологических знаний.

Для людей, не искушенных в науках, это слишком сложно.

Проще представить себе, что море мутит то огромное животное, которое, как говорят старики, живет в нем.

КРАКЕН — ПЛАВАЮЩИЙ ОСТРОВ

Понтоппидан приписывает кракену еще одно фантастическое свойство. В то время среди моряков и географов много разговоров велось о «плавающих островах». Люди бились над решением загадки внезапного появления и исчезновения некоторых островов. Острова-миражи наблюдались, как сообщает датский топограф XVII века Л. Я. Дебес, в группе Фарерских островов, видели их также у побережья Исландии, в Северном море и в других местах. Многие моряки сообразно со средневековой традицией приписывали это «чудо» делу рук дьявола. Рассудительный Понтоппидан замечает по этому поводу, что не следует без нужды обращаться всякий раз за объяснением необычных явлений к помощи этого «врага рода человеческого». «Я думаю, — заявляет Понтоппидан, — что в появлении и исчезновении островов виноват не дьявол, а кракен, которого часто называют также зое-тролдом, то есть морским колдуном».

Естественно допустить, что огромное морское животное, на спине которого может разместиться и свободно маневрировать полк солдат, и есть тот самый «призрачный» остров, то появляющийся на поверхности моря, то исчезающий под водой. Рассказывая о злоключениях барона Гриппенхильма, который тщетно искал в море на широте Стокгольма нанесенный на карте остров Гуммаре-ёрс, Понтоппидан восклицает: «Как было не понять сразу, что этот исчезнувший остров... и есть кракен собственной персоной!»

Поэтому Понтоппидан считает за истину и историю, рассказанную его коллегой епископом Нидросским. В бытность свою миссионером этот прелат как-то нашел на берегу моря гигантского зверя, мирно дремавшего на солнышке. Епископ, приняв его за скалу, взобрался на спину чудовища, установил здесь свой походный алтарь и совершил богослужение. Пока из уст «святого» человека лились благочестивые слова молитвы, кракен не шевелился. А как только епископ, окончив богослужение, сошел на берег, чудовище погрузилось в глубину.

Воистину замечательное животное этот кракен — такое ужасное и столь благочестивое!

Жаль, что нельзя поймать кракена и поместить в какой-нибудь зверинец или кунсткамеру. Это было бы зрелище, достойное королей!

— Впрочем, — с сожалением замечает Понтоппидан, — однажды был упущен случай увидеть в натуре это чудовище: оно само себя загнало в ловушку.

КРАКЕН ПОТРЯСАЕТ СОСНЫ

В 1680 году один кракен (вероятно, молодой и неосторожный) заплыл в узкий фиорд в приходе Алстахоуг и не смог выбраться оттуда. В ярости он выбросил вверх свои щупальца и обвил ими несколько сосен, растущих на берегу, и едва не выдернул их с корнями. Но чудовище так прочно застряло в расщелине между скалами, что не могло повернуться, умерло там и сгнило.

Его огромная туша занимала почти весь фиорд и разлагалась очень долго. Из-за страшного зловония это место стало совсем непроходимым.

Эрик Понтоппидан ничего не знал о том, что на 40 лет раньше описанной им трагической кончины незадачливого кракена на берег Исландии был выброшен еще один кракен, тоже, по-видимому, «детеныш».

В исландской летописи говорится:

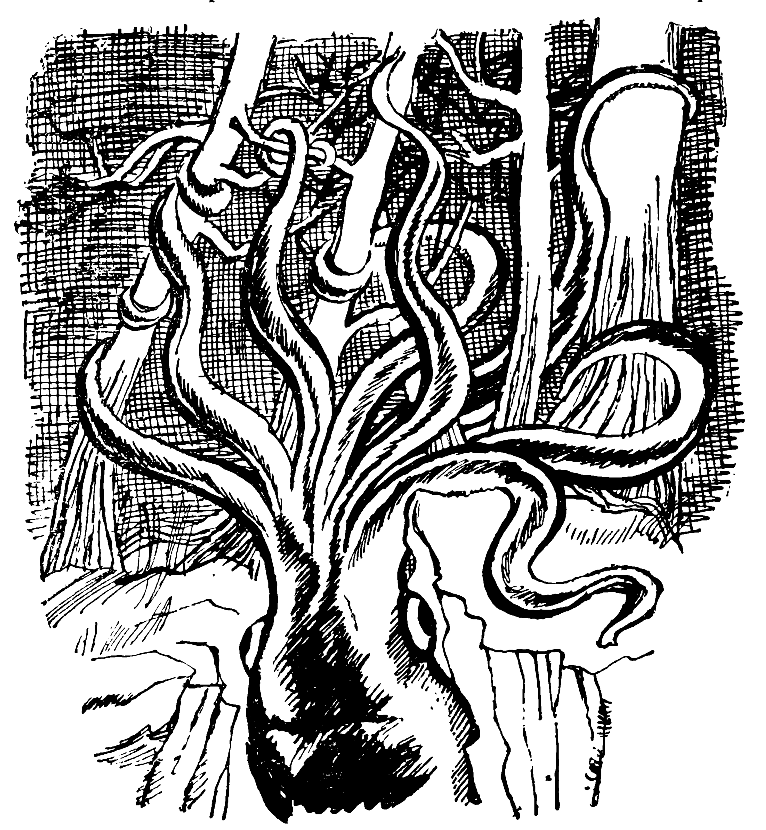
«Осенью было выброшено на пésок в Тингёре, в земле Хуневанд, странное создание, или морское чудовище. Туловище у него было примерно такое же длинное и широкое, как у человека. У него семь хвостов и каждый в длину два локтя (1 метр 20 сантиметров). На хвостах сидят «бутоны», похожие на глаза с золотистыми веками. Один из хвостов длиннее всех (4 метра 95 сантиметров). Нельзя различить и голову, только две «крышечки» (?)* помещались перед семью хвостами. Нет ни костей, ни хрящей в мягком туловище чудовища.

Один из хвостов чудовища был доставлен в старинное аббатство Тингёре для изучения».

Если бы в ту эпоху, когда жил Понтоппидан, уже существовала газетная пресса, он знал бы и о другом случае гибели «молодого» кракена.

* По-видимому, имелись в виду дисковидные хрусталики огромных глаз этого животного.

Осенью 1673 года перепуганные жители юго-западной Ирландии нашли на берегу очень странное на вид «хвостатое» создание, тело его было «размером с лошадь», глаза — с «оловянные тарелки», а челюсти походили на клюв орла,

только несравненно более крупные и сильные. Остатки чудища показывали за деньги в Дублине. Выставка широко рекламировалась. Была напечатана даже афиша, извещающая о «чудесной рыбе или звере».

КАРЛ ЛИННЕЙ ДАЕТ КРАКЕНУ НАУЧНОЕ «КРЕЩЕНИЕ»

В конце XVIII века ученые датчане Олафсен и Повелсен, исследуя Исландию, разыскали в одном из местных архивов упомянутую выше летопись с описанием морского чудо-

вища из Тингёре. В своей работе, опубликованной в Копенгагене в 1772 году, они, комментируя это событие, делают попытку установить зоологический вид фантастического «семихвостого» создания: скорее всего, говорят они, это гигантская сепия, или каракатица, а семь хвостов — ее щупальца (недостающие три щупальца, по-видимому, были оторваны).

И в самом деле, все традиционные признаки кракенов — многочисленные щупальца (которые в легендах фигурируют то как руки или рога чудовища, то как его длинные шеи с головами), присоски, огромные глаза и бородавки на теле — говорят о том, что мы имеем здесь дело с каким-то гигантским головоногим моллюском — осьминогом, каракатицей или кальмаром. Правда, народная фантазия до неузнаваемости изменила и его облик и его размеры. И если бы не щупальца с присосками и некоторые другие признаки, которые легенда приписывает чудовищам этого сорта, нелегко было бы его узнать.

Основоположник современной научной классификации животного мира Карл Линней в своей всемирно известной «Системе природы», первое издание ее вышло в Швеции в 1735 году, среди других представителей животного царства отводит место и легендарному кракену. Он включил его в класс червей и отряд моллюсков под многозначительным названием Sepia microcosmos («каракатица — маленький мир»).

В конце XVIII и начале XIX века в Парижском музее естественной истории работал известный французский зоолог Дени де Монфор. Он написал много научных трудов о животных, но знаменитым его сделала книга «Естественная история моллюсков», изданная в 1801—1802 годах.

Де Монфор собрал все известные ему рассказы о кракене, которого называл «колоссальным пульпом». Немало добавил и от себя. Получилось удивительное сочинение — суррогат науки и фантастики. Его «Естественная история» смело могла претендовать на звание научно-фантастического романа, и даже в наше время этот «роман», наверное, считался бы одним из самых увлекательных.

У Понтоппидана кракен выглядел сравнительно мирным созданием. «Колоссальный пульп» де Монфора — чрезвычайно опасное и агрессивное чудовище — настоящий пират океанских просторов. Однажды он, неожиданно вынырнув из глубины, схватил своими щупальцами трехмачтовое

судно и потащил его ко дну. В другом месте де Монфор рассказывает о том, как стая этих чудовищ потопила за одну ночь десять военных кораблей.

КРАКЕН ОТВЕРГНУТ НАУКОЙ

И Линней, и де Монфор были крупнейшими представителями зоологической науки своего времени. Значит, 150 лет назад ученые верили в существование кракена.

Но затем наука и общественное мнение склонились к другой точке зрения. Чем больше ученые собирали фактов о жизни природы, тем меньше оставалось на земле места фантастическим чудовищам. Изучены были миллионы экземпляров различных существ, описаны тысячи всевозможных видов, но среди этих обширных коллекций, собранных в разных музеях Европы и Америки, не было никаких доказательств существования мифического кракена.

Ученые теперь не верят в него. В последующих изданиях «Системы природы» Линней предусмотрительно не упоминает больше о сепии микрокосмос, а де Монфор, неподражаемый изобретатель «колоссального пульпа», приобрел славу фантаста и выдумщика.

Когда в середине XIX века датчанин Стеенструп и голландец Гартинг вновь извлекли из музейных архивов старые рукописи с описанием выброшенных на берег необычных чудовищ, никто не счел эти сообщения за доказательства.

Не произвели на современников впечатления и работы этих ученых, в которых они сообщали об изученных ими остатках и обрывках тела каких-то гигантских морских животных.

В статье, появившейся в одном из датских журналов в 1854 году, Стеенструп описал «морского человека, пойманного в Эрезунде в царствование короля Христиана III» (то есть в XVI веке).

Полуразложившиеся остатки «морского человека» Стеенструп нашел в подвале Копенгагенского музея. Он решил, что имеет дело с пресловутым «морским монахом», фантастическим существом, о котором много говорили в средние века.

О «морских монахах» рассказывал швейцарский врач Конрад Геснер. Он прославился на весь мир пятитомной «Историей животных» (опубликована в 1551—1558 годах).

Писали о них и другие знаменитые натуралисты той эпохи — Ронделет и Белон.

По жалким остаткам, найденным в подвале музея, Стеенструп установил, что легендарный «морской монах», или «морской человек» датских летописцев, принадлежит к животным из группы моллюсков. Стеенструп назвал его Architeuthis monacus — «Сверхкальмар-монах», но не дал этому животному никакого научного описания.

Мало кто обратил внимание на его работу, изданную на датском языке. Одно название без описания признаков животного все равно ни о чем не говорило. Оно увеличивало лишь и без того богатую коллекцию имен фантастического морского чудовища.

ФРАНЦУЗСКИЙ КОРАБЛЬ СРАЖАЕТСЯ... С КРАКЕНОМ

30 ноября 1861 года произошло знаменательное в истории зоологии событие — французский пароход «Алектон» вступил в сражение с кракеном. В отчете, представленном министру, командир «Алектона» лейтенант Буйе описал необычное событие, взволновавшее тогда весь мир.

В два часа пополудни недалеко от Канарских островов было замечено с корабля огромное и странное существо, которое медленно плыло у самой поверхности. На голове чудовища, словно клубок змей, копошился десяток длинных щупалец.

Корабль был быстро приведен в боевую готовность. На чудовище навели жерла пушек, но сильная бортовая качка помешала бомбардирам точно прицелиться. Ни один из десяти снарядов не попал в цель. Тогда «Алектон» подошел вплотную к диковинному «зверю», и несколько удачно брошенных гарпунов вонзилось в его тело.

Чудовище словно очнулось от оцепенения и рванулось к кораблю с широко раскрытым клювом, затем отплыло в сторону. «Алектон» вновь настиг «зверя», и новые гарпуны вонзились в него. «Сражение» продолжалось больше трех часов. Матросам не удалось поймать кракена. Достался им лишь небольшой кусок его хвоста весом около 20 килограммов. Но судовой художник успел сделать с животного цветной рисунок; он хранится сейчас во Французской академии наук.

Офицеры и матросы, увлеченные «битвой», уговаривали капитана послать лодку вдогонку за чудовищем. Но Буйе

не решился. Огромное животное легко могло опрокинуть шлюпку и задушить людей щупальцами. «Я счел своим долгом не рисковать жизнью моих матросов, — пишет командир «Алектона», — ради удовлетворения любопытства, даже если оно и служило науке». Искалеченное животное оставили в океане.

ЕЩЕ ОДНО СРАЖЕНИЕ С КРАКЕНОМ

В октябре 1873 года два рыбака ловили сельдь в Атлантическом океане у побережья Ньюфаундленда. С ними был двенадцатилетний мальчик Том Пикот. Они уже заканчивали рыбную ловлю, когда заметили на поверхности океана какой-то длинный предмет. Рыбаки приняли его за обломки корабля, подплыли к нему и ударили его острогой. В тот же миг странный предмет поднялся над водой огромным столбом, и люди к своему ужасу увидели, что напали на кракена. Животное рванулось к баркасу, два его щупальца, как гигантские змеи, взвились над людьми и охватили баркас. Лодка стала быстро наполняться водой. Рыбаков сковал ужас. Но юный Том Пикот не растерялся. Мальчик храбро бросился к борту баркаса, на котором лежали щупальца кракена, и несколькими ударами топора обрубил их. Лодка выпрямилась, а кракен отплыл в сторону. В воздухе мелькнул хвост чудовища, и оно скрылось под водой.

Опасаясь преследования, рыбаки изо всех сил гнали лодку к берегу. Том Пикот привез в деревню два щупальца — свои боевые трофеи. Одно из них он, к сожалению, оставил без присмотра на улице, и его съели собаки. Более длинный шестиметровый обрубок другого щупальца попал в руки натуралиста Р. Гарвея.

Восторгу ученого не было конца. «Я стал обладателем одной из редчайших достопримечательностей животного мира — настоящей «руки» мистической «рыбы-дьявола», спор о существовании которой продолжается между натуралистами в течение столетий. У меня в руках находится ключ к великой тайне, в естественную историю будет ныне вписана новая глава».

Он поспешил скорее увидеть и расспросить счастливо спасшихся из объятий кракена рыбаков.

«Я нашел их еще во власти пережитого ужаса, — пишет Р. Гарвей. — Рассказывая, они часто вздрагивали. Больше всего их поразили огромные зеленые глаза чудовища, сверкавшие неописуемым бешенством, и клюв, похожий на клюв

попугая, который неожиданно выскакивал из какой-то полости в голове, стремясь разорвать их в клочья».

А еще через месяц после описанных выше событий одно из чудовищ попалось живым в руки людей. Кракен попал в сеть!

Ньюфаундлендские рыбаки вытягивали на берег закинутый в море невод. Он казался необычно тяжелым и вел себя очень странно: яростно рвался из стороны в сторону. С трудом сеть подтянули к берегу. Но когда она показалась на поверхности, люди едва не выпустили ее из рук — в сети оказался кракен.

Рыбаки увидели массу извивающихся щупалец, а в центре — два сверкающих глаза. Несколько длинных щупалец протянулись сквозь дыру в сети, стараясь достать людей. С минуту они извивались в воздухе, разыскивая свою жертву, но расстояние было слишком велико, и змеи-щупальца вернулись обратно. Испуганные рыбаки готовы были обрубить невод, но не вступать в бой с таким врагом. Однако нашелся смельчак. Выбрав удобный момент, он подскочил сзади к чудовищу и вонзил длинный нож между огромными глазами кракена, а затем быстро отсек голову от туловища.

Этот кракен целиком достался Р. Гарвею. Ученый измерил его — морское чудовище достигало в длину десяти метров — и положил в огромный бак, наполненный соленой водой.

Позднее законсервированное животное доставили в Лондон в Музей естественной истории.

НАУКА ПОЛУЧАЕТ БОГАТЫЙ УЛОВ КРАКЕНОВ

Три ньюфаундлендских рыбака ловили рыбу недалеко от берега. На отмели они увидели какое-то большое животное, которое прочно «село на мель».

Рыбаки подплыли ближе. Огромная и странная «рыба» делала отчаянные попытки уйти с мелкого места на глубину. В бешенстве била она щупальцами, поднимая фонтаны брызг. Сильная струя воды, извергаясь из какой-то трубки в голове странного животного, вырыла в песке глубокую траншею длиной в десять метров. Временами вода становилась черно-фиолетовой, как чернила.

Убедившись, что гигантское чудовище не может сдвинуться с места, рыбаки набрались храбрости и подплыли ближе.

Они бросили с лодки якорь, и его острые лапы вонзились в мягкое тело гиганта, якорную веревку протянули к берегу и привязали к дереву. «Дьявольская рыба» оказалась прочно пришвартованной и не могла уплыть с приливом, рыбаки позаботились о том, чтобы сохранить приличное расстояние от ее щупалец.

Наконец животное выбилось из сил, и когда с отливом ушла с отмели последняя вода, оно умерло.

Произошло это в семидесятых годах прошлого века, в роковое для кракенов десятилетие. По-видимому, какая-то тяжелая болезнь свирепствовала среди них. Много гигантских животных погибло в эти годы. Их часто находили тогда на поверхности океана, полуживых и мертвых, и даже на берегу, выброшенных морем.

Рыболовные суда, промышлявшие у берегов Ньюфаундленда, подобрали в море около сотни полумертвых чудовищ. Рыбаки разрубали кракенов на куски и наживляли их мясом снасти для ловли трески. Много животных попало и в руки ученых. Вот когда их как следует изучили.

УЛИТКИНЫ БРАТЬЯ

Одним из первых исследовал кракенов американский зоолог Эддисон Веррил. Он дал животным этого рода название, присвоенное им датчанином Стеенструпом,— Architeuthis (архитевтис). Веррил составил описание животного по всем правилам зоологической науки. Наконец легендарные кракены получили официальное признание, узаконенное научное имя и «паспорт» в виде своеобразной анкеты, в которой перечислены основные их признаки. Был составлен так называемый диагноз рода архитевтисов.

Вот что написано в этом «паспорте»-диагнозе:

«Животные этого рода имеют стройное, стреловидное тело. Плавники конечные с закругленными углами, сердцевидной формы. Щупальца длинные и сильные с двумя рядами присосок, снабженных зазубренными роговыми кольцами. Фиксирующий аппарат располагается вдоль по всей длине стебля щупалец. Вороночный орган простой, удлиненный. Шея с продольными и поперечными складками. Буккальная мембрана семилучевая и семивершинная. Центральный зуб радулы с добавочным зубчиком. Гектокотиль неизвестен.

Гигантские формы. Обитают в открытом море, по-видимому, на глубине 200—1000 метров. Известно около десяти видов этого рода, распространенных по всем океанам, кроме Северного Ледовитого».

Непосвященному человеку это описание может показаться тарабарщиной. Но специалисты-зоологи вполне удовлетворены столь точной и исчерпывающей, по их мнению, характеристикой.

Чтобы лучше представить себе облик и свойства таинственных морских гигантов, нужно посмотреть, к какому классу и типу живых существ отнесли их ученые.

Карл Линней — основатель современной классификации живой природы — поместил кракенов в отряд моллюсков. В общем он был прав. Кракены, их называют теперь спруты, или гигантские кальмары, действительно моллюски. Легендарные пираты морских глубин, оказывается, близкие родственники самых мирных на свете созданий — улиток и ракушек!

Подметив черты этого странного родства, ученые объединяют теперь кальмаров вместе с осьминогами и каракатицами в класс головоногих моллюсков. Почему «головоногих»? Такое название животные получили, когда было установлено, что расположенные у них на голове длинные щупальца в процессе эволюции развились из «ноги» древнего предка — моллюска.

«Нога» — языковидный вырост тела, с помощью которого ракушка ползает по дну.

МОРСКИЕ РАКЕТЫ

У головоногих моллюсков очень древняя родословная Ведь они бороздили моря и океаны еще 500 миллионов лет назад.

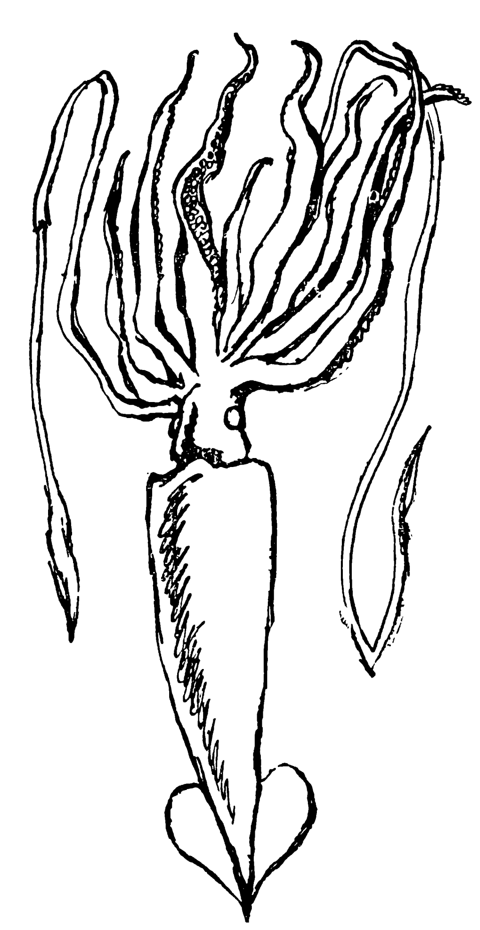
Предки кракена — аммониты и наутилиды — напоминали свою «двоюродную тетку» — улитку. Жили в раковинах и медленно ползали по дну.

Еще на заре истории животного мира головоногие моллюски производили на свет гигантов. В раковине аммонита «эндоцероса», например, могли поместиться три человека!

В Британском музее естественной истории хранится двухметровый обломок раковины другого аммонита-гиганта. Подсчитано, что его целая раковина имела в поперечни-

ке более 11 метров! Ни одно животное в мире не носило на себе таких огромных раковин.

Древние океаны буквально кишели головоногими моллюсками. До сих пор еще геологи находят на месте ископаемых морей целые горы окаменевших аммонитов. Умирая, животные падали на дно. Гигантскими пластами ложились друг на друга в этой «братской могиле» бесчисленные трупы головоногих обитателей допотопного моря.

Палеонтологи описали по ископаемым остаткам более 11 тысяч видов древних головоногих! И это число едва ли составляет одну треть их действительного количества. За долгую историю существования прародители кракенов прекрасно приспособились к условиям жизни в море и изменились до неузнаваемости.

Нет уже ни громоздкой раковины, ни многочисленных и слабых щупалец вокруг беззубого рта. Движения обрели необыкновенную стремительность. Родные братья неповоротливой улитки стали плавать быстрее самых проворных рыб.

Кракены, иначе говоря — спруты, своим строением очень напоминают каракатиц. Только это несравненно более крупные животные.

У спрутов три сердца: одно обычное и два жаберных — проталкивают кровь через жабры. Есть и кровь (но не красная, а голубая), печень, почки, желудок, но у них совсем нет

костей. Зато есть мозг. В голове спрута сосредоточены нервные узлы, заведующие всеми отправлениями организма. Они залегают между глазами в виде компактной массы нервных центров. Для защиты от повреждений мозг окружен «черепом» — хрящевой капсулой.

Хорошо развиты у спрутов и органы чувств — вкус, обоняние, осязание, чувство слуха и равновесия, зрение.

Глаза спрутов устроены не менее сложно, чем у человека, наделены сетчаткой, роговицей, радужиной, хрусталиком и стекловидным телом — то есть всеми необходимыми органами.

Не было и нет на Земле животного с такими огромными глазами, как у гигантских кальмаров. Сложите вместе два футбольных мяча — и вы получите примерное представление о величине глаз спрута! Даже у крупнейшего из китов — у блювала — разрез глаз не превышает в длину 12 сантиметров. Но самый замечательный орган спрута — его «реактивный двигатель». Ведь кальмары движутся в море, подобно ракетам: за счет реактивного толчка.

Посмотрите, как просто и остроумно, с какими минимальными затратами материала была решена в природе конструкция реактивного двигателя.

Тело кальмара окружено со всех сторон складкой кожи — мантией. Под мантией лежит «мантийная» полость. Это, так сказать, «камера сгорания» реактивного двигателя. Снаружи в нее ведут два отверстия. Одно — широкая щель (мантийное отверстие), по внешнему краю которой расположены хрящевые «кнопки», плотно замыкающие ее в нужный момент. Второе отверстие — «сопло» — реактивного двигателя открывается на конце конической трубки — воронки. Широким основанием воронка направлена в мантийную полость, а узкой вершиной наружу. Двигатель работает следующим образом: животное набирает морскую воду в мантийную полость через широкую щель, потом замыкает щель наглухо при помощи хрящевых «кнопок» и, резко сокращая брюшную мускулатуру, с силой выталкивает воду наружу через воронку. В результате головоногий моллюск получает сильный толчок в обратную сторону.

Процессы нагнетания и выталкивания воды совершаются в течение долей секунды, и реактивные толчки с поразительной быстротой следуют друг за другом.

Даже строением тела кальмар напоминает ракету.

У животного сигарообразная форма. Заостренные сзади (вернее спереди, потому что кальмары плавают хвостом вперед) хвостовые плавники играют роль небольших крыльев, а сложенные пучком щупальца с продольными гребнями на наружных поверхностях — стабилизаторы «морской ракеты».

Движение кальмара, когда оно совершается с максимальной скоростью, трудно уловить глазом. Он проносится в воде, подобно молнии, блеснув на мгновение гладкой поверхностью своего обтекаемого тела.

Нередко кальмары выпрыгивают из воды и пролетают по воздуху десятки метров. Порой под действием реактивного толчка они выпрыгивают так высоко, что падают на палубы океанских судов, возвышающихся над водой на пять и даже семь метров. Случается, что на корабль, точно живой дождь, обрушивается множество «летающих» кальмаров. Тур Хейердал рассказывает, что не раз их «Кон-Тики» был бомбардирован в океане целыми стаями летающих кальмаров. Античный писатель Требиус Нигер поведал как-то печальную историю о корабле, который затонул под тяжестью кальмаров, упавших на его палубу.

Для обеспечения бесперебойной работы «реактивного двигателя» природа наделила живых ракет еще одним удивительным приспособлением. Нервные волокна, передающие сигналы мозга к соответствующим мускулам реактивного аппарата, отличаются у кальмаров небывалой величиной: у обыкновенного кальмара они достигают в толщину 2,5 миллиметра — в 100 раз больше, чем у большинства животных!

У кальмара-гиганта дозидикуса нервные волокна еще крупнее — до 18 миллиметров в толщину и длиной около метра. Они передают нервные импульсы со скоростью 90 километров в час!

Быстрая передача «искровых» возбуждений от мозга — «распределителя зажигания» к «реактивному двигателю» помогает кальмарам развивать поразительную скорость.

ОТПЕЧАТКИ ПАЛЬЦЕВ СПРУТА

Фрэнк Буллен, китобой и натуралист, исследовал однажды кусок чудовищного щупальца, отрыгнутого в предсмертной агонии раненым кашалотом. Щупальце — толщиной с тело человека! Его украшали присоски величиной с блюд-

це. По краям они были усажены роговыми зубцами, «острыми, как иглы, и почти такой же формы и размера, как когти тигра».

Удивительно ли, что, обладая таким оружием, спруты оставляют на теле своих врагов — китов-кашалотов — глубокие шрамы и царапины. Сражение продолжается и внутри кита: на стенках желудков убитых кашалотов исследователи находят иногда отпечатки присосок проглоченных спрутов.

Несколько лет назад мне довелось осматривать на Курильских островах добытых китобойной флотилей кашалотов. Меня поразили два наблюдения. На коже почти каждого кашалота, в особенности в углах губ и на голове, заметны были отчетливые отпечатки присосок спрута, а у иных китов даже змеевидные вмятины — отпечатки целых щупалец. Можно представить себе, с какой колоссальной силой был стиснут кит, если на его многотонной голове остались такие следы после объятий чудовищного жителя глубин.

Второе странное обстоятельство, на которое я обратил внимание при осмотре кашалотов,— отсутствие в их желудках остатков крупных кальмаров. Сопоставляя эти два факта, приходится заключить, что схватки кашалотов со спрутами явление обычное, но крупные спруты, как видно, редко достаются на обед китам.

СОПЕРНИК КРАКЕНА

Славу владыки океана у спрута оспаривает его опасный противник — кашалот. Кашалот — это кит, но не обычный кит, а зубастый. Пасть кашалота вооружена не цедилкой из китового уса, а огромными зубами. И питается он не «супом» из мелких рачков, как обычные усатые киты, а крупными животными. Хищные косатки и различные дельфины — родные братья кашалота. Ведь дельфины и косатки — тоже зубатые киты.

Но кашалот куда более крупное и могучее животное. Старые самцы-кашалоты достигают в длину 20 метров и весят до 100 тонн!

Четырехметровые челюсти кашалота вооружены полсотней массивных зубов длиной до 20 сантиметров и весом до килограмма. А некоторые зубы весят даже и 3 килограмма!

Китобои прошлого века рассказывали много страшных историй о свирепости кашалота. Во времена парусного флота, когда на китов охотились на вельботах с ручными гарпунами, кашалот представлял серьезную опасность. Нередко случалось, что из «дичи» он превращался в «охотника» и преследовал спасающиеся бегством лодки и суда.

Самцы кашалотов дерутся друг с другом, ударяясь головами точно бараны. Нападая на суда, они поступают таким же образом. Можно представить себе, с какой силой ударит этот стотонный «таран» в судно, если, как утверждают некоторые зоологи, он бросается в атаку со скоростью 20 километров в час!

В 1820 году раненый кашалот протаранил китобойную шхуну «Эссекс» водоизмещением в 238 тонн. Кит пробил борт судна. От удара у него самого, по-видимому, порядком «закружилась» голова. Зверь отплыл в сторону и бился от боли в странных конвульсиях. Но не успели моряки заделать пробоину, как «мстительный» кит в новом приступе ярости снова бросился на судно и разбил его носовую часть. Шхуна стала тонуть. Команда высадилась в шлюпки. Но почти все моряки погибли в океане.

Случалось иногда, что загарпуненный кашалот срывался с линя и становился китом-убийцей: при новых встречах с судами он, не дожидаясь атаки китобоев, сам первым нападал, разбивая в щепы вельботы с гарпунерами. История одного из таких китов легла в основу знаменитого романа американского писателя Г. Мелвилла «Моби Дик».

В 1857 году раненый кашалот потопил китобойное судно «Александр» и 1867 году нанес тяжелое повреждение китобойцу «Оцеола». Таких случаев в истории китобойного промысла немало.

Современным стальным кораблям уже не страшны кашалоты. Однако «Старина Моби Дик» сохранил и по сей день свой дурной нрав. В 1947 году у нас на Дальнем Востоке китобоец «Энтузиаст» потерпел аварию. Раненый семнадцатиметровый кашалот ударил головой снизу в корму судна и сломал гребной вал с винтом. Сам кит отделался легкой царапиной на «лбу».

Зоологи, занимавшиеся анатомированием китов, говорят, что мозг и череп кашалота защищены снаружи толсто-

стенным «блиндажом» из мешков с жиром. Из этих «мешков» добывают знаменитый спермацет *. Жировые «подушки», покрывающие череп кашалота, скреплены густым переплетением очень прочных сухожилий и мышц.

Однако зачем кашалотам такая мощная броня на голове? Только ли для того, чтобы смело биться «лбами» и таранить суда?

Надежная защита мозга необходима кашалоту во время его охотничьих «экспедиций» в глубины океана. Ведь кашалоты лучшие ныряльщики на свете. Никто из людей и животных не может в этом искусстве состязаться с ними. В поисках пищи кашалоты ныряют на глубину до 500 и даже до 1000 метров!

И не удивительно, что желудки убитых китобоями кашалотов всегда наполнены глубоководными рыбами, осьминогами и кальмарами.

Кашалот и другие киты как бы поделили между собой океан. Усатые киты, косатки, дельфины охотятся за добычей недалеко от поверхности, а «охотничьи угодья» кашалотов лежат на больших глубинах. В облике этих китов всегда поражало натуралистов удивительное сочетание черт, унаследованных от сухопутных предков, с приспособлениями к глубоководным условиям.

Таков кит-кашалот — могучий противник спрута, самый сильный зверь на земле. Кроме человека, у кашалота нет врагов. Ни свирепые косатки, ни акулы, ни меч-рыбы не страшны ему. Лишь многорукий житель сумеречных глубин — гигантский кальмар может оказать достойное сопротивление могучему киту.

Титанические сражения, которые разыгрываются между ними, принадлежат к числу самых грандиозных битв в природе.

ДУЭЛЬ КИТА И СПРУТА

«Около 11 часов пополудни я, прислонившись к перилам, неотрывно смотрел на блестящую поверхность моря, где яркое сияние тропической луны обозначило широкую дорожку, похожую на тротуар из полированного серебра.

---

* Из головы крупного кашалота можно вытопить 11 тонн жира-спермацета! Прежде из спермацета делали самые высококачественные свечи. Сейчас он находит широкое применение в медицине и парфюмерии — идет на изготовление всевозможных питательных кремов.

Я смотрел, смутно сознавая, что происходит вокруг. Но вдруг я вздрогнул и восклицание сорвалось у меня с губ.

В море, как раз там, где сходились лучи луны, происходило какое-то яростное волнение, настолько сильное, что, вспомнив наше местонахождение, я хотел было поднять тревогу. Я часто слышал о вулканических островах, которые неожиданно поднимались с глубин и быстро скрывались. Находясь близко от цепи действующих вулканов Суматры, я вполне сознавал опасность такого соседства.

Направив морской бинокль на беспокойное место, я был вполне удовлетворен результатом беглого осмотра. Ни вулкан, ни землетрясение не имели ничего общего с тем, что происходило, но силы, действующие там, были столь велики, что меня можно было вполне извинить за первое предположение.

Очень большой кашалот сцепился в смертельной схватке с кальмаром, почти таким же большим, как он сам. Казалось, что бесконечные щупальца спрута окутали все тело гигантского кита. Голова кашалота напоминала чудовищную сетку из извивающихся рук головоногого. Хвостовая часть моллюска была зажата в челюстях кита, он методически «перепиливал» ее.

Рядом с черной, похожей на колонну головой кашалота голова спрута выглядела таким ужасным предметом, какой не всегда увидишь и в кошмарном сне. Размером она была по крайней мере с нашу винную бочку, которая вмещала 350 галлонов*. Огромные, не меньше фута в поперечнике выпученные глаза спрута на мертвенно-бледном фоне его тела казались глазами чудовищного призрака.

Сражающихся окружали бесчисленные акулы, подобно шакалам, сопровождающим льва, готовые разделить пиршество с победителем. Они помогали киту уничтожать гигантского моллюска.

Титаническая борьба продолжалась в абсолютной тишине. Впрочем, на таком расстоянии я все равно едва ли мог услышать шум битвы.

Считая, что это зрелище будет интересно увидеть капитану, я преодолел свой страх перед ним и разбудил его. Но он встретил мое сообщение яростным взрывом гнева — как осмелились потревожить его по пустяковому случаю! Я поспешно ретировался бегством назад, на палубу. Никто

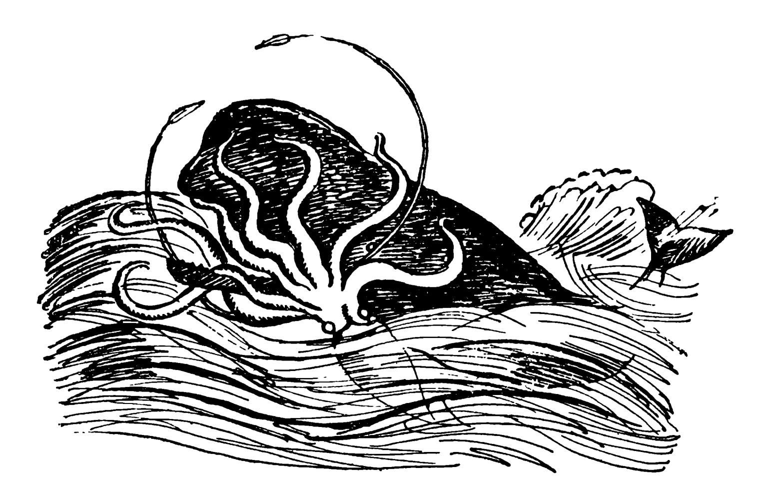
* Около 1300 литров.

не захотел лишиться пяти минут сна, чтобы посмотреть на происходящее.

Сражение кончилось, море вновь обрело свое безмятежное спокойствие, и только сильный запах рыбы напоминал о трагедии разорванного на куски спрута».

Отрывок взят из книги английского китобоя и писателя Фрэнка Буллена «Плавание «Кашалота».

Встречи с гигантскими животными для моряков—дело обычное. Ничто в море, с досадой замечает Буллен, не может их удивить. Наутро он спросил капитана, приходилось ли ему прежде наблюдать битву кашалота со спрутом.

Капитан процедил сквозь зубы, что не припоминает, чтобы покупал когда-нибудь акции такой компании. Он хотел сказать, что в море, кроме коммерции, его ничто не интересует.

Капитан «Кашалота», конечно, и не подумал занести в судовой журнал сообщение о таком обычном, по его понятиям, событии.

Из-за этого ли равнодушия случайных зрителей или потому, что схватки китов с крупными кальмарами редко происходят на поверхности моря, в печати не часто встречаются описания единоборства двух самых крупных на земле хищников.

В 1887 году зоологи с исследовательского судна Монакского океанографического института увидели издали «прыжки колоссального существа, тело его поднималось над

водой, точно башня». Молотивший по воде хвост чудовища поднимал фонтаны брызг и пены. Когда исследователи прибыли к месту происшествия, они нашли там оторванную голову гигантского кальмара: голова медленно погружалась в глубину.

Зоолог Эрлинг Сивертсен рассказывает о другом сражении кальмара с кашалотом, свидетелями которого оказались норвежские китобои. Преимущество поначалу было на стороне спрута. Его щупальца так сильно стиснули голову кита, что тот не мог открыть рта. Затем кашалот погрузился в глубину, и когда он снова показался на поверхности, то счастливо переваривал разбитого о подводные скалы кальмара.

Советский специалист по китам Б. А. Зенкович в книге «Киты и китобойный промысел» пишет, что однажды в море его внимание привлекло необычное поведение кашалота. Кит, точно в предсмертной агонии, то выскакивал из воды, то вертелся у поверхности. Моряки заметили, что тело его опутано щупальцами огромного кальмара. Кашалот схватил моллюска в пасть и пытался проглотить, но мешали щупальца, присосавшиеся к голове кита. Чтобы сбросить их, кашалот дико вертелся и выпрыгивал из воды. Ему удалось освободиться от цепких «арканов», и он разорвал и проглотил кальмара. Когда корабль подошел к месту битвы, кашалот нырнул под воду. Несколько потерянных им щупалец растерзанного кальмара медленно тонули в пенящихся волнах.

СПРУТ — ЖЕРТВА ИЛИ ОХОТНИК?

Трудно, конечно, поверить, что спруты питаются стотонными китами. Никто не находил в их желудках остатков китов. Правда, кальмары настолько тщательно «пережевывают» свою пищу, что в пищевод и желудок она попадает в виде мелко перетертой кашицы. Кроме хищного клюва, во рту у кальмаров есть «терка» из сотен мельчайших роговых зубчиков, которой они и приготавливают себе «пюре» из рыбы или крабов. Поэтому очень трудно судить о составе пищи кальмаров по содержимому их желудков.

Напротив, меню кашалота наглядно представлено в его желудке. Кашалот не пережевывает пищу, он лишь разрывает на части крупную добычу, а мелкую глотает целиком. В желудке убитого кашалота почти всегда можно

найти несколько десятков глубоководных рыб и с полтысячи мелких кальмарчиков, обычно целых и неповрежденных (вполне пригодных для музейных коллекций).

Однако очень редко, даже в желудках тех кашалотов, которые носят на теле свежие рубцы ранений, полученных в битве со спрутами, попадаются остатки гигантских кальмаров.

Невольно возникает вопрос — не говорит ли это о том, что в непримиримой вражде спрута с кашалотом нападающей стороной чаще бывает не кит, а чудовищный властелин мрачного подводного царства, во владения которого вторгается кашалот в поисках пищи?

Другое странное обстоятельство: следы от присосок спрутов исследователи находят иногда и на коже дельфинов. Дельфины, конечно, не нападают на гигантских головоногих, которые весят в десятки раз больше. Значит, спруты нападают на них?

И еще один необъяснимый факт: как кашалоту, который плавает медленнее кальмара, удается поймать его?

Б. А. Зенкович считает, что кашалоты плавают со скоростью 9—11 километров в час, очень редко их скорость достигает 18 километров в час. А гигантский кальмар, по свидетельству некоторых наблюдателей, с помощью своего реактивного «двигателя» легко развивает скорость в 36 километров в час.

Б. А. Зенкович пишет: «Я уверен, что нападающей стороной всегда является кальмар. Ведь головоногий моллюск может очень легко скрыться от кашалота, если пожелает, и кашалот не сможет настичь его. Я считаю, что кашалоты спускаются на глубины с широко открытой белой пастью и моллюски приманиваются этим белым цветом».

Вот как? Кашалот приманивает прожорливого жителя глубин блеском своих зубов! Теория эта родилась в середине прошлого века. В 1839 году английский ученый Т. Бил в «Естественной истории кашалота» описал исследованного им слепого кашалота, который, несмотря на слепоту, был хорошо упитан. Значит, слепой кит не испытывал никаких затруднений в питании! Т. Бил решил, что кашалоты, повидимому, не гоняются за кальмарами, а ждут их с открытой пастью. Кальмары и хищные рыбы, сами лезут в рот к кашалоту, бросаясь на блестящие в сумраке глубин зубы. Киту остается лишь проглотить пойманную «на блесну» добычу.

Эта остроумная гипотеза не нашла всеобщего признания у зоологов. Общее мнение таково, что кашалот сам нападает на кальмаров, и мелких, и крупных. Однако такая точка зрения не объясняет некоторые загадочные пока случаи авантюристического поведения гигантских кальмаров, когда в припадке непонятной ярости бросаются они в атаку на еще более могучих противников, чем киты. Об этих подвигах спрутов рассказывают многие моряки.

КОРСАРЫ ОКЕАНСКОЙ БЕЗДНЫ

От кракенов и пульпов к кальмарам по наследству перешли и старые легенды. Уже известный нам изобретатель колоссального пульпа де Монфор собрал в своей книге «Естественная история моллюсков» много страшных историй о свирепости и кровожадности пульпов, их непомерной неприязни к кораблям. В те времена, в конце XVIII—начале XIX века, по-видимому, никто не сомневался в том, что нападение кракенов может быть очень опасным не только для рыбачьих лодок, но и для морских кораблей.

Естественнонаучные журналы начала прошлого столетия изобилуют описаниями таких эпизодов.

Вот один из рассказов де Монфора.

Судно Жана Денса из Дюнкерка, пересекая Атлантический океан, попало в штиль. Не желая терять времени, команда начала красить корабль. Люди находились на подмостках, подвешенных над водой, и чистили борт железными скребками. Вдруг на поверхности появилось странное создание, похожее на огромную каракатицу. Схватив щупальцами двух матросов, оно оторвало несчастных вместе с подмостками от борта судна и потянуло в глубину. Другим щупальцем чудовище обхватило человека, который, заметив опасность, начал взбираться на мачту. Щупальце запуталось в вантах. Человек, сжатый в тисках между щупальцем и мачтой, закричал, и команда немедленно пришла ему на помощь. В чудовище бросили несколько гарпунов в тот момент, когда оно уже взбиралось на палубу, а топорами разрубили на куски щупальце, прижавшее человека к снастям.

Тогда страшный «зверь» стал погружаться в воду. Капитан приказал травить тросы, привязанные к гарпунам, в надежде, что им удастся вытащить «зверя» и спасти утащенных им двух матросов. Но они травили, надвязывая концы,

веревку за веревкой, вытравили сотни метров, и на судне не осталось больше годных для этого тросов. Тогда, собрав все силы, люди пытались удержать чудовище, но оно где-то там, на огромной глубине, сильно рванулось. Четыре гарпуна выскочили из его тела, а у пятого лопнул трос. Все надежды на спасение несчастных были потеряны.

А вот еще один трагический эпизод из морской истории того же времени.

Парусное судно из Сен-Мало (Франция) только что приняло на борт у побережья Западной Африки груз слоновой кости и золотоносного песка. Неожиданно из моря вынырнуло многорукое чудовище и схватило корабль. Концы его рук-щупалец обвились вокруг верхушек мачт. Судно сильно накренилось. Каждую секунду оно могло опрокинуться. Матросы взялись за топоры. С большим трудом им удалось обрубить щупальца. Чудовище ушло под воду, судно выпрямилось.

Когда корабль вернулся в Сен-Мало, команда в благодарность за избавление от столь ужасной опасности, торжественно отправилась в храм своего святого покровителя, где вознесла благодарственную молитву.

На собранные между собой деньги моряки заказали для церкви картину, изображавшую их битву со спрутом.

Об этой истории рассказывает в своей интересной книге «Царство осьминога» Фрэнк Лейн. Картина, заказанная моряками, придает всей истории печать особой достоверности. Фрэнк Лейн предпринял попытки разыскать в церквах современного Сен-Мало старую картину. Найти ее не удалось (ведь прошло 150 лет, как она была нарисована), но он выяснил, что жители Сен-Мало сохранили как будто бы память об этом знаменательном в истории маленького городка событии, сильно взволновавшем когда-то их прадедов.

НЕОБЫКНОВЕННАЯ ГИБЕЛЬ ШХУНЫ «ПЕРЛ»

10 мая 1874 года шхуна «Перл» вышла из Галле в Рангун и не пришла в порт. Она пропала без вести. В истории мореплавания зарегистрировано немало подобных случаев, можно назвать не один пропавший без вести корабль. Но гибель маленькой индийской шхуны носит особый, исключительный характер.

Через месяц после бесследного исчезновения шхуны в Мадрас пришел пароход «Стэтоуэн». Его команда во главе с

капитаном явилась в редакции индийских газет и сделала там следующее заявление:

«Мы вышли в Коломбо на пароходе «Стэтоуэн»... 10 мая за час до захода солнца, пересекая спокойное Бенгальское море, мы увидели примерно в двух милях от нас небольшую шхуну, попавшую в штиль. Приближаясь к ней, рассматривали ее в бинокль. Спустя немного времени мы заметили на поверхности моря между шхуной и нами огромную бурую массу, напоминавшую кучу морских водорослей. Вдруг странный предмет или зверь начал двигаться, ударился о шхуну, шхуна заметно накренилась, затем выпрямилась. И сразу же мачты ее снова качнулись в сторону. Глядя в бинокль, я ясно видел огромное тело, которое вползало на шхуну, как бы обволакивая ее и срастаясь с ней — лучшего определения не могу придумать. Мачты шхуны стали наклоняться в нашу сторону все ниже и ниже. Она опрокинулась. В течение нескольких минут находилась на поверхности, а затем исчезла. Крик ужаса вырвался у всех, кто видел эту сцену».

Это сообщение, напечатанное в газете «Таймс», сопровождалось рассказом капитана погибшей шхуны.

Трагическое событие передано в нем очень живо. Чувствуется, что рассказчик не пришел в себя после пережитого ужаса. Прочтя весь рассказ со всеми, так сказать, бытовыми подробностями, трудно заподозрить автора в подделке или неискренности.

«Недавно я был капитаном шхуны в 150 тонн водоизмещением, с командой из 6 человек. Мы шли с грузом в Рангун. Через три дня мы попали в штиль.

10 мая около 5 часов пополудни из воды медленно поднялась огромная масса в полумиле от нас со стороны нашего левого борта. Она походила на спину огромного кита, но была менее поката и даже на расстоянии выглядела длиннее, чем наше судно. Казалось, она греется на солнышке.

— Что это? — закричал я своему помощнику.

— Разрази меня бог, если я знаю! Если бы не величина, цвет и форма, я бы сказал, что это кит,— ответил Том Скотт.

— И это не морская змея,— сказал кто-то из команды,— животное слишком круглое для змеи.

Я пошел в каюту, чтобы взять свое ружье, и как раз в тот момент, когда я приготовился стрелять, Билл Дарлинг, ньюфаундлендец, взбежал на палубу и, взглянув на чудовище, воскликнул, подняв руку:

— Осторожнее, хозяин! Это кальмар, и он нападет на нас, если вы раните его.

Улыбнувшись, услышав это, я выстрелил и попал в странного «зверя». Он закачался.

На воде вокруг него образовалась сильная рябь, и он начал двигаться.

— Все наверх с ножами и топорами,— закричал Билл,— отрезайте любую часть кальмара, которая покажется над бортом. Смотрите в оба, и да поможет нам бог!

Я никогда не встречал это чудовище и ничего о нем не слышал, поэтому не представлял себе, насколько оно может быть опасным. Я не отдал приказания, да и бесполезно было. К этому времени трое из команды, в том числе и Билл, нашли топоры и одну заржавленную абордажную саблю и вели наблюдение за приближающимся чудовищем. Теперь было видно огромное тело, двигающееся рывками у самой поверхности воды, и за ним круглый хвост. Удлиненное тело составляло по меньшей мере половину длины нашего судна и такое же было в толщину. Хвост, возможно, имел 100 футов в длину. В то время когда я собрался записать все это, зверь нанес нам удар. Мы услышали глухой звук, и судно задрожало. В следующее мгновение щупальца, похожие на деревья, схватили судно, и оно накренилось. Через секунду чудовище было на борту, протиснулось между двумя мачтами. Мы услышали крик Билла:

— Рубите ради своей жизни!

Но все наши удары не принесли пользы, так как зверь, цепляясь руками, перекинул свое огромное тело через борт и потянул судно вниз, повиснув на концах мачт; мы мгновенно очутились в воде. Падая, я увидел кого-то из команды, кажется Билла, а может быть, Тома Филдинга, зажатого между мачтами и одной из ужасных рук чудовища. В течение нескольких секунд наше судно лежало вверх килем, затем наполнилось водой и пошло ко дну. Еще одного из команды, видимо, засосало. Вы подобрали только пятерых. Остальное вам известно. Я не могу сказать, кто поднял флаг.

Джеймс Флойд, бывший капитан шхуны «Перл».

Некоторые современные специалисты полагают, что очень крупный кальмар мог потопить шхуну водоизмещением в 150 тонн, если груз в ее трюме был плохо закреплен и переместился в сторону крена, когда кальмар повис на мачтах.

ПАДЕНИЕ ИЛИ НАПАДЕНИЕ?

Вряд ли стоило подробно описывать подобные случаи, если бы все они относились к давно прошедшей эпохе, когда никакое, даже самое фантастическое, морское происшествие не считалось невозможным. Но старые рассказы о многоруких пиратах океанской пучины имеют свое продолжение и в наши дни. Кракены — потопители судов — снова фигурируют на страницах газетной и журнальной прессы.

В 1937 году японский зоолог Катзуя Таго сообщил о гибели рыбачьего судна. Крупный шестиметровый кальмар выпрыгнул из воды, ударился о судно и пробил его тяжестью своего тела.

Мы уже знаем, что совершать экскурсии по воздуху в обычае у кальмаров. Они нередко выпрыгивают из воды, летят над морем и, случается, падают на палубы кораблей.

Лучшие «пилоты» среди кальмаров — представители семейства так называемых оммастрефид, в особенности кальмар Бэртрама, которого английские моряки прозвали «летающим кальмаром»* Это небольшое животное.

Однако и более крупные кальмары других видов и даже гигантские архитевтисы тоже выпрыгивают из воды. Если многосоткилограммовая туша архитевтиса, летящая со скоростью курьерского поезда, обрушится на небольшое судно, надо полагать, оно получит весьма серьезные повреждения. И такие происшествия нередки.

Некоторые зоологи склонны все случаи столкновения судов и лодок со спрутами объяснять не нападением, а «падением» выпрыгивающих из воды животных на корабль.

Едва ли трагическую гибель шхуны «Перл» можно объяснить «падением» на нее гигантского кальмара. Едва ли также в описанных ниже происшествиях кальмары-агрессоры были невинными жертвами простого столкновения.

25 марта 1941 года английский транспорт «Британия» был потоплен немецким крейсером «Санта Круц» в центре Атлантического океана, почти на полдороге между Западной Африкой и Бразилией. Двенадцать человек команды спаслось на небольшом плоту. Плот был так мал, что несчастные могли лишь держаться за него, оставаясь по горло в

* Стайками этого кальмара, по-видимому, был бомбардирован «Кон-Тики» в Тихом океане. Но славный командир этого «корабля» Тур Хейердал ошибается, утверждая, что первым из исследователей описывает летающих кальмаров. Этот необычный для моллюсков способ передвижения известен натуралистам уже почти две тысячи лет.

воде. Однажды ночью большой кальмар вынырнул из глубины и схватил щупальцами матроса. В мгновение оторвал его от плота и утащил под воду.

Не успели потерпевшие кораблекрушение прийти в себя от ужаса, как кальмар пришел за новой жертвой. Лейтенант Кокс почувствовал прикосновение упругих щупалец, обвившихся вокруг его ног, и острую боль в тех местах, где зазубренные присоски кальмара впились в его тело.

Неизвестно почему кальмар вдруг разжал свои объятия и скрылся в глубине. Лейтенант был спасен! Но ему долго причиняли страдания раны, нанесенные кальмаром: зазубренными присосками он вырвал из тела человека кусочки кожи и мяса размером с монету.

По величине этих ран специалисты установили, что кальмар, напавший на людей с «Британии», был сравнительно некрупных размеров: величиной с человека и со щупальцами длиной лишь до семи метров.

Еще пять дней потерпевшие кораблекрушение с отчаянием цеплялись за жалкий плот, который волны кидали, как щепку. Один за другим погибали товарищи. Скоро в живых остались только трое. Их подобрал испанский корабль.

Лейтенант Кокс был в числе спасенных. Раны, оставленные ему кальмаром на память об ужасах океанской бездны, зажили лишь после продолжительного лечения. Эти раны— свидетельство того, что кальмары совершают не только падения», но и нападения.

СПРУТЫ АТАКУЮТ ОКЕАНСКИЙ КОРАБЛЬ

В декабре 1946 года норвежский журнал «Природа» опубликовал интересное сообщение: танкер «Брунсвик», океанское судно водоизмещением в 15 000 тонн и длиной в 150 метров, подвергся в Тихом океане нападению... гигантского кальмара. Это произошло среди бела дня между Гавайскими островами и Самоа.

Автор сообщения, капитан норвежского флота Арне Грённингзетер, с интересными подробностями описывает это необычное происшествие.

Огромный кальмар длиной более 20 метров неожиданно вынырнул из глубины, быстро нагнал корабль, который шел со скоростью 12 узлов (19 километров в час). Скорость самого кальмара была около 32—40 километров в час. Некоторое время кальмар плыл параллельным с кораблем

курсом на расстоянии приблизительно 30 метров от его левого борта. Затем описал полукруг, обогнав корабль, зашел справа и, стремительно бросившись в атаку, вцепился в борт, нанося сильные удары по обшивке.

Пытаясь удержаться на скользкой металлической поверхности корпуса судна, кальмар обхватил его своими щупальцами; некоторые из них, толстые, как «8—10-дюймовый нефтепровод», дотянулись даже до верхней палубы.

Мало-помалу кальмар соскальзывал назад, к корме, там попал под винт, который нанес ему смертельный удар.

Позднее в том же районе океана «Брунсвик» еще дважды подвергался нападению гигантских кальмаров. Грённингзетер стоял на мостике и с высоты своего наблюдательного пункта мог хорошо, во всех деталях, рассмотреть тактические приемы нападавших спрутов. Все атаки совершались по одному, уже описанному плану. Кальмары бросались на переднюю часть корабля, стараясь прокусить его обшивку приблизительно в том месте, где у кашалота помещается головной мозг.

Капитан Грённингзетер считает, что кальмары нападали на танкер, принимая его за своего извечного врага — кашалота. Анализируя поведение кальмаров, к другому выводу трудно и прийти.

Таким образом, мы вновь возвращаемся к вопросу: кальмар — жертва или охотник? Возможно, что в природе эта альтернатива решается либо тем, либо другим образом, в зависимости от размеров спрута. Хорошо известно, что кашалот охотится не только на мелких, но и очень крупных кальмаров длиной до 10—15 метров. А разве исключено, что вдвое более крупные кальмары могут быть опасны и для самого кашалота?

Сообщение капитана Грённингзетера заставляет с меньшим недоверием отнестись к легенде о кальмарах — «пожирателях китов».

Но существуют ли на свете кальмары, настолько крупные, чтобы представлять опасность для кашалота?

СКОЛЬКО ВЕСЯТ КРАКЕНЫ?

Бесспорно, рассказы о кракенах, огромных, как остров, неправдоподобны. И все-таки действительные размеры этих животных превзошли всякие ожидания. Гигантские кальмары длиной в 10-15 метров совсем нередки.

С семидесятых годов прошлого века и до настоящего времени море выбросило на побережье Ньюфаундленда, Англии, Исландии, Норвегии, Дании, Японии и Новой Зеландии более 80 гигантских кальмаров. Почти все они имели в длину 10—15 метров. Самый крупный из измеренных экземпляров — кальмар, изученный Веррилем. Исполинское животное достигало в длину 55 футов, то есть около 18 метров. Несколько длиннее (19 метров) был кальмар, найденный на побережье Новой Зеландии. Он вошел в науку под названием «длиннорукого спрута» — Architeuthis longimana. Его щупальца отличались невероятной длиной: лежа на земле, кальмар мог дотянуться ими почти до шестого этажа!

Рассказывают, что на побережье Ньюфаундленда несколько десятилетий назад был выброшен двадцатичетырехметровый кальмар. Однако у ученых нет полной уверенности в том, что этот спрут был правильно измерен.

Исследовав рубцы на теле кашалотов от присосок спрутов, установили, что некоторые из чудовищ, оставивших на коже китов отпечатки своих «пальцев», были длиной около 30 метров.

О весе наиболее крупных спрутов нам известно немного. Вес «дьявольской рыбы», с которой вступил в «сражение» французский корабль «Алектон», был определен командой этого судна в две-три тонны. Другой кальмар был найден мертвым на поверхности моря у берегов Ньюфаундленда. Усилиями всей команды с трудом его удалось поднять на палубу шхуны. Кальмара разрубили и взвесили по частям. Оказалось, что при длине тела всего в пять метров (без щупалец) он весил 907 килограммов.

Английские ученые У. Рис и Д. Мол исследовали в 1952 году кальмара длиной в 10 метров 35 сантиметров (со щупальцами, которые обычно вдвое длиннее туловища). Его отрыгнул кашалот, загарпуненный китобоями Мадейры. Кальмар весил 150 килограммов.

Несколько лет назад английский специалист по китам Роберт Кларк находился на Азорских островах, когда китобои разрубали там тушу четырнадцатиметрового кашалота. Разрезали трехтонный желудок и оттуда вывалилось... чудище морское с головой Горгоны. Это был гигантский кальмар, целиком проглоченный китом. Его измерили и взвесили: тело и вытянутые щупальца занимали 10,5 метра, и весил спрут 185 килограммов!

Американский океанолог Мак-Гинити подсчитал, что восемнадцатиметровый кальмар, детально измеренный Эддисоном Веррилем, весил $29^1/_4$ тонны! Произведя такие подсчеты, я получил впятеро меньшие цифры. Но и это немало. Получается, что двадцатичетырехметровый кальмар должен весить 8 тонн, тридцатишестиметровый — 27 тонн, а семидесятидвухметровый — 218 тонн!

Не вызывает сомнения, что в глубинах океана живут спруты длиной в 30—40 метров. Об этом свидетельствуют не только отпечатки огромных присосок на коже китов, но и обрывки гигантских щупалец, извлеченные из желудков крупных кашалотов.

С каждым годом улучшаются условия жизни спрутов. Их единственный опасный противник — кашалот — интенсивно истребляется сотнями китобойных судов*. Все реже встречаются в океане крупные самцы-кашалоты — отважные охотники на гигантских кальмаров. Естественное равновесие, установившееся в природе между численностью этих двух видов, нарушается в пользу спрутов. Надо полагать, что в будущем гигантские кальмары будут чаще встречаться в океане. Тогда люди ближе познакомятся с таинственными жителями самого нижнего «этажа» нашей планеты.

---

* В 1952 году, например, 430 китобойных судов добыли во всем мире 49 752 кита, а за последние 60 лет уничтожено уже около миллиона китов. Из года в год совершенствуется китобойная техника, увеличивается и китобойный флот, участь китов беспокоит сейчас многих натуралистов.

ДОИСТОРИЧЕСКИЕ ЯЩЕРЫ ИЛИ ОХОТНИЧЬИ БАСНИ?

НАША ДВОЮРОДНАЯ ПРАБАБУШКА

С морем связана еще одна зоологическая эпопея — открытие древнейшей рыбы, которая жила на заре истории Земли и вымерла (так думали) 70 миллионов лет назад. Имя ее — латимерия.

300 миллионов лет назад близкие родичи латимерии выползли на сушу, и от этих-то непоседливых «браконьеров», нарушивших законы естества, и ведут свой род все сухопутные позвоночные животные — и амфибии, и пресмыкающиеся, и звери, и птицы, и мы с вами.

Открытием латимерии наука обязана южноафриканскому ихтиологу — профессору Дж. Смиту.

Все началось с письма, которое профессор получил в новогодние дни 1939 года.

«Уважаемый доктор Смит!

Вчера мне пришлось познакомиться с совершенно необычной рыбой. Мне сообщил о ней капитан рыболовного траулера, я немедленно отправилась на судно и, осмотрев ее, поспешила доставить нашему препаратору. Однако сначала я сделала очень приблизительную зарисовку. Надеюсь, Вы сможете помочь мне с классификацией.

Рыба покрыта плотной чешуей, настоящей броней, плавники напоминают конечности, тоже защищены чешуей и оторочены кожными лучами».

Письмо было от мисс Латимер, заведующей краеведческим музеем в Ист-Лондоне (город в Южной Африке).

В книге о своем открытии Дж. Смит пишет:

«Я перевернул листок, обнаружил зарисовку и стал ее рассматривать — сначала с замешательством, потому что, насколько я знал, ни в одном море на Земле не водилась такая рыба: она скорее напоминала ящерицу. И вдруг точно бомба взорвалась у меня в мозгу! Позади письма и рисунка встало видение обитателей древних морей, рыб, которых давно не существует, которые жили в далеком прошлом и известны нам лишь по ископаемым остаткам.

«Не сходи с ума!» — строго приказал я себе. Однако было в этом рисунке нечто, что захватывало мое воображение. Здравый смысл спорил с чувствами. Я не сводил глаз с зарисовки. Неужели?»

Неужели это целакант?! Ископаемая кистеперая рыба!

Дж. Смит выехал в Ист-Лондон. Одного взгляда на чучело рыбы, уже выставленное в музее, было достаточно, чтобы рассеять все сомнения. «Мы увидели,— пишет Дж. Смит,— самого настоящего целаканта! Чешуя, хвост, плавники — никакого сомнения!.. Да, это целакант — и все-таки: неужели это возможно?» Ведь целаканты, или кистеперые рыбы, существовали уже в начале девонского периода, 350 миллионов лет назад. На земле тогда не было ни лиственных, ни даже хвойных деревьев, ни жуков, ни бабочек, ни змей, ни зверей. По суше ползали лишь скорпионы да многоножки, и чахлые буро-зеленые побеги псилофитов— первых растений, завоевавших сушу,— тянулись вверх из гнилой тины болот.

Сохранилось много окаменевших остатков целакантов. По-видимому, размножались они весьма энергично и расселились по всем первобытным океанам. Но через 200 миллионов лет численность кистеперых рыб стала сокращаться. Они начали вымирать. В пластах земли с возрастом в 60 миллионов лет палеонтологи не нашли уже ни одного ископаемого целаканта. Решили, что они к этому времени все вымерли. И вдруг такая находка — живой целакант! Воскресшее ископаемое!

Пойман он был совершенно случайно. Рыболовный траулер ловил рыбу в своем обычном районе, в прибрежных водах западнее Ист-Лондона. Улов оказался неважным. Капитан Госен решил попытать напоследок счастья на отмелях у устья реки Чалумна. В трех милях от берега забросили трал. Глубина была около 80 метров, далее, в десяти милях от берега, дно резко обрывалось на глубину около 400 метров.

Трал вытащили на палубу. Он принес около полутора тонн разной мелочи, две тонны акул и... одну странную рыбу, закованную в панцирь из толстой квадратной чешуи. Плавники рыбы напоминали лапы странного шестиногого существа: их лучи сидели на длинных выростах тела, торчавших из спины, груди и живота. Лишь первый спинной плавник был такой же, как у других рыб.

И хвост у диковинной рыбы необычный: не двух, а трехлопастный! Рыбаки поняли, что поймали что-то очень редкостное. Со своим трофеем они поспешили в местный краеведческий музей. Что произошло потом, нам уже известно. Профессор Смит, исследовав чучело рыбы (к сожалению, ее скелет и внутренние органы не удалось сохранить), назвал «воскресшего» целаканта латимерией (Latimeria chalumnae) в честь мисс Латимер.

Теперь, когда ученые знали, что древние кистеперые рыбы каким-то чудом дожили до наших дней, необходимо было поймать еще несколько экземпляров «живых ископаемых». Но через несколько месяцев началась вторая мировая война. Кого могла интересовать теперь рыба, хотя бы даже и кистеперая?

Прошло 13 лет. Дж. Смит все эти годы предпринимал отчаянные попытки поймать еще одного целаканта. Но тщетно. Латимерии точно и в самом деле вымерли. Стали уже подумывать, не произошла ли ошибка — ведь латимерия была описана Смитом всего лишь по шкуре...

Профессор Смит заказал в типографии листовки с изображением допотопной рыбы и многообещающей надписью: «Взгляни на эту рыбу. Она может принести тебе счастье!» Дальше на трех языках (английском, французском и португальском) говорилось, что тот, кто найдет еще один экземпляр кистеперой рыбы, получит премию в 100 фунтов стерлингов. Немалые деньги для простого рыбака.

Но рыбу и счастье никто не находил.

«Иронические улыбки,— пишет Франко Проспери*,— играли на губах французских натуралистов из Центрального института в Тананариве на Мадагаскаре. Да и возможно ли было не смеяться над этим комическим объявлением? Все равно как если бы на улицах Рима, Парижа или Лондона появилась фотография динозавра с подобной же подписью».

Но Дж. Смит упорно занимался «целакантовой пропагандой». Вдвоем с женой он изъездил все побережье юго-восточной Африки. Они обнаруживали свои листовки в самых глухих и неожиданных местах — «на столбе негритянской хижины, на стене маяка, лавки, почты. Сколько раз какой-нибудь простой рыбак, узнав, кто мы, с гордостью предъявлял завернутую в тряпку или бумагу, истертую до дыр листовку со знакомым изображением! Мы с облегчением убеждались, что тысячи и тысячи глаз ежедневно и тщательно проверяют каждый улов в поисках ящероподобной рыбы... И каждый раз, отправляясь к рифам за рыбами, я мечтал, что наконец-то увижу целаканта. Увы...»

Неизвестно, сколько еще продолжались бы поиски, если бы Дж. Смит не встретил капитана Эрика Ханта, владельца небольшой шхуны, плававшей между Занзибаром и Коморскими островами.

— Знаю я этих рыб! — воскликнул Эрик Хант, рассматривая изображение на листовке,— таких полно на Коморских островах. Островитяне используют их шершавую чешую для зачистки велосипедных камер.

Хорошенькое применение нашли эти чудаки для уникальнейшего экспоната!

---

* Франко Проспери — итальянский ученый, в составе зоологической экспедиции предпринял в 1953 году путешествие на Коморские острова. Свои приключения он описал в книге «На Лунных островах», которая в 1958 году издана Географгизом на русском языке.

Конечно, Дж. Смит не поверил Ханту. Но тот, расставаясь, сказал:

— Итак, условились: как только найду целаканта, шлю вам телеграмму.

Мистер и мисс Смит улыбнулись этой шутке.

А через десять дней вдруг — телеграмма: «Целакант»... «Хант».

Тут уж Дж. Смит долго не раздумывал. Правительство предоставило ему самолет (так как стало известно, что французские власти* хотят реквизировать трофей Ханта), и он вылетел на Коморские острова.

А случилось это так. Рыбак с острова Анжуан, Ахмед Хуссейн, в двухстах метрах от берега (глубина там была всего 40 метров) поймал здоровенную рыбину. Наутро он принес ее на рынок. Рыбак совсем уже было сторговался с одним покупателем, вдруг подходит к нему какой-то человек и говорит:

— Эй, не продавай ее, это та самая рыба, о которой нам говорил господин Хант,— и показал листовку.

Так после почти четырнадцатилетних поисков еще один экземпляр латимерии попал, наконец, в руки ученых.

КАК РЫБЫ ПОШЛИ ПО ЗЕМЛЕ

История латимерии, допотопной рыбы, словно ожившей из древних окаменелостей, на этом не кончается. В 1954 году на Коморских островах поймали еще несколько кистеперых рыб. Оказалось, что эти рыбы — не такая уж большая редкость, как думали раньше. Одну из пойманных рыб удалось даже довольно долго сохранить живой.

Находчивого рыбака, который доставил на берег живую кистеперую рыбу, звали Зема бен-Мади. Он поймал ее на крючок на глубине 255 метров недалеко от одного из Коморских островов. Зема бен-Мади правильно рассудил, что, если просто поместить редкостную добычу в чан с водой, то она может умереть, пока он доберется до берега.

Догадливый Зема пропустил длинный шнур через пасть и жабры рыбы и пустил ее в море, размотав веревку, чтобы рыба могла плыть за лодкой на той глубине, которая ей больше нравится.

Так, на буксире, доставил он латимерию к берегу, а там ее ждала восторженная встреча. Рыбу посадили в

---

* Коморские острова принадлежат Франции.

небольшую лагуну, отгороженную от моря камнями (по другим сведениям, в затопленную лодку), и начался веселый праздник. Жители окрестных деревень собрались в селении Мутзамуду, где в большом бассейне плавало пленное сокровище.

В веселых песнях и плясках провели они ночь, празднуя удачу своего земляка. А виновница этого веселья, большая (она достигала в длину полутора метров и весила 40 килограммов) серо-голубая рыба, лениво ползала по дну лагуны на своих удивительных плавниках-лапах. Ночью ее большие глаза блестели, как два ярких зеленовато-желтых огонька!

Но когда наступил рассвет, стало ясно, что латимерия совершенно не выносит солнечного света. Бассейн прикрыли брезентом, и рыба забилась в самый темный угол. После полудня она почувствовала себя совсем плохо, передвигалась с трудом и наконец перевернулась вверх брюхом. Когда с Мадагаскара прилетели на самолете французские ихтиологи, извещенные жителями Мудзамуду по телеграфу, они застали латимерию уже при последнем издыхании. Высокая температура воды и низкое давление, к которым она не привыкла, обитая в океане на значительной глубине, погубили ее.

Жители Коморских островов решили во что бы то ни стало поймать еще одну такую рыбу, и вскоре это им удалось. Вновь пойманная латимерия жила гораздо дольше. В баке с морской водой ее погрузили на самолет, который должен был доставить необычного пассажира в Париж. В Парижском зоопарке напечатали сенсационное сообщение о прибытии во Францию «воскресшей из праха латимерии, умершей 60 миллионов лет назад», но рыба погибла в пути.

И вряд ли когда-нибудь удастся благополучно доставить в Европу эту очень чувствительную к изменению внешних условий рыбу и тем более содержать ее в аквариуме. Некоторые «находчивые» специалисты предлагают учредить на Коморских островах филиал Парижского зоопарка. Там латимерия будет содержаться в клетке, опущенной в море на глубину. Время от времени ее придется поднимать на поверхность, чтобы показывать посетителям.

Мировая общественность проявила к латимерии гораздо большее внимание, чем к другим зоологическим открытиям. Страницы тысяч газет и журналов пестрели заго-

ловками: «Выужена морская рыба, возраст которой — миллионы лет!», «Предок человека в сетях!», «Поймано живое ископаемое!». Спешно стали готовиться ихтиологические экспедиции на Коморские острова.

Правительство Франции забеспокоилось, что такой удивительный обитатель его «заморских территорий», минуя французских ученых, опять попадет в руки иностранцев. Было издано постановление: «Доводится до сведения иностранных научных экспедиций на Коморских островах, что охота на целакантуса запрещена!»

Вот те раз! В это время на Коморских островах находилась итальянская зоологическая экспедиция, и французские власти не разрешили ее сотрудникам охотиться на латимерию.

А итальянцам удалось сделать очень интересные наблюдения. Они даже сфотографировали под водой живую кистеперую рыбу!

Франко Проспери пишет в своей книге:

«Вдруг мое внимание привлекла какая-то странная рыба: она лежала на мадрепоровом рифе, метрах в двенадцати от поверхности. Она не двигалась, прижалась брюхом к кораллам, словно ей лень было пошевельнуть хотя бы одним плавником. С каким старанием ни разглядывал я эту тучную рыбу, ее круглое туловище, равномерно окрашенное в коричневый цвет, я никак не мог сообразить, к какому виду она принадлежит.

Я взглянул на нее еще раз. И тут меня поразила одна особенность ее строения, которой я прежде не заметил. Хвостовой плавник этого необыкновенного существа имел какую-то странную выпуклость. Мало того, я отчетливо видел, что хвост рыбы разделяется в центре какой-то ясно выраженной лопастью. Только одна рыба на всем земном шаре отличается этой особенностью... Но возможно ли это? Я чувствовал, как сердце колотится у меня в груди. Мои глаза под стеклами маски полезли на лоб. Хватаю Фабрицио за руку и показываю ему на это удивительное существо, а потом, не говоря ни слова и чуть не забыв от волнения набрать в легкие побольше воздуха, я ныряю.

Под водой самообладание возвращается ко мне, и я, осторожно работая ластами, спускаюсь вертикально вниз и останавливаюсь в нескольких метрах от странного животного. Плавая вокруг, я его пристально рассмотрел и почувствовал, что в висках у меня глухо застучало. Когда между

мной и «им» было уже не более двух метров, я поднял фотоаппарат. Я увидел, что рыба забеспокоилась, стала медленно отделяться от кораллового уступа и поворачиваться.

Теперь я глядел на нее через окошечко видоискателя. Я заметил, какое у нее толстое туловище, рассмотрел плавники, имеющие форму маленьких лопаточек с мясистым основанием, увидел большой хвост, плавно переходящий в туловище без какой бы то ни было перетяжки.

Затем я щелкнул фотоаппаратом. Звук этот и последовавший за ним скрип перекручиваемой пленки подействовали на животное, словно удар хлыста. Рыба сделала молниеносный пируэт, немыслимый, казалось бы, для такого грузного существа, и устремилась прочь, в глубину океана. Я попытался было погнаться за нею, в то время как Фабрицио, справа от меня, схватился за ружье.

Но редчайшая дичь, остановившись на какое-то мгновение в нескольких метрах от охотника, быстро исчезла затем в синей глубине.

Не могу описать восторг, охвативший нас, когда мы опять очутились на поверхности. Мы видели кистеперую рыбу!»

Теперь добыто уже 18 целакантов. Эти находки представляют большой интерес для науки. Ведь именно от кистеперых рыб произошли все наземные четвероногие и пернатые животные. Расположенные на брюхе и груди кистеперых рыб лапоподобные плавники постепенно превратились в настоящие конечности. Рыбы вышли из моря и стали жить на суше.

Но что же, какая причина побудила рыб, которые, надо полагать, чувствовали себя в воде совсем неплохо, покинуть родную стихию?

Недостаток кислорода? Нет, кислорода хватало. Правда, 300 миллионов лет назад некоторые кистеперые рыбы жили уже не в море, а в пресноводных болотах и озерах. Но даже и тут, если в затхлой воде не хватало кислорода, они могли подняться на поверхность и подышать чистым воздухом. Ведь у кистеперых рыб, кроме жабер, были еще примитивные «легкие». Собственно, даже не легкие, а плавательный пузырь, выполнявший роль легких. Он периодически наполнялся атмосферным воздухом, а его стенки были пронизаны многочисленными кровеносными сосудами.

Прямо из пузыря кислород попадал в кровь. В плавательном пузыре кистеперых рыб дыхание осуществлялось по такому же принципу, как и в наших легких.

Итак, недостаток кислорода в воде не мог служить причиной, заставившей рыб переменить свое местожительство. Может быть, их выгнал на сушу голод? Тоже нет, потому что суша в то время была более пустынна и бедна пищей, чем моря и озера.

Может быть, опасность?

Нет, и не опасность, так как кистеперые рыбы были самыми крупными и сильными хищниками в первобытных озерах той эпохи.

Стремление остаться в воде — вот что побудило рыб покинуть воду! Это звучит парадоксально, но именно к такому заключению пришли ученые, внимательно изучив все возможные причины. Дело в том, что в ту далекую эпоху неглубокие сухопутные водоемы часто пересыхали. Озера превращались в болота, болота — в лужи. Наконец под палящими лучами солнца высыхали и лужи. Кистеперые рыбы, которые на своих удивительных плавниках умели неплохо ползать по дну водоемов, чтобы не погибнуть, должны были искать новых убежищ, новых луж, наполненных водой.

В поисках воды рыбам приходилось переползать по берегу значительные расстояния. И выживали те из них, которые хорошо ползали, которые были лучше приспособлены к сухопутному образу жизни. Так постепенно благодаря суровому отбору рыбы, искавшие воду, обрели новую родину. Они стали обитателями двух стихий — и воды, и суши. Произошли земноводные животные, или амфибии, а от них пресмыкающиеся, затем птицы и млекопитающие.

ДРАКОНОПОДОБНЫЙ «ПЛЕМЯННИЧЕК»

Открытие живых кистеперых рыб интересно и с другой стороны: очень древние животные, они дожили до наших дней. Надо полагать, что подобное «долголетие» — привилегия не одних только целакантов.

Динозавры — гигантские ящеры, которые господствовали на земле в «средние века» ее истории*, по сравнению

* Мезозойская эра, которая делится на триасовый, юрский и меловой периоды (60—200 миллионов лет назад), считается средней эпо-

с целакантами значительно более молодые животные. Они развились из земноводных потомков древних кистеперых рыб и доводятся латимерии своего рода «внучатыми племянниками» (конечно, не в житейском, а в эволюционном смысле). Царство динозавров достигло своего расцвета в пору, когда вымирали последние целаканты.

Может быть, некоторые из морских ящеров тоже сохранились где-нибудь в укромном уголке океанской пучины и преспокойно живут там и сейчас, а мы о них ничего не знаем? Ведь то, что произошло с «тетушкой», могло случиться и с «племянником»!

Фантастические существа — герои нашего дальнейшего повествования удивительно напоминают чудовищных ящеров, которые 150 миллионов лет назад господствовали на суше, в море и в воздухе нашей планеты.

То были сказочные времена! Никогда прежде мир не видел таких чудовищ и едва ли увидит вновь. В сказках и поверьях многих народов, словно отголосок былых времен, живут и поныне подобные страшилища — змеи-горынычи, гидры и драконы.

Впрочем, не только в сказках...

В конце прошлого века в Голландии жил ученый, доктор зоологии и ботаники, директор зоологического сада в Гааге и член Германского Королевского зоологического общества — профессор А. Удеманс. Много сил и труда потратил он на кропотливое исследование и сбор фактов, рассказов, легенд, официальных сообщений и рапортов о странном морском животном — «гигантском морском змее», как по старой традиции называют его моряки, хотя к змеям это животное, по всей вероятности, не имеет никакого отношения.

В 1892 году была издана в Лондоне и Лейдене книга Удеманса — «Гигантский морской змей». Это очень солидное исследование, оно содержит свыше 600 страниц убористого текста, 82 иллюстрации и более 350 ссылок на литературу, начиная от Олауса Магнуса и Конрада Геснера (XVI век) и до конца XIX века.

Доводы и факты, собранные профессором А. Удемансом, очень убедительны. По сути дела книга Удеманса — это

хой развития жизни на Земле. До нее была древняя эра — палеозойская (приблизительно 200—500 миллионов лет назад), после нее наступила новая эра — кайнозойская, в которой мы живем.

научное признание легендарного морского «дракона», с которым имели дело все поколения мореплавателей и слухи о котором доходят до нас из глубокой древности.

Однако книга Удеманса не нашла у ученого мира того признания, которого заслуживала.

Будь она опубликована на 20 лет раньше или... на 50 позже, она произвела бы гораздо большее впечатление. Дело в том, что в течение всего XIX века зоологи ожидали, что вот-вот, наконец, будет поймано таинственное морское животное, которое шкиперы называли гигантским морским змеем. Но пойман был не морской змей, а еще более фантастическое создание — кракен.

Виновниками всех столкновений моряков с загадочными морскими чудовищами были объявлены гигантские кальмары. Это их, оказывается, длинные извивающиеся щупальца люди принимали за гигантских змей!

А до этого морской змей считался даже более правдоподобным созданием, чем кракен.

Но после драматического происшествия 1873 года, когда ньюфаундлендские рыбаки добыли в битве со спрутом его щупальца, произошла «переоценка ценностей» — кракен был признан, а морской змей отвергнут, объявлен мифом, выдумкой шкиперов.

Однако со всех океанов продолжали поступать сообщения об огромном, именно змее- или ящероподобном существе. Видели «змея» и натуралисты.

Многие зоологи и теперь не верят в морского змея, однако среди некоторых специалистов споры ведутся уже не о том, существует ли или нет это чудовище, а о том, кто оно.

Настало время рассказать историю самого таинственного и самого неуловимого из всех загадочных обитателей нашей планеты.

ОТ БУЗУРГ ИБН-ШАХРИЯРА ДО «ДЕДАЛУСА»

«В море водятся огромные, страшные драконы,— узнаем мы из книги Бузурга ибн-Шахрияра, замечательного арабского рассказчика*,— называются они таннинами. В

* Бузург ибн-Шахрияр родился в начале X века в персидском городе Рам-Хурмузе (Западный Иран). В 960 году он написал книгу «Чудеса Индии» (в 1959 году издана на русском языке), в которой собрал чудесные рассказы арабских моряков и купцов о приключениях в заморских странах.

разгар зимы *, когда облака проходят над самой водой, таннин вылезает из моря и заползает в тучу, ибо он не выносит жара морской воды, которая в это время года ки-

пит, как в котле. Таннин сидит неподвижно, охваченный холодом облака; ветры, дующие над водой, поднимают тучу вверх, и таннин поднимается вместе с ней. Туча движется по небу из одного края в другой; но когда вода из нее испаряется, она превращается в тонкую пыль и рассеивается

* Самое сухое и жаркое время года в тропической зоне северного полушария.

под дуновением ветра, таннин теряет свою опору и падает вниз — иногда в море, иногда на сушу.

Если аллах всевышний желает зла какому-нибудь народу, он сбрасывает таннина в этой стране. Чудовище пожирает верблюдов и лошадей, поедает крупный и мелкий скот и всячески губит жителей, пока не подохнет, истребив всю пищу... Разные люди, часто плававшие по морю, говорили мне, будто не раз они видели таннина, пролетавшего в облаке над их головами. Он лежал весь черный, вытянувшись в туче, а если облако рассеивалось, спускался на нижний слой и удерживался там. Часто кончик его хвоста свешивался наружу, но, почувствовав холод воздуха, таннин отодвигался вглубь, уносился в облаке и скрывался от взоров».

В этом рассказе о замерзающем в облаке чудовище мы узнаем родного брата всех сказочных драконов Востока, а его первоначальное местообитание — океан — говорит нам о происхождении этих чудовищ: они родились в море. Именно там фантазия сказителей и живописцев нашла прообразы для своего творчества.

О том, что в море водятся «драконы», рассказывают и другие памятники древней и средневековой письменности.

«Смотрите! — восклицает Виргилий,— от Тенедоса плывут по морю две змеи, свернув свои тела в гигантские кольца. Они плывут прямо к берегу! Их груди рассекают волны, а кроваво-красные гривы выступают над водой. И поднялся в океане страшный шум!»

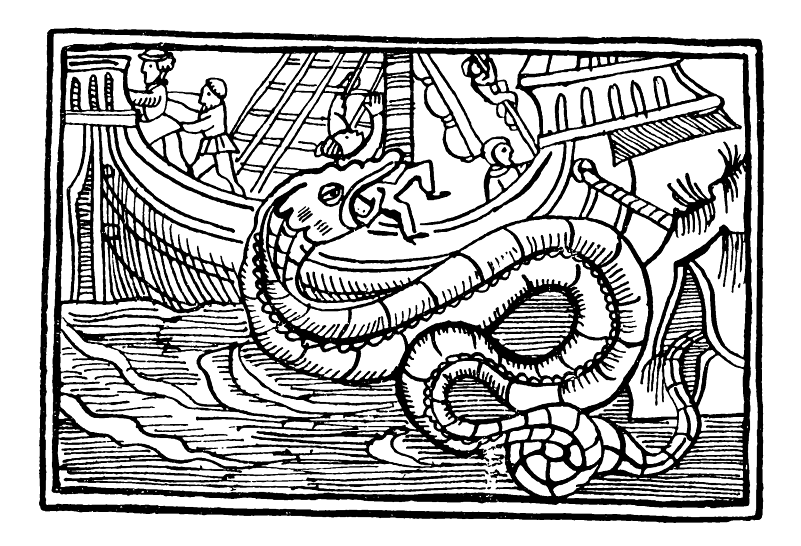
Олаус Магнус пишет в «Истории северных народов»:

«Все, кто плавает вдоль берегов Норвегии, рыбачит здесь или торгует, соревнуются между собой в рассказывании историй о том, что большая морская змея длиной в 200 футов и толщиной в 20 футов живет в скалах и пещерах около Бергена. Она появляется только летом по ночам и в хорошую погоду и пожирает телят, ягнят и коз или уходит в море на добычу за каракатицами, омарами и крабами всех видов. У нее грива в два фута длиной, свисающая с шеи, острая чешуя темного цвета и горящие глаза. Она нападает на лодки и хватает людей, поднимаясь высоко над водой».

Как и в случае с кракенами, побережье Норвегии в те времена было, по-видимому, сценой, где это бесподобное существо появлялось наиболее часто. Другой скандинав-

ский историк и натуралист Эрик Понтоппидан расспросил сотни норвежских рыбаков о гигантском морском змее. Он пришел к выводу, что все люди, которым приходится часто плавать по морю, верят в его существование. «Поставить перед ними этот вопрос,— заключает Понтоппидан,— все равно что спросить, есть ли в море треска или угорь».

Стилизованные образы легендарного змея искусные руки скандинавских мастеров запечатлели в суровых орнаментах, которые украшали боевые ладьи норманнов.

Не один их славный корабль, говорит Фрэнк Лейн, носил название «Длинная морская змея».

В средние века уверенность в существовании морского змея была всеобщей. Редкий корабль в те времена выходил в море без особых предосторожностей (по большей части смехотворных). И сейчас еще рыбаки Ньюфаундленда перед путиной запасаются «бобровой струей»* — верным средством, по их мнению, для отпугивания морских змей.

Естественно, что большинство рассказов о встречах с гигантскими морскими чудовищами дошли до нас из предыдущих столетий, когда крупные морские животные представляли реальную опасность для небольших парусных

* Содержимое мускусных желез бобра, обладающее резким запахом.

судов, и люди силой обстоятельств были вынуждены более внимательно следить за поверхностью океана.

В начале прошлого века события, героем которых был морской змей, перемещаются из Скандинавии в Атлантический океан — к берегам Северной Америки. Здесь странное создание в течение нескольких недель 1817 года видели в море несколько сот человек — моряков, рыбаков, случайных прохожих. Место действия — побережье США и Канады между мысом Гаттерас и Ньюфаундлендом, в особенности Массачусетский залив и окрестности города Глостера.

Из свидетельских показаний можно заключить, что загадочное животное имело змееподобный вид, в длину достигало 80—90 футов (около 27 метров), голова «как у гремучей змеи, но величиной с лошадиный череп», плавает, извиваясь в вертикальной плоскости, во всяком случае над водой видели странные перемещающиеся «горбы» — по-видимому, кольца его крутоизогнутого тела.

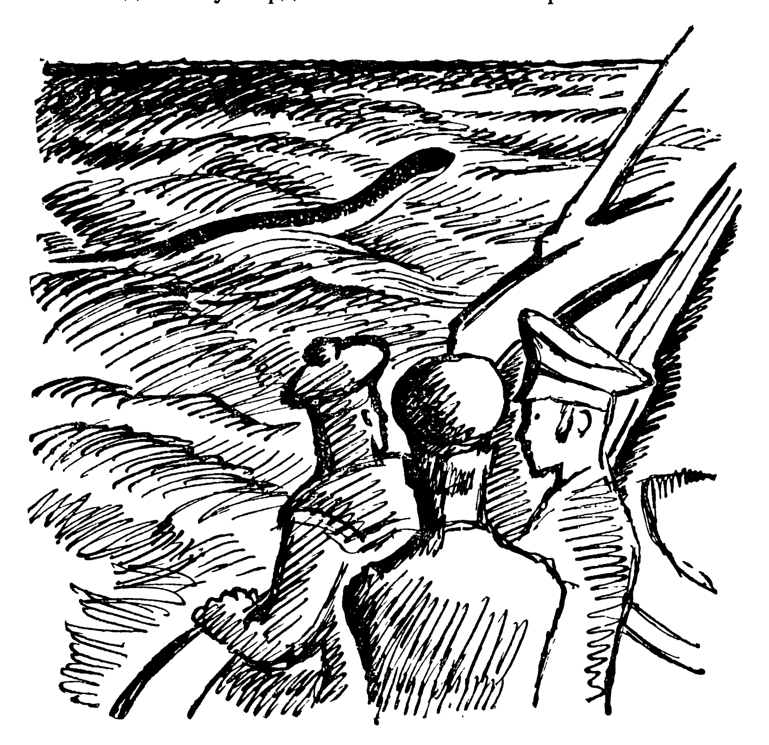
Сбором сведений, касающихся странного животного, занялся особый научный комитет, назначенный Линнеевским обществом Бостона. Члены комитета провели очень серьезное и тщательное расследование. Они записывали свидетельства только тех людей, которые собственными глазами видели странное животное. Показание давалось под присягой и только в письменном виде. Свидетель должен был, кроме того, ответить на 25 вопросов, искусно подобранных членами комитета не только с целью уточнения обстоятельств, но и проверки добросовестности допрашиваемого.

Дело, как видите, было поставлено серьезно, и материал собрали богатый, но грубая ошибка, которую, к несчастью, допустило в последнюю минуту Линнеевское общество, дискредитировало всю его работу.

Случилось так, что один мальчик увидел на берегу странную трехфутовую «горбатую» змею, а его отец заколол ее вилами. Мертвое животное представили в Линнеевское общество Бостона как возможного кандидата в морские змеи. Ученые члены общества с нетерпением осмотрели необычный экспонат и, увидев на его спине несколько уродливых горбов, без колебаний решили, что имеют дело с... детенышем того самого монстра, которого сотни наблюдателей видели в море в течение нескольких предыдущих недель. Натуралисты из Линнеевского общества назвали «горбатого» морского змея Scoliophis atlanticus и опубли-

ковали его описание и рисунки. Когда же более сведущие люди взглянули на эти рисунки, оказалось, что «атлантический горбач» — всего-навсего черный уж (Coluber constrictor), изуродованный болезнью.

После этого скандального происшествия за морским змеем надолго утвердилась кличка «Эмерикэн хамбаг»*

Такой же конфуз случился в 1808 году и с шотландскими натуралистами. Выброшенный на берег полуразложившийся труп акулы они приняли за «змею с шестью лапами» и недолго думая окрестили ее Halsydrus pontoppidani.

Конечно, подобные ляпсусы — уж очень всем хотелось тогда поймать морского змея!— не могли способствовать его популярности в глазах серьезных исследователей.

* «Американский обман». Игра слов: «хамбаг» — по-английски «обман», а «хэмпбэк» — «горбун».

Между тем сообщения о загадочном морском животном продолжали поступать.

В мае 1833 года его видели канадские офицеры, отправившиеся на рыбную ловлю у берегов Галифакса (юго-восточная Канада). Офицеры курили сигары на палубе яхты, как вдруг заметили дельфинов, которые в возбуждении выпрыгивали из воды, словно спасаясь от опасности. Затем... «на расстоянии 150—200 ярдов от корабля мы увидели голову и шею какого-то обитателя глубин, похожего на змею. Голова высоко была поднята над водой и во время плавания далеко выкидывалась вперед, а потом назад, так что она попеременно оказывалась то над водой, то под водой. Странное создание быстро проплыло мимо (яхта шла со скоростью около пяти узлов), поднимая волны, от начала которых до головы животного было около 80 футов, не меньше.

Мы во все глаза молча смотрели на него около полминуты. Не могло быть сомнения: мы видели настоящего морского змея, которого обычно считают созданием воображения матросов. Голова животного имела шесть футов в длину, такой же длины была и видимая часть толстой, как дерево, шеи. Цвет их темно-коричневый, почти черный с белыми полосами. Мы не рассмотрели никаких других деталей».

Капитану Хоупу повезло больше: он увидел животного в безветренную ясную погоду, когда море было прозрачным, как хрусталь, и рассмотрел его, что называется, с ног до головы. Дело было летом 1849 года в Калифорнийском заливе. Животное медленно ползло по дну на небольшой глубине. Оно напоминало огромного крокодила, но крокодила с очень длинной шеей и с ластами вместо лап. Хорошо было видно, что передние ласты у странного «зверя» значительно больше задних. Животное плавало, ударяя ластами по воде, как морская черепаха.

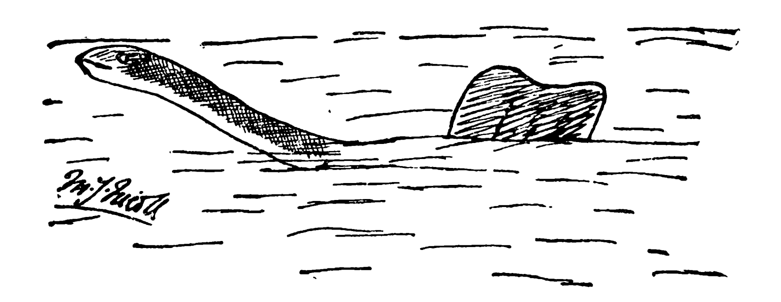
Сообщение капитана Хоупа — одно из самых интересных. Ему первому удалось увидеть морского «дракона» всего целиком.

В августе 1948 года произошло событие, взволновавшее весь мир не меньше, чем битва «Алектона» со спрутом. Благодаря разгоревшейся вокруг него полемике это происшествие получило широкую известность, и на него чаще всего ссылаются, когда речь заходит о гигантском морском змее.

Британский фрегат «Дедалус», возвращаясь из Индии, между мысом Доброй Надежды и островом Св. Елены встретил гигантское существо, которое было подробно описано в рапорте, поданном капитаном Мак-Кью в адмиралтейство.

«Сэр, удовлетворяя требование, содержащееся в Вашем письме от настоящего дня, сообщаю (дальше идет указание курса и имена матросов и офицеров, первыми заметивших странное создание).

Животное напоминало огромную змею, голова и плечи*(?) были подняты над водой на четыре фута... Длина

видимой части тела равнялась по крайней мере 60 футам, и ничто не указывало, что животное движется по воде с помощью вертикальных или горизонтальных ундуляций**.

Оно проплыло быстро и так близко к нашему подветренному борту, что его можно было рассмотреть невооруженным глазом... «Оно» держало курс на северо-запад и плыло со скоростью 12—15 миль в час...

Диаметр «змеи» — 15—16 дюймов в области шеи позади головы, голова, без сомнения, змеиного типа, но в продолжение 20 минут, пока животное находилось в поле зрения подзорной трубы, мы не могли заметить никаких других частей его тела, расположенных ниже поверхности воды. Цвет — темно-коричневый с желто-белой полосой в области горла. Животное не имело плавников, но что-то, похожее на гриву лошади или пучок водорослей, болталось у него на спине».

---

* Очевидно, имеется в виду шея.

** Волнообразных колебаний тела, то есть извиваясь.

Странное существо видели семь человек из команды «Дедалуса». Пока «змей» проплывал мимо — это длилось около получаса — они успели даже зарисовать его. Рисунок «змея», сделанный художником с «Дедалуса», часто фигурирует на страницах литературы, посвященной загадочным животным.

ЗООЛОГИ ВСТРЕЧАЮТСЯ С ТАИНСТВЕННЫМ НЕЗНАКОМЦЕМ

Сообщение команды «Дедалуса» было помещено в газете «Таймс», а затем и в другой британской и зарубежной прессе. Известный палеонтолог Ричард Оуэн, «крестный отец» моа и такахе, выступил в печати с опровержением.

Разгорелся спор. Оуэн полагал, что с «Дедалуса» видели не гигантскую змею, а огромного тюленя — морского слона, обитателя Антарктиды. Он был занесен в тропики на льдине и возвращался вплавь на родину. Предположение, как видите, весьма фантастическое!

Капитан Мак-Кью возражал: ошибка не могла произойти, он и его люди отлично знают тюленей, и создание, которое они видели, не было похоже ни на одного из известных животных. В определении длины «змея», если они и ошиблись, то немного: змей по меньшей мере раз в десять был крупнее любого тюленя.

В поддержку Мак-Кью выступили в печати и другие моряки. Сломан был лед молчания: одно за другим стали появляться в печати сообщения о встречах со странным змее- или ящерообразным существом. Многие из объявившихся теперь очевидцев видели его якобы еще до «Дедалуса», но не решались сообщить об этом, опасаясь насмешек. Выяснилось, что с 1818 по 1848 год «змея» встречали в разных морях земного шара 82 раза!

10 января 1877 года пятеро взволнованных людей явились в магистрат города Ливерпуля, чтобы дать под присягой показания о том, что случилось с ними во время путешествия.

«Мы, нижеподписавшиеся офицеры и команда барка «Полина» из города Ливерпуля, в графстве Ланкашир Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии, торжественно и честно заявляем, что 8 июля 1875 года на 5°13′ южной широты и 35° западной долготы мы заметили трех больших кашалотов, и один из них был дважды обвит огромной змеей. Ее голова и хвост, помимо тела, свер-

нутого кольцами, были длиной в 30 футов и около 8—9 футов в обхвате. Змея душила свою жертву в течение 15 минут, а затем увлекла кита на дно, головой вниз».

Вероятнее всего, моряки с «Полины» ошиблись: за гигантскую змею приняли гигантского кальмара. Как мы уже знаем, схватки спрутов с кашалотами явление обычное. Трудно поверить, что морские змеи, если они и существуют, питаются пятидесятитонными китами.

Сообщения следуют одно за другим.

В июле 1877 года морского змея видел капитан Пирсон и несколько офицеров королевской яхты «Осборн», в 1882 году сторож из Ландидно (городок в Уэльсе, на берегу Ливерпульского залива), в 1893 году капитан Кригл с корабля «Амфали».

Факты и наблюдения, представленные в 1898 году офицерами французской канонерки «Аваланш», были настолько убедительны, что в существование морского змея, пишет Бернар Эйвельманс, поверил будто бы даже знаменитый румынский ученый, специалист по морским животным, профессор Эмиль Раковица.

А в 1905 году произошла наконец долгожданная встреча с морским змеем людей науки. Два профессиональных и довольно известных зоолога, члены Лондонского зоологического общества, Мид-Уолдо и Майкл Николл увидели у берегов Бразилии с борта яхты «Валгалла» гигантское змееподобное существо. Свое приключение они описали в «Трудах Зоологического общества».

«7 декабря 1905 года в 10 часов 15 минут утра мы находились на корме яхты «Валгалла», когда вдруг мистер Николл обратил мое внимание на странный предмет, который плыл по поверхности моря в ста ярдах от яхты.

— Что это? Плавник огромной рыбы?

Я взглянул туда и тотчас увидел большой плавник, торчащий над водой. Он был темно-коричневого, как морские водоросли, цвета и несколько морщинистый по краям, длиной около шести футов и фута на два выступал над водой.

Я направил на него свой полевой бинокль и... увидел огромную голову и шею, поднимающиеся из воды впереди плавника. Шея не соединялась с плавником, а торчала из воды на расстоянии 18 или больше дюймов спереди от него. Казалось, что шея была толщиной с тело человека и на 7—8 футов возвышалась над водой».

Странное создание плыло быстро, поднимая за собой волны и размахивая головой так энергично, что вокруг разлетались брызги.

Мид-Уолдо и Николл считают, что видели «гигантского морского змея», как называют это загадочное существо моряки всех стран.

Рассказав о приключении Мид-Уолдо и Николла, мы приблизились, таким образом, к самому выдающемуся событию в истории гигантского морского змея, когда этот «дракон» едва не попал наконец в руки к людям. Во время первой мировой войны два военных корабля «атаковали» морского змея.

ПО МОРСКОМУ ЗМЕЮ — ОГОНЬ!

30 июля 1915 года немецкая подводная лодка «И-28» под командой капитана Форстнера потопила у берегов Ирландии английский пароход «Иберия». Капитан Форстнер, сам того не подозревая, одним выстрелом убил двух зайцев: неприятельский корабль и... морского змея, который случайно попал в зону действия взрывной волны. После подводного взрыва из воды на высоту 25 метров выскочило странного вида крокодилообразное существо. Оглушенное грохотом, оно завертелось в воздухе и, шлепнувшись в море, исчезло бесследно. У диковинного «зверя» была узкая голова, длинный хвост... впрочем, предоставим слово самому «охотнику».

«30 июля 1915 года,— пишет Форстнер,— наша «И-28» торпедировала в Северной Атлантике британский пароход «Иберия» (водоизмещением 5223 тонны).

Корабль, который был длиной около 180 метров, быстро пошел ко дну, кормой вперед, глубина в том месте достигала нескольких тысяч метров. Через 25 секунд после погружения пароход взорвался на глубине, которую мы приблизительно определили в тысячу метров. Вскоре после этого из воды на высоту 20 или 30 метров были выброшены обломки корабля и среди них огромное морское животное.

В это время на мостике подлодки находились шесть человек: я, два дежурных офицера, главный инженер, штурман и рулевой. Мы во все глаза смотрели на морское «диво». К сожалению, мы не успели его сфотографировать, так как через 10—15 секунд животное уже скрылось под водой. Оно было длиной около 20 метров, напоминало

гигантского крокодила с четырьмя мощными лапоподобными ластами и с длинной заостренной головой».

Еще через два года с морским змеем встретился британский патрульный крейсер «Хилари». Это произошло в Северном море, в семидесяти милях к юго-востоку от берегов Исландии. Через три дня после того, как «Хилари» атаковал морского змея, он сам был потоплен немецкой подводной лодкой. Но командир крейсера, капитан Дин, спасся, чтобы поведать миру эту драматическую историю.

«В 9 часов утра,— пишет он,— я сидел за письменным столом в своей каюте, когда получил донесение: «Объект справа по борту!» Через три секунды я уже был на мостике:

— Перископ? Где он?

— Нет, сэр, не перископ,— ответил дежурный офицер,— больше похоже на живое существо, но это не кит.

И он показал на предмет, который на первый взгляд можно было принять за ствол корявого дерева. Однако при внимательном рассмотрении через бинокль стало ясно, что это живое существо, а «корни» оказались его головой и спинным плавником. Животное представляло хорошую мишень для учебной стрельбы в цель, и я отдал команду расчету приготовиться... Подойдя на расстояние 30 ярдов, мы как следует его рассмотрели.

Голова была похожа на голову коровы, но без рогов и ушей и значительно более крупная, вся черного цвета, за исключением беловатой полосы на лбу. Длина шеи не меньше 20 футов, а плавник возвышался над водой фута на четыре. Общая длина этой твари около 60 футов... Ясно видны были змееобразные движения шеи, она изгибалась полукругом, когда животное поднимало голову, чтобы оглядеться.

Спинной плавник напоминал черный треугольник, и, когда животное отстало и мы рассмотрели его в фас, видно было, что он очень тонкий и вялый. Правда, время от времени его обвислая верхняя часть поднималась, как кончики ушей насторожившегося терьера.

Животное не было обеспокоено близким соседством корабля, оно продолжало нежиться на поверхности моря, то погружаясь в воду так, что лишь нос и кончик плавника торчали наружу, то выныривая на поверхность — тогда видны были голова и шея и весь четырехфутовый плавник».

Пока с «Хилари» рассматривали морское чудище, корабль (он шел со скоростью 12 миль в час) обогнал его и ушел далеко вперед. Капитан Дин отдал команду развернуться. Крейсер описал дугу и вновь стал приближаться к животному. Когда до него осталось 1200 ярдов, грянул первый залп. Промах! 3—4 снаряда разорвались в 20 метрах от цели. Животное, казалось, игнорировало опасность, продолжая свой путь. Второй залп был не лучше первого— животное сохраняло спокойствие. Третий залп! Один из снарядов попал в цель — столб воды взметнулся вверх, чудовище бешено завертелось. Потом все стихло, и... «мы больше не видели странное существо, хотя прошли близко к тому месту, где оно находилось в последний раз».

Очевидно, «змей», подстреленный «Хилари», не был последним в «своем роде»: и после войны моряки встречали в океане загадочных ящероподобных тварей. Исследователи, которые занимались этим вопросом, подсчитали, что с 1919 по 1933 год зарегистрировано по меньшей мере полдюжины подобных сообщений. Потом началась вторая мировая война, и морякам было уже не до морских змеев. Война кончилась, и вновь «старый, добрый таннин» всплыл на поверхность.

Из послевоенных сообщений самое интересное принадлежит капитану греческого лайнера «Санта Клара». В декабре 1947 года лайнер вышел из Нью-Йорка в Картахену (Колумбия) и только что пересек Гольфстрим в 118 милях восточнее мыса Лукаут (Северная Каролина) как вдруг...

«Джон Экселсон, третий помощник, увидел змееподобную голову, торчащую из воды приблизительно в 30 футах от правого борта носовой части корабля. Его восклицание привлекло внимание к морскому чудовищу и двух других помощников. Все трое с удивлением наблюдали, как это странное существо проплыло вдоль борта корабля, прошло под мостиком и исчезло за кормой.

Голова животного была шириной около двух с половиной футов, толщиной в два фута и длиной в пять футов. Цилиндрическое тело достигало в поперечнике трех футов, а шея полутора футов.

Когда чудовище проплывало под мостиком, они заметили, что вода вокруг него, на пространстве в 30 или 40 квадратных футов, была окрашена в красный цвет.

Скорее всего вода покраснела от крови животного, которое было ранено ударом носа корабля. Однако с про-

тивоположного борта офицеры не заметили другой половины животного...

Все время пока раненое чудовище находилось в поле зрения, оно билось в предсмертной агонии. Кожа его темно-коричневая, гладкая и скользкая, без плавников, волос и каких-либо выступов на голове, шее или видимой части тела».

КТО ОН?

Мнение зоологов по поводу странных змееподобных созданий, с которыми мы познакомились, нельзя назвать единодушным. Прежде всего ученые специалисты разделились на два больших лагеря — «верующих» и «неверующих». «Неверующие» отрицают существование в океане какого бы то ни было гигантского, еще неизвестного науке животного. Рассказы о таких существах, по их мнению, сплошь вымысел или обман зрения. Наблюдатели могли принять за морского змея щупальца гигантских кальмаров (наиболее распространенная версия) или длинную «ветвь» морских водорослей, стаю дельфинов, морскую черепаху, ремень-рыбу, кита, тунца, удава, случайно попавшего в море, дюгоня или ламантина.

Зоолог Ньютон видел в море стаю гренландских тюленей. Они плыли гуськом друг за другом, вытянувшись в длинную линию. Время от времени некоторые тюлени выпрыгивали из воды, и издали их прыжки казались изгибами огромного тела. Мысль о гигантском морском змее приходила на ум Ньютону всякий раз, как он смотрел на плывущих тюленей, и он решил, что миф о морском змее «зародился»... в стаде гренландских тюленей.

К столь же «глубокомысленному» заключению пришли и специалисты Британского музея, когда, отрицая существование «снежного человека», утверждали (рискуя быть уличенными в недобросовестности), будто отпечатки на снегу гигантских ступней принадлежат... лангуру, обезьяне величиной с собаку.

Нет слов — подобные непродуманные и смехотворные «теории» наносят лишь ущерб престижу науки и по сути дела ничего не объясняют.

Другие зоологи, «верующие», пытаются найти ключ к разгадке вековой тайны морского змея в ископаемых морях давно минувшей эпохи.

160 миллионов лет назад, в мезозойскую эру истории земли, во всех морях и океанах нашей планеты водились «драконы» и почище морского змея.

Вот хищный ящер тилозавр. Он очень похож на «подводного крокодила», которого «торпедировала» немецкая подлодка «И-28», а капитан Хоуп видел в Калифорнийском заливе. Похож он и на обычного крокодила: такая же огромная зубастая пасть, длинное тело, такой же хвост, только вместо лап ласты, а вдоль по хребту тянется зазубренный гребень, как у тритона, или жесткая грива.

Тилозавры были хищниками. Они охотились не только за рыбами, но нападали даже на более крупных, чем сами, ящеров,— плезиозавров и эласмозавров. Между чудовищами разыгрывались смертельные битвы. Об этом свидетельствуют ископаемые кости ящеров: они носят следы старых переломов и травм. Тилозавры, как и современные крокодилы, дрались не только зубами, но и хвостом; точно богатырской палицей, наносили им страшные удары врагам.

Противники тилозавров — плезиозавры и эласмозавры — напоминали тех загадочных существ, которых описали натуралисты с «Валгаллы», капитан Дин с крейсера «Хилари» и офицеры с «Санта Клара».

Правда, у плезиозавров и эласмозавров вертикальный плавник располагался не на спине, а на хвосте (у некоторых видов). Но зато шея, голова, ласты — все очень похоже на традиционные признаки морского змея (кроме сообщений Хоупа и Форстнера, «змеи» которых больше походили на тилозавров).

Если бы внезапно оживший мезозойский эласмозавр вдруг вытянул над водой свою восьмиметровую извивающуюся шею, она бы поднялась над волнами, как гигантская змея. У некоторых эласмозавров шея была почти в полтора раза длиннее, чем туловище и хвост, вместе взятые. У плоскохвостого эласмозавра, остатки которого в начале нашего столетия нашли в Северной Америке, общая длина тела равнялась 12,8 метра, а длина шеи и головы 7,6 метра. Кто-то сказал, что эласмозавр похож на кита так же, как жирафа на слона. Превосходное сравнение!

В некоторых описаниях морского змея поражает еще одна, на первый взгляд нелепая, деталь — грива на спине. Ни у одного из современных морских животных нет никакой гривы. Но у вымерших морских ящеров —мозазав-

ров и тилозавров, по мнению крупнейшего палеонтолога профессора О. Абеля, была такая грива!

Доктор Эйвельманс считает, что существует не одно, а несколько неизвестных еще науке больших морских животных змеевидной формы, встреча с которыми породила среди моряков легенду о морском змее.

Пионер в научном исследовании этой легенды, профессор А. Удеманс предполагал, что морской змей — млекопитающее существо, что-то вроде огромного тюленя с шеей жирафы. По его мнению, «змеи» с гривой — это самцы, а без гривы — самки.

Мид-Уолдо и Николлу также показалось, что виденное ими существо больше напоминало млекопитающее, чем рептилию. Но есть и противоположные точки зрения.

Профессор Е. Буленжер, директор Лондонского аквариума, считает, что морской змей скорее всего гигантская рептилия, переживший свой век мезозойский ящер. Такое же предположение в общем делает и доктор Морис Бартон из Британского музея естественной истории.

Есть еще одна интересная и совсем особенная гипотеза. В 1930 году датская океанографическая экспедиция на корабле «Дана» поймала в Атлантическом океане (к западу от самой южной точки Африки) на глубине около 350 метров личинку гигантского морского угря. Длина ее достигала 1 метра 84 сантиметров.

Взрослые угри этого вида науке не известны. Если допустить, что гигантский угорь, личинка которого случайно была поймана датской экспедицией, растет в таком же темпе, как и другие угри, то мы получим в результате этого процесса... гигантского морского змея! Ведь из двухметровой личинки должна вырасти змеевидная рыба длиной в 20—25 метров!

Раз есть личинки — значит, существуют и взрослые угри, породившие их. Наука стоит на пороге этого замечательного открытия. Когда чудовищный угорь появлялся на поверхности моря, его могли принять за гигантскую морскую змею. Так по крайней мере считают такие видные ученые, как доктор Антон Брун, руководитель знаменитой датской экспедиции на «Галатее», а ныне директор музея Копенгагенского университета, и доктор И. Крумбигель.

В статье «Почему я верю в морских чудовищ», опубликованной в октябре 1959 года, Антон Брун приводит даже чертеж гигантской ловушки, сконструированной океано-

графическим институтом в Ла-Джола (Калифорния). Ловушка представляет собой огромную вершу. Это «алюминиевая клетка, помещенная в сетку. В нее ведут два отверстия: верхнее приглашает плавающих рыб, нижнее — ползающих, извивающихся. Морской змей, то есть, вероятно, гигантский морской угорь, найдет ловушку соблазнительной, вползет туда, свернется и будет подкарауливать добычу».

В это время разрывается магниевое кольцо, сдерживавшее пружину. Пружина отделяет массивное основание клетки. Наполненный бензином поплавок поднимает на поверхность освобожденную от грузила клетку. Над волнами появляется буй, снабженный радаром, сигнальными огнями и флагом. Исследователи замечают сигналы, подплывают, втаскивают на корабль клетку и обнаруживают в ней морского змея или... пару тощих акул. Это уж как повезет.

Но гигантский угорь, существование которого теперь доказано наукой, не объясняет, однако, всех морских приключений, которые вошли в историю мореплавания под названием «происшествий с морским змеем».

«Если представить себе,— пишут авторы книги «Жизнь моря», английские океанографы Ф. Рессель и Ч. Ионг,— обширные пространства подводного мира, простирающиеся на тысячи километров во все стороны — к югу, северу, востоку и западу, мы должны будем признать, что здесь вполне возможно существование множества страшных чудовищ, обладающих достаточной силой, чтобы не быть до сих пор пойманными нами».

ПРЕСНОВОДНЫЙ ВАРИАНТ ЛЕГЕНДЫ О МОРСКОМ ЗМЕЕ

Лох-Несс — озеро на севере Шотландии. На земле тысячи таких озер. Но популярности Лох-Несса может позавидовать сам Тихий океан. Вот уже больше двадцати пяти лет, как его название не сходит со страниц западной прессы. То в одном, то в другом журнале или газете появляется новая заметка об этом озере и его чудовищном обитателе, который привлек к небольшому озеру внимание всего мира.

Это старая история. С давних пор Лох-Несс пользуется у шотландцев дурной славой. Ходят слухи, что в этом озере живет... гигантский змей.

В древних сказаниях Инвернесса* много историй о лохнесском змее. Все местные жители верят, что в их озере живет это необычное существо. У каждого школьника, шофера, рыбака — словом, у каждого местного старожила, любопытные могут получить «точные» сведения и подробные описания «Старика Несси», как фамильярно называют они это чудовище. Еще бы! Благодаря Несси захолустный в прошлом уголок превратился теперь в процветающее местечко. По берегам Лох-Несса построено много кафе и первоклассных отелей. Каждый турист, путешествуя по Шотландии, обязательно заедет посмотреть на легендарное озеро.

А все началось с незначительного, казалось бы, эпизода. Летом 1933 года некий инженер А. Пальмер, прогуливаясь утром по берегу, вдруг услышал оглушительный всплеск, как будто... Впрочем, послушаем его самого: «Я подумал было, что внезапно начался шторм, но на деревьях не шелохнулся ни один листочек. Взглянув на озеро, я увидел на его поверхности сильное волнение — бурлящий водоворот в несколько сот метров в окружности. Вначале я не мог понять его причины, но затем рассмотрел какой-то очень длинный и темный предмет, всплывший в том месте из глубины озера... Приблизительно в ста метрах от берега я увидел плоскую змеиную голову. По обе стороны от нее шевелились какие-то странного вида выросты, которые я могу сравнить только с щупальцами улитки. Пасть этой, похожей на черную скорлупу, головы через каждые двадцать секунд то открывалась, то закрывалась — чудовище, вынырнув из глубины, не могло отдышаться. Оно отдыхало в таком положении около получаса, затем медленно поплыло на юго-восток».

Никто бы не придал особого значения «видению» Пальмера, которое легко объяснить игрой воображения, но события, последовавшие затем, были совершенно ошеломляющими. В течение ближайших недель чудовищного змея одновременно и порознь увидело несколько сот человек! За это время зарегистрировано 118 случаев появления у берега или вдали на поверхности Лох-Несса странного змееподобного существа.

Другой «очевидец»— некто Росс — стоял на берегу озера. Вдруг он увидел прямо перед собой огромную го-

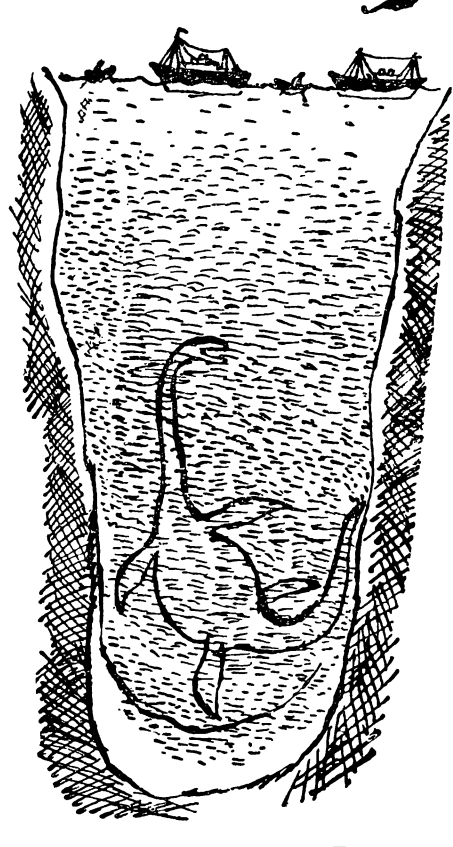
* Инвернесс — шотландское графство, на территории которого находится озеро Лох-Несс.

лову чудовища размером с автомобильное колесо, которая смотрела на него из воды.

Миссис Леннан и ее племянница разглядели на шее чудовища даже густую гриву, а на хвосте, который вертикально торчал из воды, многочисленные колючки.

Мисс Хаудк заметила Несси с балкона кафе: он напоминал огромного толстого червя.

Некоторые люди «видели» змея даже на берегу.

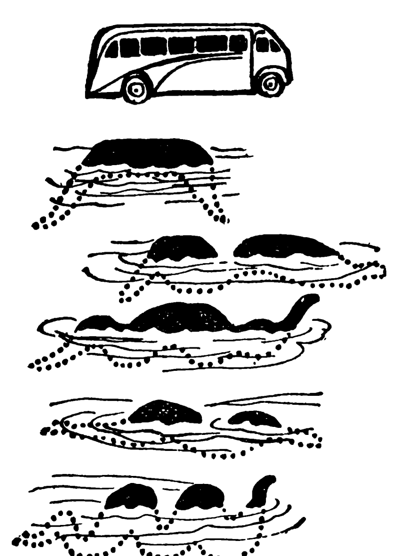
Многочисленные сообщения привлекли к озеру внимание многих серьезных людей. Нью-йоркское зоологическое общество объявило премию в 5000 фунтов стерлингов тому, кто добудет чудовище. Цирковой антрепренер Милз обещал еще более высокий гонорар — 20 000 фунтов стерлингов! Из Африки, соблазненный большой наградой, объявленной за поимку гигантского морского змея, приехал охотник на львов Уитвел. Он много дней и ночей провел на берегу озера, подкарауливая фантастического «зверя», но, ничего не добившись, вернулся в свою Африку.

Ученые были более настойчивы. Их корабли и лодки избороздили озеро буквально вдоль и поперек (Лох-Несс имеет 38 километров в длину и 3 километра в ширину). Самолеты на бреющем полете целыми днями кружились над озером, но загадочное чудовище буквально как в воду кануло *. Энтузиасты лох-несского змея говорят, что так

* Впрочем, нашли однажды на берегу следы «змея». Но когда их исследовали более внимательно, оказалось, что они отпечатаны на песке

оно и есть. Они считают его потомком мезозойских ящеров-плезиозавров, который живет в Лох-Нессе, как в естественном палеонтологическом музее. Этот, так сказать, «чудовищный пережиток прошлого» нашей планеты, испугавшись шума моторов экспедиционных судов и самолетов, нырнул, по их мнению, на дно озера, где и затаился.

Ну, а скептики считают, что лох-несского змея нужно искать не в глубинах озера, а в больном воображении людей, готовых любой обломок дерева принять за дракона, а отдыхающую на берегу выдру за чудовищного змея.

Во всяком случае до настоящего времени сторонники той и другой точек зрения ведут между собой ожесточенные споры, а истина все еще терпеливо ждет своего разрешения.

В последнее время в западной прессе вновь оживленно обсуждается вопрос о лох-несском змее. Вновь приводятся сообщения очевидцев, с ними организуют специальные беседы по телевидению. В некоторых иностранных журналах были помещены даже фотографии этого таинственного существа, правда, не очень ясные. Оказывается, особенно часто лох-несский змей показывался на поверхности озера в марте 1957 года. Подобных же чудовищ обнаружили и в других озера Шотландии, например в Лох-Шине и Лох-Мораре *.

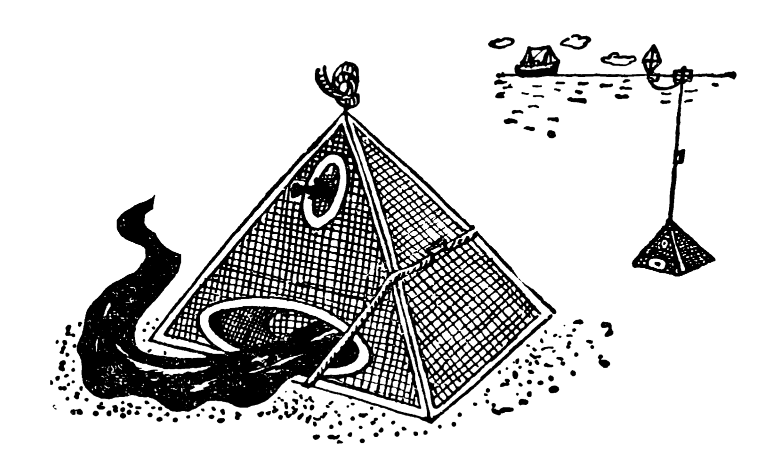
В Лох-Мораре гигантского змея недавно видели капитан и все пассажиры моторного бота, около которого чудовище внезапно вынырнуло из глубины. Оба упомянутые озера, в которых, по слухам, живет змей, отличаются

каким-то шутником при помощи пепельницы, изготовленной из ноги бегемота.

* И даже в Канаде в озерах Похенегамук, Манитоба, Бейкер и Оканоган!

большой глубиной (около или больше трехсот метров). Они лишь очень немного возвышаются над уровнем моря и в прошлом имели широкую связь с океаном.

Большое количество фактов, рассказов, легенд, фотографий, рисунков и других материалов о лох-несском змее собрано в книге английского ученого (правда, не зоолога, а доктора медицины) Констанции Уайт — «Больше, чем легенда. История лох-несского чудовища». Эта книга — призыв к проведению серьезного научного исследования

легендарного обитателя Лох-Несса, который, по мнению автора, представляет собой новый и очень ценный для науки вид животного. Надо сказать, что доводы автора очень убедительны. Если отбросить все неизбежные в таких случаях легендарные и выдуманные прибавления, то лох-несский змей предстанет перед нами в более реальном, с точки зрения зоолога, виде. Согласно тщательно отобранным и по возможности очищенным от вымысла данным автора и его рисункам, сделанным со слов наблюдателей, лох-несский змей внешне напоминает толстого червя (длиной, однако, около 20 метров!) с тонкой шеей и маленькой головой. Плавает он, извиваясь всем телом, но не в горизонтальной, а вертикальной плоскости. Поэтому наблюдателям чаще всего случалось видеть торчащие вертикально из воды витки его крутоизогнутого тела; перемещаясь, «горбы» то выступают из воды, то вновь погружают-

ся в нее. На фотографии это существо, плывущее у поверхности, тоже выглядит в виде ряда отдельных черных бугров, возвышающихся над водой. Некоторым удачливым фоторепортерам удалось сфотографировать даже голову змея, торчащую из воды (ее, впрочем, можно принять и за корягу).

До настоящего момента вопрос о лох-несском змее остается нерешенным. Возможно, что мы находимся перед замечательным фактом открытия реликтового ящера, все родичи которого вымерли 70 миллионов лет назад (некоторые ученые непосредственно связывают его с мезозойскими плезиозаврами-криптоклайдами, их остатки найдены на территории Шотландии).

Не однажды делались попытки установить «личность» загадочного Несси. Говорят, что еще знаменитый покоритель океанских глубин Вильям Биб собирался якобы опуститься на дно Лох-Несса в своей батисфере, чтобы из ее окошка посмотреть, что же там такое происходит. Но идея эта не была осуществлена. Вода в озере слишком мутная, на расстоянии нескольких метров уже ничего не видно.

Поэтому и английские ученые, пытающиеся сейчас установить причины столь упорных слухов о чудовищном обитателе Лох-Несса, отказались от услуг аквалангистов. Решено «ощупать» озеро при помощи эхолота.

Шотландские власти поспешили объявить Несси «persona grata», отныне никто не смеет ни в каких целях ни убивать его, ни причинять ему вред. Есть надежда, что в ближайшее время наконец-то будет разрешена эта одна из самых «шумных» тайн природы или... человеческой фантазии *.

«ДРАКОН СЕМИРАМИДЫ» ЕЩЕ ЖИВ

Тайна Несси — это лишь частица большой тайны, большого вопроса о возможном существовании на земле допотопных чудовищ. Старина Несси не одинок. С разных концов земного шара приходят обескураживающие сообщения о таинственных ящероподобных созданиях, скрывающихся якобы в глубине уединенных озер и в дебрях дремучих лесов.

Вот, например, одно из таких сообщений, помещенное 14 декабря 1958 года в газете «Молодежь Якутии».

* В некоторых журналах недавно сообщалось, будто английским операторам удалось наконец снять чудовище на кинопленку, и эти кадры изучаются сейчас специалистами.

«ТАЙНА ГОРНОГО ОЗЕРА»

В Оймяконском районе есть большое озеро Лабынкыр. Длина его 14 километров, а глубина 60 метров.

Ближним населенным пунктом является поселок Томпор, расположенный в 120 километрах. Жители его с давних пор рассказывают о чудовищном крупном животном, обитающем в этом горном озере. Его называют чертом. Однажды этот «черт» погнался за рыбаком якутом. Животное имело темно-серый цвет, огромную пасть, а расстояние между глазами было больше ширины плота из десяти бревен. Был случай, когда он проглотил собаку, плывущую за утятами. Колхозник Петр Винокуров рассказывает, что на северном берегу он нашел челюсть животного с зубами. Она имела такие размеры, что если ее поставить вертикально, то под этим своеобразным сводом мог бы проехать всадник. Стала загадкой и другая, не менее интересная деталь. Зимой на льду этого озера образуются лунки с гладкими краями. Их называют здесь «чертовыми окнами».

Существование чудовища-животного подтверждает и начальник геологической партии Восточно-Сибирского филиала Академии наук СССР Виктор Александрович Твердохлебов.

«Встреча с этим чудовищем состоялась не на Лабынкыре, а на соседнем озере Ворота, имеющем четырехкилометровую длину и шестидесятиметровую глубину»,— пишет он в своем письме, присланном недавно в адрес Якутского филиала Академии наук СССР.

Это было 30 июля 1953 года. В. А. Твердохлебов и техник Б. А. Башкатов шли по западному берегу озера. Геологи спускались к кромке воды, когда увидели плывущее по середине озера большое животное. Оно медленно погружалось в воду, затем появлялось вновь. Под водой угадывалось большое тело. Выступающая над водой часть тела животного имела овальную форму, отдаленно напоминающую верхнюю часть глубоко погруженного в воду бочонка. Белесая кожа зверя поблескивала в солнечных лучах.

Потом животное приблизилось к берегу. Теперь стало возможным лучше рассмотреть некоторые детали. На фоне воды был отчетливо виден узкий, торчащий, несколько отогнутый назад по ходу движения гребень. Окраска тела стала темно-серой. На голове выделялись два симметрич-

ных пятна овальной формы. Очевидно, это были глаза. Расстояние между ними не менее двух метров.

Примерно в 150 метрах от геологов животное остановилось, неожиданно резко забилось на воде, поднимая огромные волны. Больше оно не появлялось.

«Животное не похоже на известных мне морских и озерных обитателей»,— пишет В. А. Твердохлебов.

«Якутское чудовище, может быть, относится к семейству дельфиновых и внешне напоминает косатку (это морской хищный зверь весом до 15 тонн),— разъясняет заместитель председателя президиума Якутского филиала Академии наук СССР Н. В. Черский.— Поскольку оно питается рыбой и не боится сурового климата, то условия существования в полосе глубоких озер для него можно считать возможными, хотя очень трудно объяснить, как этот обитатель моря попал в озеро, удаленное от океана. Вместе с тем не исключена возможность, что таинственный якутский зверь является потомком древних чудовищ, населявших землю 60—70 миллионов лет назад. Во всяком случае этот факт требует научной проверки, поэтому Якутский филиал Академии наук СССР летом будущего года намерен отправить на место нахождения зверя свою экспедицию».

Мне не удалось установить дальнейшую судьбу этого странного открытия. Но после того, что стало теперь известно о Несси и о морском змее, приключение геолога В. А. Твердохлебова * не кажется слишком фантастическим.

Гораздо более богата событиями история другого «дракона» по имени лау или шипекве. Чтобы познакомиться с ним, мы должны из холодной Якутии отправиться в жаркую Африку.

Но по дороге заглянем ненадолго в Ирак, страну древней культуры. Здесь, на берегу Евфрата, тысячи лет назад высились неприступные стены «матери городов» — древнего Вавилона. Много храмов и дворцов было в Вавилоне, много башен и триумфальных колонн и арок, которые хранили память о кровопролитных битвах и победах вавилонских царей.

Над дворцами и храмами Вавилона возвышалось гигантское сооружение: второе «чудо света» — висячие сады Семирамиды. Две с половиной тысячи лет назад их построил

---

* Выдержки из дневника наблюдений В. А. Твердохлебова опубликованы в журнале «Вокруг света», 1961, № 2.

для своей жены Амитисы вавилонский царь Навуходоносор II. Амитиса была родом из горной Мидии. Она скучала среди равнин Вавилона. «Висячие сады» напоминали персидской царевне горные пейзажи ее родины.

На левом берегу Евфрата, рядом с роскошным царским дворцом, тысячи рабов воздвигли обширные террасы, ступенями возвышающиеся друг над другом. Нескончаемой вереницей, низко сгибаясь под тяжестью корзин, люди носили землю с плодородных полей на эти террасы. Затем посадили здесь всевозможные растения, даже финиковые пальмы. Для их поливки сооружена была сложная система каналов и насосов.

«Сады Семира́миды,— писал древнегреческий историк Диодор,— поднимались над рекой Евфратом ярус над ярусом, подобно высокой горе».

Не меньшей славой, чем «висячие сады», пользовалось в древности и другое «чудо» Вавилона — ворота богини Иштар, украшенные разноцветными барельефами диковинных зверей. Много разных фантастических историй рассказывали в те времена о чудовищах, красочные фигуры которых искусные руки мастеров выложили — всем на удивление! — из глазированных кирпичей на воротах богини Иштар.

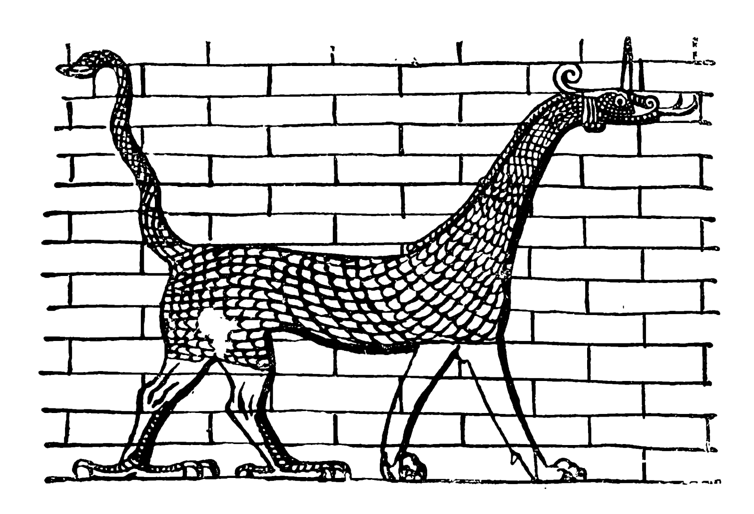
Античные писатели называли сады Амитисы и ворота Иштар садами и воротами Семирамиды — легендарной царицы Вавилона, которая вместе с мужем Нином построила якобы этот город. Теперь доказано, что ни Семирамиды, ни Нина не существовало, но висячие сады Семирамиды и ворота Иштар действительно были созданы тысячи лет назад трудами безвестных зодчих древнего Междуречья. Немецкому археологу Роберту Кольдевею при раскопках на берегу Евфрата на месте древнего Вавилона удалось найти засыпанные песком развалины висячих садов, несколько древних дворцов и храмов и «процессионную» дорогу, по которой в дни торжественных манифестаций проходили религиозные процессии к храму бога Мардука. В самом начале этой дороги и находились знаменитые ворота Иштар. Их откопали, расчистили от земли и песка, и они предстали перед изумленными археологами во всем своем блеске и величии.

Огромная арка окружена колоссальными стенами. Стены выложены разноцветными изразцами — голубыми, желтыми белыми и черными. И вот впервые после тысяч лет забвения,

когда грандиозные творения древнего зодчества лежали погребенными в песках пустыни, люди снова увидели фигуры диковинных зверей.

По всей 26 метровой стене, от вершины и до основания, тянулись ряды многокрасочных барельефов. Каждый ряд составляли выложенные из глазированных кирпичей изображения 40—50 животных — всего 575 звериных фигур!

Но самое поразительное даже не множество повторяющихся барельефов, и не чудесная их расцветка, а сам вид

изображенных животных. Стены, окружающие процессионную дорогу, украшены барельефами стилизованных львов. Это не вызывает сомнения. Установлено также, что однорогие быки с гордо поднятой головой в некоторых фризах на воротах Иштар — это вымершие теперь дикие быки туры.

Но вот фантастический «сируш» — другое животное на барельефах Иштар — поставил в тупик самых искусных знатоков фауны Ближнего, Среднего и Дальнего Востока.

У сируша передние ноги льва, а задние огромной хищной птицы (или ящера), тело сплошь покрыто чешуей до самого кончика длинного, как у ящерицы, хвоста. Шея тоже очень длинная с маленькой змеиной головой, с острым рогом на лбу. Из закрытого рта торчит раздвоенный на конце змеиный язык.

Что за зверь?

Выяснили, что в Библии он известен под названием «вавилонского дракона». Чудовище обитает якобы где-то на Востоке.

Вавилонское слово сируш означает «блестящая змея» (впрочем, этот перевод не очень точен). Царь Навуходоносор, который заново отделал древние ворота Иштар, велел высечь в основании стены надпись:

«Рими (вавилонское название тура) и сирушами я украсил стены... чтобы все люди смотрели на них и удивлялись».

И этой цели он достиг. До сих пор фигуры вавилонских драконов вызывают удивление и споры. Одни из специалистов считают, что сируш обычный представитель многочисленной плеяды сказочных драконов Востока. Другие же видят в нем искаженный художником образ действительно обитавшего на земле существа. Но какого существа?

Р. Кольдевей, откопавший в 1898 году ворота Иштар, первым обратил внимание, что изображенные на них драконы очень напоминают некоторых ископаемых ящеров. Американский натуралист Вилли Лей, развивая эту мысль, пишет: «Если бы ворота Иштар были откопаны на сто лет раньше, то их драконы с кошачьими передними и птичьими задними лапами вызвали бы не больше доверия, чем крылатые быки и птицы с человеческой головой из мифологии Вавилона и Ассирии.

Но за эти сто лет палеонтологи открыли вымерших животных с бесконечно длинными шеями и хвостами, огромными туловищами и маленькими змеиными головками, у некоторых были даже рога на лбу, а в пасти длинные раздвоенные языки (хотя на окаменелостях их отпечатки и не сохранились). Найдены и «птиценогие» ящеры! Они бегали на задних, похожих на птичьи лапах, а их более короткие пятипалые передние конечности болтались в воздухе. Некоторые из этих ящеров, смотря по обстоятельствам, могли передвигаться и на задних и на всех четырех ногах».

Вавилоняне не были палеонтологами, их сируш не может представлять поэтому реконструкцию вымершего существа, сделанную на основании найденных в земле костей (тем более, что кости динозавров не обнаружены вблизи Вавилона). «Сируш,— говорит Вилли Лей,— это стилизованный образ животного, обитавшего на Земле в те далекие времена и неизвестного зоологам. Как и тур, который не встречался тогда в Мессопотамии, сируш скорее всего был

«заморским чудовищем». Сведения о нем могли быть импортированы в Вавилон из другой страны».

Но какой страны?

«Из Центральной Африки!» — говорит Вилли Лей.

Путешественники и исследователи уже давно привозят в Европу «глазированные кирпичи» с изображением вавилонского дракона. Сируш, говорят они, живет в непроходимых болотах тропических лесов Конго! Одним из первых принес такое сообщение Альфред Горн, известный в прошлом веке торговец слоновой костью. Он прослышал, что в болотах за Камеруном живет водяное чудовище яго-нини. Оно истребило всех ламантинов *, обитавших некогда в той местности. А. Горн будто бы сам видел следы чудовища — огромные, «как сковороды», отпечатки с тремя хорошо заметными когтями.

В 1902 году Гарри Джонсон, исследователь «лесной жирафы» — окапи, привлек внимание научного мира к этому таинственному обитателю африканских болот и озер. Он сообщил, что в деревнях по берегам озера Виктория рассказывают удивительные истории о гигантских существах «лукваta», которые живут якобы в глубинах озера. Это, по его мнению, или небольшой кит или исполинская рыба.

Чудовище иногда нападает на рыбачьи лодки, а однажды оно опрокинуло моторный бот.

«Отныне,— пишет Бернар Эйвельманс,— африканские озера имели своего «морского змея».

Со всех концов тропической Африки стали поступать сообщения о «лау», «шипекве», «липата», «мокеле-мбембе», «аилали», «бади-гуи», «нгакоула-нгоу» и других драконоподобных водяных чудовищах.

В Судане и Южном Конго, в Родезии, Уганде и Анголе, в Камеруне, Виктории-Ньянце, Замбези и верхнем Ниле — на огромной территории в три тысячи километров с севера на юг и более двух тысяч километров с запада на восток распространены легенды о водяных страшилищах. Чудовища нападают на бегемотов, ламантинов, на носорогов и даже слонов. У многих из них длинные шеи и хвосты, гладкое, бесшерст-

---

* Ламантины — водные млекопитающие из отряда сирен, или морских коров. Внешне они напоминают тюленей с большим округлым хвостовым плавником вместо задних ластов, но по своему происхождению стоят ближе к слонам, чем тюленям. Питаются водорослями и морской травой. Водятся в морях и некоторых реках атлантического побережья Америки и Африки.

ное тело, маленькие змеиные головы и даже рог на лбу! Все, как у сируша на воротах Иштар.

Когда в 1907 году известный путешественник Ганс Шомбургк прибыл на озеро Бангвеоло *, на берегах которого «небеса встречаются с землей», его поразило, что в этом огромном водоеме с болотистыми, заросшими камышом окрестностями не водятся бегемоты. Ведь здесь идеальное место для обитания гиппопотамов...

Он поделился своими соображениями с местным проводником, и тот терпеливо объяснил несообразительному европейцу (Шомбургк никак не мог в это поверить!), что в озере водится хищное животное, которое охотится на бегемотов, убивает их и съедает. Через 25 лет во время своего восьмого путешествия в Африку Г. Шомбургк убедился, что рассказы об убийце бегемотов все еще живут на берегах Бангвеоло.

Продолжая путешествие, Ганс Шомбургк прибыл на озеро Дилоло (в восточной Анголе, на 800 километров западнее Бангвеоло). И здесь он услышал рассказы о пожирателе гиппопотамов по имени «шипекве».

Возвратившись в Германию, Шомбургк рассказал обо всем Карлу Гагенбеку, на средства которого была организована экспедиция. К. Гагенбека это сообщение не удивило: о подобном же загадочном чудовище — «полуслоне-полудраконе» он слышал и от других путешественников.

Карл Гагенбек считал, что чудовищем мог оказаться какой-нибудь из переживших свою эпоху динозавров. Гагенбек всегда старался оправдать славу лучшего поставщика редких зверей, и он организовал большую экспедицию к Бангвеоло с особым заданием — поймать живого динозавра! Но по ряду обстоятельств экспедиции не удалось попасть на озеро.

В 1913 году германское правительство направило в свои западноафриканские колонии картографическую и геологическую экспедицию под руководством капитана фон Штейн цу-Лаузнитца. В официальном донесении правительству фон Штейн описал фантастическое чудовище «мокеле-мбембе», которое держит в страхе все население значительной части территории Конго, нижней Ибанги, Занга и Икембемба (Камерун). Он говорит, что люди, не знающие друг друга, дают довольно сходные описания этого существа.

---

* В Северной Родезии.

«Животное серо-коричневое с гладкой кожей, ростом оно со слона или по крайней мере с гиппопотама. У него очень длинная и гибкая шея и якобы только один зуб, но очень длинный. Некоторые говорят, что это не зуб, а рог. Хвост длинный и мускулистый, как у крокодила. Утверждают, что к нему опасно приближаться на лодках: чудовище опрокидывает челноки и убивает людей, но не ест их.

Мокеле-мбембе живет в подводных пещерах под обрывистыми берегами. Днем оно вылезает на берег в поисках пищи. Это растительноядное существо... Мне показали любимое его «блюдо» — лиану с большими белыми цветами, молочным соком и плодами, похожими на яблоки.

На реке Ссомбо я видел тропу, по которой якобы это животное выходит на берег за пищей. Вблизи от нее росли упомянутые растения. Но тропа была истоптана слонами, бегемотами и копытами других крупных зверей, так что не было никакой возможности разглядеть отдельные следы».

Вот еще одно сообщение о таком же чудовище, но из страны, расположенной за тысячи километров от Камеруна.

В начале нашего века на реке Замбези (на крайнем западе Северной Родезии) существовало небольшое королевство Баротзеленд. Его верховный правитель Леваника был натуралистом по призванию. Он очень интересовался животными. Леваника часто слышал от подданных своего королевства рассказы об огромной, ростом больше слона, водяной рептилии, которая живет в болотах поблизости от его деревни. И он отдал приказ: всякий, кто увидит это чудовище, должен тотчас предупредить короля, чтобы тот мог посмотреть на диковинного зверя.

Однажды три взволнованных человека попросили аудиенции у Леваники. Они только что видели гигантское чудовище, отдыхающее на краю болота. На их глазах оно поднялось на ноги и, скользя по обрыву, спустилось в воду. У чудовища длинная шея, маленькая змеиная голова и лапы как у гигантской ящерицы.

Леваника поспешил на болото.

Он увидел истоптанный тростник, словно на нем лежало какое-то грузное и огромное тело. Широкая тропа вела к берегу болота. И там, где она погружалась в него, взбаламученная вода еще стекала в озеро из ям-следов, оставленных на берегу чудовищем.

Леваника был так поражен, что немедленно послал донесение начальнику английской полиции в Баротзеленде полковнику Гардингу, в котором сообщал о «звере с головой змеи, ростом с вагон, следы которого достигают четырех с половиной футов в ширину».

ОХОТНИКИ НА ДИНОЗАВРОВ

Сообщения о допотопных чудовищах продолжали поступать. Английские офицеры заметили длинношеее, как жирафа, существо в озере Виктория. Другой наблюдатель говорит, что оно плыло, выставив над водой всю переднюю часть тела. Рыбаки сказали, что это «лау». Известный исследователь Африки Грант видел подобное же животное у истоков Нила, а Драммонд-Гей в озере Ньяса. Сержант Стифенс встретил «морского змея» в болотах верхнего Нила. У змея «тело с лошадь или осла», но шея и хвост очень длинные, и поэтому длина всего чудовища не менее 40—100 футов.

Своего апогея история африканских драконов достигла в 1919 году, когда в газетах появились сообщения, что животное, похожее на динозавра, напало на инженера, работающего на строительстве железной дороги в Конго. Затем оно разрушило несколько деревень и убило сотрудников американской экспедиции Смитсонианского института. Прошел слух, будто означенный институт, располагающий самыми крупными в капиталистическом мире фондами для научных исследований, объявил премию в пять миллионов долларов тому человеку, который добудет динозавра живым или мертвым.

Шутка ли сказать — пять миллионов долларов! В Африку направились отряды охотников на динозавров. Спешно готовились и научные экспедиции на поиски допотопного реликта давно минувшей эпохи. Все это сопровождалось большой газетной шумихой. Официальный представитель Смитсонианского института был вынужден выступить в печати с опровержением всех этих слухов. Его письмо было опубликовано в «Таймс» 23 февраля 1920 года.

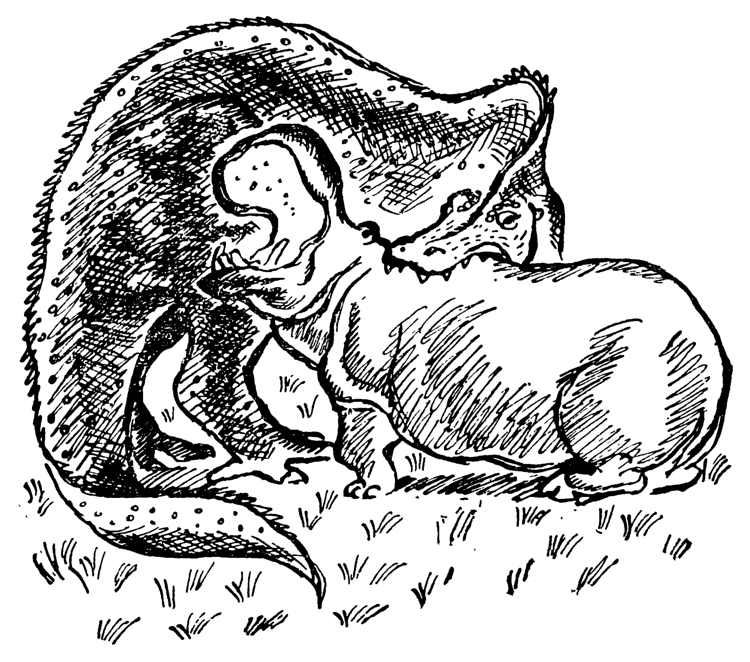
После такого скандала у газетных репортеров надолго отпала охота охотиться на динозавров.

Но в 1932 году многие газеты вновь напечатали сообщение охотника Гроблера, который после пятилетнего путешествия по Африке вернулся в Кейптаун и сделал пред-

ставителям прессы официальное заявление о гигантской «ящерице», которая живет в болотах Конго, Анголы и Северной Родезии.

«Она известна под именем «шипекве». Некоторые племена Центральной Африки называют ее «водяным львом».

Это огромная «игуана» * весом приблизительно в четыре тонны или больше. Шесть месяцев назад ее обнаружил один немецкий ученый в болотах озера Дилоло в Анголе.

Когда я был в той стране, то видел фотографию этого странного существа.

Я отправился к острову Дилоло, чтобы собственными глазами посмотреть на шипекве, но мне не повезло. Местные жители говорят, что увидеть его удается чрезвычайно редко, но все они убеждены в существовании чудовища.

Оно живет только в болотах и нападает на носорогов, бегемотов и слонов. Я видел фотографию шипекве, пожирающего гиппопотама».

* Крупные американские ящерицы.

Эта фотография оказалась подделкой, но сообщение Гоблера о гигантской «игуане» подтвердил и такой добросовестный исследователь, как Ганс Шомбургк. В цикле лекций, прочитанных в Германии после возвращения из восьмой экспедиции *, он рассказал, что в Центральной Африке все еще живут упорные слухи о гигантской водяной рептилии. Надежда добыть это животное побуждает его еще раз побывать в африканских дебрях. Гроблер рассказал репортерам, что киносъемочная партия Шомбургка, одержимая желанием заснять на пленку легендарного шипекве, провела в болотах озера Дилоло несколько томительных дней. Но усилия кинооператоров не увенчались успехом. В своей книге «Мои друзья в джунглях», посвященной описаниям восьмой экспедиции, Ганс Шомбургк ничего не пишет об этом.

В том же году, когда Г. Шомбургк, как уверяет Гроблер, охотился в болотах Дилоло на динозавра с кинокамерой, две другие научные экспедиции — швейцарская и американская,— пробираясь через дебри западной Африки, тоже имели дело с гигантской рептилией, «по сравнению с которой крокодил младенец».

Иван Сэндерсон, теперь известный зоолог и писатель, был тогда руководителем американской экспедиции в Камерун. Он сообщил, что на берегу Кросс-Ривер их экспедиция обнаружила гигантские следы, похожие на следы бегемотов, но которые уже из-за одного своего размера не могли принадлежать этим животным.

Позднее Иван Сэндерсон и другой зоолог — профессор Джеральд Рассель, проплывали на лодках мимо полузатопленных пещер, вырытых водой в обрывистых берегах реки. Вдруг страшный грохот, которого они «не слышали со времен войны», потряс окрестности. Что-то очень массивное плюхнулось в воду из одной пещеры. В тот же момент Сэндерсон и Рассель успели заметить это «нечто» на поверхности воды, «оно было гораздо крупнее гиппопотама, подняло в реке большие волны и с бульканьем ушло под воду.

— Мбулу-ем-бембе,— прошептали негры.

---

* Во время восьмой африканской экспедиции в 1932 году прославленный путешественник пересек на автомобилях Африку с юго-востока на северо-запад — от Дурбана к Бангвеоло и дальше на запад до Лобито (Ангола). Основной целью экспедиции были киносъемки диких животных.

Зоолог швейцарской экспедиции, доктор Монар, сделал сообщение о подобном же чудовище, по-местному, «либата», обитающем в области Чиумбе (Ангола).

По описаниям, это пресмыкающееся животное, очень большое и прожорливое; оно много больше и опаснее, чем крокодил и гиппопотам.

В глухой деревушке на берегу реки Чиумбе, где, по слухам, либата появляется особенно часто, швейцарские зоологи попытались выследить это существо. Они употребили даже в качестве приманки отравленного стрихнином поросенка. Но тщетно. Либата, привыкший питаться гиппопотамами, не польстился, видимо, на такую мелочь, как поросячий окорок, и охотники вернулись ни с чем.

Доктор Монар писал в 1932 году: «Существование больших ящеров — потомков мезозойских рептилий, не может считаться теоретически невозможным. Хотя весь континент изъезжен сейчас вдоль и поперек, однако большинство путешественников следовали по одним и тем же избитым маршрутам, поэтому до сих пор еще остались в Африке неисследованные области.

Имеется немало сообщений о живых бронтозаврах, некоторые экспедиции пытались даже выследить их. Тот факт, что такие попытки оказались тщетными, доказывает лишь, что эти доисторические чудовища представляют большую редкость и что живут они в совершенно недоступных районах, как, например, огромные болота.

Есть некоторые причины (основанные на истории континентов и рептилий), допускающие возможность существования ящеров только в таких странах, которые в конце мезозойской эры входили в состав древнего материка Гондвана *, объединявшего в прошлом южную и центральную Африку, Мадагаскар, Южную Америку (главным образом Бразилию), Индию и Австралию. Из этих стран Индия — слишком населена, Австралия — слишком суха, остаются Африка и Бразилия. Конечно, легковерие не научный метод. Но излишний скептицизм в данном случае—тоже не лучший способ установления истины, поскольку у нас нет никаких оснований считать, что выживание

---

* 200—150 миллионов лет назад материки и океаны располагались главным образом не в меридиональном направлении, как сейчас, а в широтном. Самым обширным материком в то время был так называемый «единый южный материк», или Гондвана, простиравшийся с запада на восток — от Африки до Южной Америки.

некоторых типов мезозойских ящеров в принципе невозможно».

Африка располагает наилучшими условиями для выживания древних животных. Ее климат не менялся существенно с очень давних пор. Это единственный континент, большая часть которого не затоплялась морем по крайней мере уже 500 миллионов лет. Геологические изменения рельефа, которые 50 миллионов лет назад потрясли другие материки, фактически не коснулись африканского континента. Избежал он и оледенения, погубившего сто тысяч лет назад всю теплолюбивую фауну Европы, Сибири и Северной Америки.

В лесах и саваннах Африки, как в естественном палеонтологическом музее, сохранились многие очень древние животные. Окапи, обнаруженный в начале нашего века в лесах восточного Конго, принадлежит к почтенной семье первобытных жираф, обитавших некогда по всей Африке, Азии и даже в Европе. Все они вымерли десятки миллионов лет назад. Лишь окапи дожил до наших дней под защитой неприступных «фортов» девственного леса. Его сосед — африканский павлин — тоже весьма древнее животное.

В начале нашего столетия в лесах Кении была открыта гигантская лесная свинья, совмещающая признаки диких кабанов Европы и африканских свиней бородавочников.

Можно назвать и других представителей раннетретичной * фауны, ныне здравствующих в Африке: ящер-панголин, водяная землеройка, златокрот, похожие на тушканчиков прыгунчики, оленьки, трубкозубы, копытные «кролики»-даманы, которых великий палеонтолог Ж. Кювье назвал «носорогами в миниатюре».

Представители давно вымершего мира зверей сохранились в Африке лучше, чем в любой другой стране. Непроходимые леса, болота, пустынные скалы и устойчивый в течение тысячелетий климат служили им надежной защитой.

Гигантские тропические леса Конго до сих пор фактически не исследованы. Немногие экспедиции, побывавшие здесь, пробирались вдоль рек Итури или Луалаба, не удаляясь далеко от их берегов.

---

* Третичный период — эпоха бурного развития первобытных млекопитающих животных, последовавшая 60 миллионов лет назад за периодом вымирания мезозойских ящеров.

Нога европейца, писал доктор Крумбигель в 1950 году, еще не ступала на обширные равнины северной Анголы. Там возможны самые неожиданные открытия.

Но настоящее царство зверей, «которых не видел еще ни один человек, где раздаются никем не слышанные голоса» — это «страна фантастических происшествий и удивительных существ, страна, расположенная вдоль берегов большой сказочной реки»,— писал в конце двадцатых годов Бенгт Берг, немецкий исследователь Судана, о болотах Бахр-эль-Газаля, крупнейшего притока Белого Нила. На пространстве более четырех тысяч квадратных километров раскинулись здесь непроходимые болота, заросли папируса и гигантской слоновьей травы.

В них, словно мыши в осоке, бродят тысячные стада слонов. Здесь долго скрывались незамеченными огромные белые носороги. Лишь 60 лет назад впервые обнаружили следы этих колоссальных зверей в зарослях гигантских тростников Судана. Здесь родина исполинских аистов — «невероятных» абу-маркубов с клювами, похожими на молот, и... водяных драконов лау.

Так по крайней мере утверждают местные охотники и рыболовы.

ПРИЗРАК СМЕРТИ

«Вот как это произошло... Ночь была безлунная, но звезды немного разряжали темноту, нависшую над равниной. И вдруг из этой темноты, из этого ночного мрака, со свистом, напоминающим свист аэроплана, к костру ринулось сверху какое-то существо. Перепончатые крылья на миг прикрыли нас, точно пологом, и я успел разглядеть длинную, как у змеи, шею, свирепые, блеснувшие красноватым огоньком глаза и огромный разверстый клюв, усаженный, к моему величайшему изумлению, мелкими ослепительно белыми зубами. Секунда — и это существо унеслось прочь... Вместе с нашим ужином... Огромная черная тень футов двадцать в поперечнике взмыла к небу, чудовищные крылья на миг погасили звезды и скрылись за скалами.

Пораженные, мы молча сидели у костра...»

Еще бы — есть над чем призадуматься: перепончатые крылья, клюв, усаженный «ослепительно белыми зубами». Ночное нападение совершила не птица — у птиц нет зубов, и не гигантская летучая мышь — у летучих мышей

нет клюва. Это птеродактиль! Летающий ящер! Но ведь все ящеры вымерли 70 миллионов лет назад. Неужели ученым удалось найти этих допотопных животных где-нибудь в укромном уголке тропических джунглей?

К сожалению, этот волнующий отрывок не из научного отчета, а из фантастического романа Конан-Дойля «Затерянный мир». События, описанные в нем, выдуманы автором.

Так жаль расставаться с мечтой о новых открытиях! Хочется верить, что природа скрывает в своих тайниках еще немало неведомых зверей, неисследованных тайн.

Впрочем, вот еще один рассказ, кажется, тоже о птеродактиле.

«Я поднял голову, вскрикнул и тотчас нырнул под воду: прямо на меня над самой водой летело какое-то черное создание, величиной с орла. Я не разглядел его как следует, но хорошо запомнил открытую пасть и полукруг острых белых зубов.

Когда я вынырнул, животное исчезло. Повернувшись ко мне спиной, Жорж вторично выстрелил ему вдогонку. Я выбрался на берег, и мы посмотрели друг на друга».

Опять Конан-Дойль или Жюль Верн?

Нет, на этот раз рассказ взят не из фантастического романа, а из книги, содержащей описание научной экспедиции, исследовавшей в 1932—1933 годах внутренние области Камеруна. Ее автор — известный зоолог, в то время сотрудник Британского музея и руководитель упомянутой экспедиции Иван Сэндерсон в письме к Бернару Эйвельмансу более подробно рассказал о своем удивительном приключении.

Когда экспедиция находилась в горах Ассумбо, ее сотрудники разбили лагерь на берегу небольшой горной речонки. Вокруг возвышались горы, покрытые совершенно неисследованными лесами. Стиснутая горами речка прорыла в скалах глубокое ущелье. Иван Сэндерсон и его товарищ Жорж отправились вверх по реке на охоту за редкими животными. Прыгая с камня на камень, а местами и вброд по воде зоологи добрались до ее верховьев. Здесь Сэндерсон подстрелил большую летучую мышь, которая упала в воду. Он вошел в реку, чтобы достать ее. Как вдруг оставшийся на берегу товарищ крикнул: «Берегись!»

Что произошло потом, нам уже известно.

Когда зоологи немного пришли в себя после внезап-

ного нападения «птеродактиля», их интересовало только одно — вернется ли он еще? Они решили караулить его здесь до темноты, которая уже приближалась. Странное существо появилось так внезапно, что они не успели перезарядить ружья. Услышали свист кожистых крыльев: «шисс-шисс!», увидели черного, похожего на дракона «вампира» *, который быстро приближался, зловеще щелкая зубами, и, потеряв самообладание, бросились бежать.

«Дракон» налетел на Жоржа, тот упал ничком, прикрыв лицо руками. Животное спланировало над ним и... полетело дальше. Химерическое создание скрылось в мглистой дымке тумана, поднимавшегося над болотом.

Когда возбужденные допотопным видением зоологи вернулись в лагерь, там их ждали местные охотники с трофеями, которые они собирали для экспедиции.

— Что это за летучая мышь такого размера, как размах моих рук, и совершенно черная? — спросил И. Сэндерсон у старшины.

— Где вы видели ее? — забеспокоился старый охотник. Остальные замерли, с тревогой ожидая ответа.

— Там,— указал И. Сэндерсон в направлении реки.

Это произвело потрясающий эффект: охотники вскочили и, побросав добытые с таким трудом трофеи, бросились наутек. Они бежали, не разбирая дороги, напролом через джунгли. Было что-то жуткое в этом паническом бегстве храбрых воинов, которых поглотили сумерки дикого леса.

На следующее утро в лагерь пришел взволнованный старейшина деревни в сопровождении всего совета вождей и попросил «белого начальника» поскорее уйти отсюда.

— Но почему? — спросил И. Сэндерсон.

— Ты принес нам ужасную весть,— ответил старый вождь.

Впоследствии британский зоолог узнал, что напавшее на него животное, о котором он рассказал неграм, пользуется среди местных племен ужасной славой «призрака смерти». Кто увидит его, того ждет неминуемая смерть. Негры не решаются даже произнести имени этого жуткого создания.

---

* Вампиры — питающиеся кровью животных летучие мыши Южной Америки

КОНГАМАТО — «ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОГИКАН» МИРА ПТЕРОЗАВРОВ

Английский писатель Фрэнк Меллэнд, когда путешествовал по Африке, много слышал всевозможных рассказов о странном животном по имени «конгамато». Говорят, что оно живет в болотах Джиунду.

— Но кто же этот конгамато? — спросил он у одного охотника.

— Это птица.

— А как она выглядит?

— Собственно, это не совсем птица, а скорее ящерица с кожистыми, как у летучей мыши, крыльями.

Меллэнд стал расспрашивать дальше. Выяснилось, что конгамато достигает в длину двух метров. Он летает, как птица, но совершенно лишен перьев. Кожа у него голая и гладкая, а длинный клюв вооружен зубами.

Меллэнд показал рассказчикам книги с рисунками птеродактилей и спросил, похож ли конгамато на этих животных *? «Да-да» — охотники указывали на картинки пальцами, шепча с испугом: «Конгамато!»

Дело в том, что конгамато обвиняют в потоплении лодок, и говорят даже, что достаточно взглянуть на крылатого «призрака»,чтобы тем самым подписать себе смертный приговор: человек, увидевший конгамато, якобы не проживет после этого и нескольких дней.

Самое замечательное, что Меллэнд записал легенды о конгамато — «призраке смерти» — не в Камеруне, а в местности, удаленной от него на две с половиной тысячи километров — в северо-западном углу Северной Родезии, у стыка границ Анголы и Конго.

В той же самой местности и в то же приблизительно время другой путешественник — маркиз де Шатело пытался поймать «птеродактиля». О своих приключениях он рассказывает в книге «Далеко от проезжих дорог».

---

* Тот же метод использовал позднее английский зоолог Геральд Даррелл, показывая местным охотникам рисунки нужных ему зверей. Всех животных они хорошо знали. Тогда Даррелл показал им рисунок двухгорбого верблюда, который, как известно, в Африке не водится, и спросил, где поблизости живет такой зверь. Он ожидал услышать в ответ, что большие стада этих животных бродят в полумиле от деревни. Но охотники долго рассматривали рисунок, поговорили между собой и наконец признались, что ничего подобного они в жизни не встречали. Перевод книги Г. Даррелла «Перегруженный ковчег» издан Географгизом в 1958 году.

Шатело охотился в 1920—1921 годах в Северной Родезии вместе с местным английским чиновником. И тот как-то сказал ему:

«Здесь по соседству живет птеродактиль»,— это произнесено было таким тоном, словно речь шла о звере столь же обычном, как гиена.

— Где? — заинтересовался Шатело.

— Там, на западе, в обширных болотах Джиунду.

— Вы видели его?

— Нет, это не входит в мои обязанности. Но негры совершенно уверены в его существовании.

— Как же они его называют?

— Конгамато.

— А велик ли он?

— Шесть-семь шагов в размахе крыльев.

— Значит, два метра. Это что-то невероятное!

Путешественник решил пойти на любые лишения, но собственными глазами посмотреть на доисторического дракона. Он стал расспрашивать о нем местных охотников. Кожистые крылья, длинный острый клюв с зубами, гладкая кожа, даже размеры — все указывало, что речь идет о живом птеродактиле. И Шатело отправился к болотам Джиунду. Здесь он опять начал расспрашивать местных жителей, но те предпочитали отмалчиваться. Он прибег к испытанному средству: стал щедро дарить подарки. Наконец один охотник разговорился: «Опасно даже произнести имя этого животного...» Но после еще одного презента пошел на риск и рассказал: «Конгамато очень злой. Он откусывает людям руки, уши, носы. Отец моего отца умер после возвращения из болот Джиунду».

— А какого цвета эта летающая ящерица? — спросил Шатело.

— Красная, как кровь.

— А ты сам видел, хоть одну из них?

— Нет! Поэтому я и жив.

— Неужели он так страшен?

— Белый, я готов скорее встретиться один на один с разъяренным слоном или голодным львом, чем с конгамато.

Позднее Шатело встретил дряхлого старика, который собственными глазами видел ужасного конгамато.

— Ну, опиши его,— попросил Шатело.

— Тело без перьев и без чешуи, очень большой клюв, зубы крокодила, крылья такие же, как у летучих мышей,

но большие-пребольшие, кожа красная и блестящая, кричит сдавленным голосом.

Я должен был умереть в тот день, так как нельзя безнаказанно видеть большую летающую ящерицу...

— А находили ли вы когда-нибудь мертвого конгамато?

— Нет, он никогда не покидает болот и там исчезает бесследно, когда умирает.

У путешественника был с собой маленький энциклопедический словарь, и он показал своим собеседникам рисунок птеродактиля.

Они были потрясены.

— О! О! Конгамато! Но наш гораздо крупнее!

Изображение занимало не больше двух квадратных сантиметров!

И вот Шатело проникает в царство ужаса — в болота Джиунду, над которыми безраздельно господствует «красный, как кровь», крылатый крокодил — посыльный смерти.

Охотник день за днем тщательно исследует протоки, заводи и ручьи, протекающие по болоту. Но птеродактиль не появлялся.

«И все же,— говорит Шатело,— я уверен в существовании конгамато. И вот по каким причинам: все, кто осмеливался говорить о нем, описывали его совершенно одинаково. Если бы речь шла о вымышленном животном, описания были бы разные. Никогда негр не расскажет вам о слоне в три человеческих роста или о носороге, у которого больше чем два рога.

Все говорили, что конгамато — существо обычное; но только более опасное, чем леопард, лев или змея мамба — их самый большой недруг».

Старая Нзаке, жена местного вождя, сказала Шатело, когда он вернулся в деревню, что поиски заранее были обречены на неудачу: ее муж, великий охотник, давно уже убил последнего конгамато.

Так ли это было или нет, только много лет спустя, в 1942 году, другой известный в Африке охотник — К. Питмэн писал: «В Северной Родезии я слышал рассказы о мифическом существе, которое меня очень заинтересовало. Ему приписывают ужасное свойство: один взгляд на него равносилен смертельному приговору. Говорят, что оно часто появлялось прежде, а возможно, живет и сейчас в густых заболоченных лесах поблизости от границ Конго и Анголы.

Самое поразительное, что большинство признаков этого таинственного животного сближают его с гигантским птеродактилем».

Если конгамато не существует, то откуда взяли примитивные охотники, незнакомые с палеонтологией, свои довольно точные описания доисторического птеродактиля?

МОГЛИ ЛИ В БОЛОТАХ АФРИКИ СОХРАНИТЬСЯ ДОИСТОРИЧЕСКИЕ ЯЩЕРЫ?

Иван Сэндерсон считает, что напавшее на него крылатое животное было гигантской летучей мышью еще неизвестного науке вида. Но Б. Эйвельманс справедливо замечает, что все в облике и поведении этого странного создания противоречит такому выводу.

Агрессивность конгамато, его длинные, вооруженные многочисленными зубами челюсти и гигантские размеры, несовместимые с величиной всех известных нам летучих мышей и лисиц *, говорят скорее о ящерообразном, нежели «мышеобразном» характере этого существа. Если конгамато не миф (трудно не верить такому крупному зоологу, как И. Сэндерсон, несмотря на всю фантастичность его приключения), то он, вероятнее всего, крылатое пресмыкающееся, может быть, даже уцелевший в глуши тропического леса, как в естественном заповеднике, один из первых завоевателей неба — крылатый ящер птеродактиль.

150 миллионов лет назад землей владели пресмыкающиеся животные. Тилозавры, мозазавры, плезиозавры и ихтиозавры господствовали в море, а птеродактили и другие «пилоты» из группы птерозавров завоевали воздух. Птерозавры были разных размеров — от воробья и до орла, а гигантский морской птерозавр — альбатрос тех времен — птеранодон достигал в размахе крыльев 7,5 метра!

Птерозавры внешне напоминали огромных ящериц с крыльями летучих мышей. Летательная перепонка растягивалась между длинным, как штык, пятым пальцем передних конечностей и телом животного. Лапы у птерозавров были когтистые, а длинные челюсти усажены бесчисленными острыми зубами. В пасти у птерозавра ктенохазма насчи-

* Летучие лисицы крупные — до 70 сантиметров в размахе крыльев — тропические родичи летучих мышей. Питаются они плодами растений.

тали, например, 360 зубов. Словом, это были небольшие «летающие крокодилы»!

В древних пластах земли (главным образом в Баварии) палеонтологи обнаружили остатки 60 различных видов летающих ящеров. Кроме Германии, ископаемые птерозавры найдены в СССР, Англии, Франции, США, а также и в Африке, в отложениях горы Тендагуру (Танганьика).

Считается, что все птерозавры вымерли около 70 миллионов лет назад.

Могло ли случиться, что некоторым счастливчикам из этого многочисленного некогда племени удалось избежать гибели и вымирания под защитой гнилых топей, которых избегают и люди, и звери и над которыми даже птицы «пролетают с утроенной скоростью»?

В слоях земли, относящихся к эпохе, последовавшей за массовым вымиранием ящеров, не найдены остатки ни птерозавров, ни динозавров, ни тилозавров или плезиозавров. Из этого, естественно, сделан вывод, что ящеры не существуют уже больше 70 миллионов лет. Однако вспомним историю латимерии.

Другой пример — новозеландская ящерица гаттерия; в ископаемых пластах земли, давностью менее 135 миллионов лет, не обнаружено ни одного намека на существование в ту пору круглоголовых первоящеров, к которым принадлежит гаттерия.

А между тем это животное здравствует и поныне.

Дело в том, что в древних осадочных породах сохраняются скелеты лишь очень небольшого числа ископаемых животных — одна окаменевшая «мумия» на миллион, а может быть, и миллиард разлагающихся бесследно трупов. Ведь для этого необходимы условия, которые встречаются чрезвычайно редко: животное должно упасть в торфяное болото или в соленое озеро — так сохранился, например, в Австралии почти неповрежденный труп вымершего дипротодонта. У нас в Сибири часто находят остатки мамонтов, иной раз даже целые трупы этих гигантов с мясом, шерстью и пищей в желудке! Вечная мерзлота — вот тот естественный холодильник, в котором сохраняются замороженные доисторические слоны.

Миллион лет назад в Америке — в Калифорнии около города Лос-Анжелеса, где теперь находится Ранчо ла Брея — было большое озеро с коварными берегами. Томи-

мые жаждой звери и птицы из близлежащих степей устремлялись к нему и... погибали, увязнув в жидком асфальте, покрывавшем берега озера. Асфальт, точно египетский бальзам, предохранил их трупы от быстрого разложения. Ученые «выуживают» богатый улов допотопных животных из этой гигантской «консервной банки». В Америке и сейчас есть асфальтовое озеро, собирающее добычу для палеонтологов будущего.

Песчаные бури, бушевавшие миллионы лет назад в ныне не существующих пустынях, обвалы в доисторических горах, потоки лавы и пепла древних вулканов и другие стихийные бедствия, неся гибель заживо погребенным в вулканических, песчаных или торфяных могилах животным, сохраняли для наших палеонтологических музеев образцы давно исчезнувших миров.

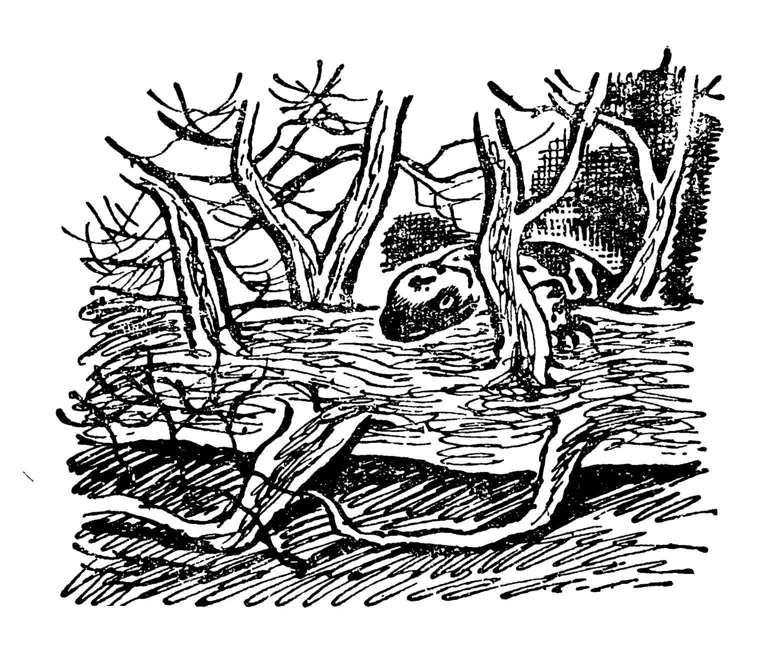
Чем многочисленнее был вид, тем больше дошло до нас его ископаемых остатков. Малочисленные и вымирающие животные не оставили в древних окаменелостях никаких следов.

Поэтому и не найдены остатки кистеперых рыб и первоящеров в слоях земли, которые соответствовали эпохе их угасания. Животные были тогда слишком малочисленны, чтобы располагать хоть какой-нибудь надеждой попасть в палеонтологический музей.

По той же причине могли не сохраниться и кости переживших свою эпоху птерозавров и динозавров. «Отсутствие палеонтологических остатков,— говорит профессор Л. Бертен из Парижского музея,— еще ничего не доказывает». Ведь даже окаменевшие организмы до нас доходят далеко не все. Многие разрушаются в результате различных геологических формообразовательных процессов, происходящих в земной коре.

Все это так. Однако палеонтологи почти единодушно утверждают, что мезозойские динозавры, птерозавры и морские ящеры не могли дожить до наших дней.

Видный современный систематик и палеонтолог профессор Дж. Симпсон в журнальной рецензии по поводу книги Б. Эйвельманса говорит: Конечно, можно допустить, что в неисследованных болотах Африки еще сохранились немногочисленные реликтовые ящеры. Однако вероятность такого допущения очень невелика. С таким же основанием можно было бы ожидать, что на обратной стороне луны живут «лунатики».

СУХОПУТНЫЕ КРОКОДИЛЫ И ЯЩЕРИЦЫ С «ПАСТЬЮ ДЬЯВОЛА»

ПОЙМАННЫЙ ДРАКОН

Никто не может поручиться, что когда-нибудь будут пойманы африканские «драконы», но хорошо известно, что «дракон» из Комодо — небольшого островка Индонезии — уже пойман.

Но прежде послушайте, что произошло однажды в Австралии.

Здесь обнаружили в 1939 году какого-то «сухопутного крокодила». В степях Нового Южного Уэльса за тысячи верст от ближайших мест обитания крокодилов вдруг появилась гигантская рептилия.

Первые известия о «крокодиле» привезли пассажиры поезда, который курсировал между приморскими селениями на севере штата. Поезд внезапно затормозил, так как ма-

шинисту показалось, что поперек путей лежит большое дерево. Когда состав остановился, люди разглядели, что за «дерево» преградило их путь — это был крокодил.

Никто не решился выйти из вагонов, чтобы прогнать чудовище, дремавшее на разогретых солнцем рельсах. «Храбрый» машинист дал задний ход и на всех парах помчался обратно.

Когда эта история была предана гласности, в местные магистраты и полицию посыпались заявления от фермеров. Одни сообщали о своих встречах тоже с каким-то крокодилообразным «зверем». Другие якобы слышали его рев. Третьи настоятельно просили очистить округ от этой нечисти.

Полицейские при поддержке солдат решили прочесать всю местность. Они были столь усердны в своих поисках, что применили даже динамит, чтобы взорвать подземный грот. Но, кроме кучи змей и огромной полутораметровой ящерицы, ничего не нашли.

Между тем слухи о крокодилах продолжали упорно циркулировать в округе. История наделала много шуму. Таинственный крокодил из Нового Южного Уэльса на какое-то время стал популярным героем даже европейских газет. Туристы приезжали в Австралию, чтобы поохотиться на эту «тварь». Но ничего, кроме больших ящериц и «четырех пар влюбленных», не было обнаружено.

Впрочем, не совсем так. Найдено нечто для науки очень ценное: следы огромной рептилии. Слепки с них были посланы на экспертизу специалистам Австралийского музея в Сиднее. И что же? Там пришли к заключению, что следы принадлежат крокодилу или животному, похожему на него. Вот как!

Едва ли можно допустить, однако, что это обыкновенный крокодил. Ведь крокодилы водные животные, а здесь речь идет о чисто сухопутном существе.

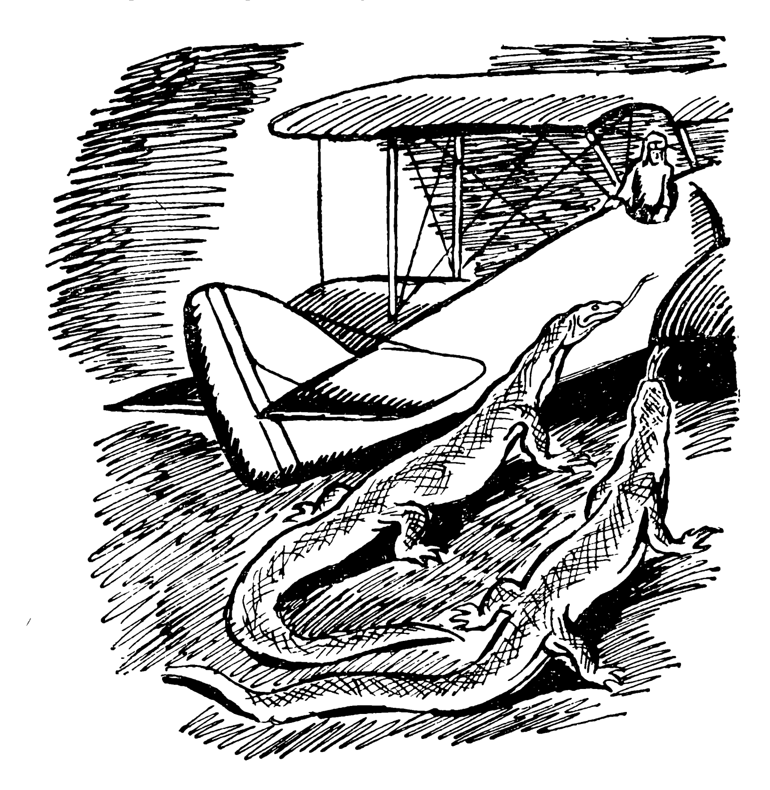
Ученые, которые должны были сказать решающее слово, вспомнили о другой подобной же истории.

В 1912 году один летчик сделал вынужденную посадку на небольшом островке Комодо в Индонезийском архипелаге (к востоку от Явы). Он привез оттуда фантастические рассказы о драконах, обитающих на этом острове. Местные жители называют чудовищ «боеайя-дарат», что значит «сухопутные крокодилы». Чудовища нападают на коз, свиней и оленей.

Нужно ли говорить, что никто не поверил незадачливому авиатору.

Однако вскоре на острове Комодо и в самом деле были обнаружены «драконы». Они оказались гигантскими варанами совершенно нового вида.

П. Увенс, директор ботанического сада в Бейтензорге (ныне город Богор на острове Ява), прослышал от ловцов жемчуга, что на острове Комодо водятся «сухопутные крокодилы». Он написал об этом своему другу — Ван-Штейну, резиденту соседнего с Комодо острова Флорес.

Ван-Штейн, объезжая во время служебной командировки остров Комодо, записал много всевозможных историй об этих хищниках. Говорили, что некоторые из них достигают в длину семи метров, что они пожирают оленей, людей и даже лошадей, что ружейные пули не пробивают

их бронированную кожу. Ударом хвоста «сухопутный крокодил» может переломить человека пополам, а укус его страшных зубов причиняет быструю смерть.

Ван-Штейну крупно повезло: он добыл шкуру двухметрового «крокодила» и послал ее своему другу в Богор. Тогда П. Увенс немедленно снарядил экспедицию за драконами из Комодо. Началась облава. Вскоре собаки выследили двух «крокодилов» и с лаем окружили их. Подбежавшие охотники накинули на чудовищ сети и связали их. Потом поймали еще двух таких же рептилий. Пресмыкающиеся пленники, по словам местных жителей, были не очень крупными, хотя один из них достигал в длину почти трех метров. Позднее голландским солдатом был убит четырехметровый «крокодил».

Когда П. Увенс увидел пойманных страшилищ, то сразу понял, что имеет дело не с крокодилами, а гигантскими варанами, еще невиданных размеров. Он дал им латинское название Varanus komodensis.

В доисторическое время эти огромные рептилии обитали и на других островах Малайского архипелага. Жили они и в Австралии. Один ископаемый австралийский варан (Varanus priscus) был гигантом даже среди гигантских варанов — он достигал в длину восьми метров!

Эту исполинскую ящерицу легко можно было принять за крокодила, а ее образ жизни вполне оправдывал название «сухопутного».

Гигантский варан Австралии считается давно вымершим. Однако история с «крокодилом» из Нового Южного Уэльса не дает ли нам повод спросить — не преждевременно ли такое заключение?

Будущим исследователям предстоит это установить.

НЕУЛОВИМЫЙ «ЧЕРВЬ С ЛАПАМИ»

Татцельвурм (то есть «червь с лапами») — одно из самых загадочных и неуловимых животных. Еще никто из людей не поймал татцельвурма, но видели его будто бы многие.

Татцельвурм — довольно популярная фигура тирольского фольклора. Имя его хорошо известно жителям Высоких Альп.

В «Баварском руководстве для охотников» так описывают это странное создание: «Пещерный червь татцельвурм

похож на большую чешуйчатую сигару. Он вооружен страшными зубами, его лапы имеют вид жалких обрубков».

О татцельвурме писал и знаток альпийских животных профессор Фр. Чуди. В классической работе «Животная жизнь альпийского мира», опубликованной в конце прошлого века, он сообщал, что в Швейцарии, по слухам, живет «пещерный червь», толстый и длинный до шести футов (то есть около 1,6 метра), с двумя короткими передними лапами.

Однажды этот редчайший экспонат совсем уже, было, попал в музей, но по дороге... затерялся.

Один крестьянин нашел пещерного червя на высохшем болоте и решил отнести его к знакомому профессору. Но пока он собирался осуществить свое доброе намерение, вороны съели половину татцельвурма. Уцелевший скелет его попал в город Золотурн, где никто из местных знатоков не мог сказать, какому животному он принадлежит. Загадочные кости послали в Гейдельберг, и там потерялись последние их следы. С тех пор ни разу ни кости, ни шкура этого животного не попадали в руки натуралистов.

Двадцать лет назад швейцарские журналы разослали жителям мест, где встречается татцельвурм, анкеты с просьбой написать в них все, что они знают об этом животном. И что же — в анкетах, возвращенных из различных районов Альп, были почти одинаковые описания татцельвурма.

Все показания очевидцев сходятся в том, что татцельвурм имеет размеры в 60—90 сантиметров. У него цилиндрическое туловище, тупой и короткий хвост, зубастая голова с большими круглыми глазами. Его лапы так малы, что кажется, будто у него их вовсе нет. Некоторые приписывают татцельвурму чешуйчатую кожу — коричневую сверху и светлую снизу.

Татцельвурм очень злой. Он шипит, как змея, и быстро переходит в нападение, высоко прыгает и кусает человека ядовитыми зубами в лицо.

Его очень боятся всюду, где знают.

Вот история, рассказанная одним доктором. Сопровождавший его в путешествии по горной Штирии охотник встретился однажды лицом к лицу с татцельвурмом. Зная дурную репутацию этого животного, охотник вытащил нож, прежде чем к нему подойти. Ядовитая тварь прыгнула ему навстречу с явным намерением укусить в лицо. Человек сбил ее ножом. Он нанес татцельвурму несколько сильных ударов, но лезвие с трудом пронзало твердую

кожу. Раненое животное скрылось в узкой расщелине скалы.

Другой очевидец — австрийский учитель, встретил татцельвурма в горах, в гроте Темпельмауер. У самого входа в пещеру лежало странное змееобразное существо. Оно было почти белого цвета, без чешуи, но с лапами и напоминало огромную саламандру.

«Я,— говорит учитель,— могу с первого взгляда узнать любое местное животное. Но это было еще неизвестное науке существо».

Он хотел схватить его, но с проворством ящерицы неведомое создание исчезло в расщелине.

Это произошло в 1929 году. Мы приблизились, таким образом, к тому периоду, когда история татцельвурма достигла своего апогея. Она наделала много шуму. О татцельвурме стали писать крупнейшие европейские газеты. А «Берлинская иллюстрированная газета» организовала даже экспедицию на розыски «самого неуловимого обитателя Европы».

В конце 1934 года некто Балкин, швейцарский фотограф-профессионал, помимо своей воли сделал уникальнейшую фотографию — «портрет» татцельвурма!

Он отправился в горы, чтобы получить несколько хороших фотографий для журнала. Вот ствол гниющего дерева на фоне великолепного альпийского пейзажа — прекрасный сюжет для воскресного выпуска. И в тот момент, когда фотограф уже навел объектив, он заметил, что верхушка дерева зашевелилась. На месте гнилого дерева показалось странное существо с рыбьей головой, которое «проявляло явно дурные намерения».

Фотограф впопыхах нажал кнопку аппарата и пустился наутек. Когда он пришел домой и проявил пленку, то увидел на ней татцельвурма!

Снимок Балкина произвел сенсацию. Газета, напечатавшая его, выделила средства на организацию научной экспедиции. Исследователи направились в районы Альп, где, по слухам, татцельвурм появляется особенно часто. Но, к сожалению, сезон был неудачный — начались дожди и снегопады. Экспедиция прекратила свои поиски.

И очень жаль. По мнению некоторых специалистов, весьма вероятно, что легендарный «червь с лапами» действительно существует. «Его история,— пишет Б. Эйвельманс,— должна заставить призадуматься тех людей, кото-

рые считают, что уже все звери на земле хорошо изучены». Еще немало сюрпризов ожидает исследователя и в зоологии.

Так, может быть, те зоологи, которые верят в существование «червя с лапами», расскажут нам, что это за зверь». В самом ли деле червь — саламандра или, может быть, змея с лапами?

Вот рассказ ковбоя из Аризоны, напечатанный в одной из калифорнийских газет США. Право, если бы не названия географических пунктов, которые в нем упоминаются, то можно было бы подумать, что и здесь речь идет о татцельвурме.

«... и тут я заметил ящерицу, которая была отвратительнее любой жабы. Я взял палку и подошел к ней. Но свирепое существо не обратилось в бегство, как сделала бы другая ящерица, а приподнялось и злобно зашипело на меня. Она была длиной около трех футов, и все ее тело покрывала прочная чешуя, словно панцирь аллигатора...

Я ударил ее дубинкой раз, второй, потом стал колотить без счета, пока мои руки не онемели от усталости, но проклятая ящерица продолжала шипеть и плевать в меня ядом. Тогда я выхватил револьвер и выстрелил в нее четыре раза. И что же вы думали? Пули отскочили от ее бронированной спины и шлепнулись в реку. Мне ничего не оставалось, как колотить пистолетом по ее отвратительной морде. И пусть я буду лгуном, если она не прыгнула ко мне и не схватила своей пастью дуло моего кольта, я никак не мог выдернуть его.

Я тянул и дергал револьвер к себе, обливаясь пóтом и проклиная все на свете. Я думаю, «Миссис Ящерица» утащила бы меня в реку, если бы я не взвел курок и не выстрелил ей прямо в глотку. Выстрел разорвал ее надвое, и пусть я умру на месте, если голова и передние лапы ящерицы не утащили мой револьвер в реку и не уплыли вместе с ним!»

Прямо чудеса! Конечно, ни одному слову этого враля нельзя верить, но нас интересует другое: в Америке, значит, тоже существуют легенды о пресмыкающихся тварях, похожих на татцельвурма — та же непробиваемая шкура, такая же свирепость и агрессивность, злобное шипение, прыжки, ядовитая слюна... Какому животному мы обязаны этими забавными рассказами?

Может быть, следующее происшествие, случившееся в пустынных плоскогорьях Мексики с одним из путешест-

венников, поможет нам разобраться в этой загадочной истории.

«В каменистых россыпях Красных Скал я пробирался с трудом. Мой верный пес — эрдель-терьер Сэм обыскивал колючие заросли. Вдруг собака стала обнюхивать большой камень. Она подкопала его с одной стороны, пролезла в образовавшееся углубление и с воем выскочила оттуда.

Следом за ней из-под камня показалась большая ящерица. Она шипела и злобно фыркала. Короткие и слабые по сравнению с массивным туловищем ноги, казалось, с трудом поднимали над землей ее толстое, покрытое ковровым рисунком тело.

Я впервые видел такую отвратительную на вид и злую ящерицу. Собака, жалобно скуля, терла укушенную морду о землю. Ящерица, свирепая, как фурия, прыгнула к ней и вцепилась в шею.

Мой пес взвыл от страха и боли и бросился прочь под защиту зарослей юкки. Но свирепая рептилия крепко вцепилась в него.

Когда собака пробегала около меня, я изловчился и ударил волочившуюся за ней гадину палкой.

Сделанный наугад удар был удачен: я перебил ящерице позвоночник. Но даже и мертвую ее трудно было отцепить от собаки — так глубоко ее крючковатые зубы вонзились в несчастного пса. Они вошли почти на полдюйма в мускулы шеи.

Тут я заметил, что каждый зуб спереди и сзади прорезан тонкими бороздками, наполненными клейкой беловатой жидкостью. Яд! Но разве бывают ядовитые ящерицы? Оказывается, бывают, и мой верный Сэм стал жертвой одной из этих редкостных тварей».

Очень странная ящерица! Зовут ее хелодерма, или ядозуб. Мало кому известно, что в двух местах на земном шаре: в Мексике (и в США на границе с Мексикой) и на Борнео, обитают ядовитые ящерицы. Довольно крупные, до 60 сантиметров в длину, на коротких и тонких лапах, с массивной головой, словно распухшей от крупных ядовитых желез. Челюсти этих ящериц вооружены многочис-

ленными зубами. Каждый зуб глубоко сидит в десне и только острая его вершина возвышается над ней. Но в момент укуса десны отодвигаются назад и обнажают целый ряд страшных «крюков», похожих на средневековое орудие пытки, которое монахи-инквизиторы называли «пастью дьявола». Укус ядозуба опасен и для человека: по последним данным, из 34 укушенных хелодермами людей, восемь умерли мучительной смертью.

Короткие лапы, массивное цилиндрическое туловище, тупой хвост, ядовитый укус, злобное шипение и редкая для ящерицы агрессивность — ведь это признаки татцельвурма!

И татцельвурма и хелодермы. Вот почему некоторые зоологи считают татцельвурма европейской разновидностью хелодермы. Австралийский натуралист Якоб Николусси поспешил дать татцельвурму латинское название Heloderma europeum, что значит «европейская хелодерма».

Вызывает недоумение то странное обстоятельство, что известные науке ядовитые ящерицы обитают в двух столь удаленных друг от друга уголках земного шара. По-видимому, раньше они были распространены гораздо шире. Ископаемый ядозуб — Heloderma metthewi — найден, например, на Среднем Западе США, в штате Колорадо. Возможно ли, чтобы эти животные сохранились где-нибудь еще и в третьем месте?

В 1922—1930 годах в Монголии работали американские ученые-палеонтологи. Они раскопали здесь много костей допотопных чудовищ. Нашли даже ископаемые яйца и зародышей динозавров и этим прославились на весь мир. Обнаружили они здесь и еще кое-что очень интересное.

ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА.— НЕОБЫКНОВЕННОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОЛГОЯ-ХОРХОЯ

«Звонкий грохот над головой заставил нас вздрогнуть. Это радист стучал в крышу кабины. Наклонившись к окну, он старался перекричать шум мотора. Рукой он показывал направо.

— Что там у них? — с досадой сказал шофер, придерживая машину, но вдруг резко затормозил и крикнул мне:

— Смотрите скорее! Что это такое?

Окошко кабины на минуту заслонил спрыгнувший сверху радист. С ружьем в правой руке он бросился к склону

большого бархана. В просвете между двумя буграми был виден низкий и плоский бархан. По его поверхности двигалось что-то живое. Хотя это двигавшееся существо и было очень близко к нам, но мне и шоферу не удалось сразу разглядеть его. Оно двигалось какими-то судорожными толчками, то сгибаясь почти пополам, то быстро выпрямляясь. Иногда толчки прекращались, и животное попросту катилось по песчаному склону.

— Что за чудо? Колбаса какая-то,— прошептал у меня над ухом шофер, словно боясь спугнуть неведомое существо.

Действительно, у животного не было заметно ни ног, ни даже рта или глаз; правда, последние могли быть не заметны на расстоянии. Больше всего животное походило на обрубок толстой колбасы около метра длиной. Оба конца были тупы и разобрать, где голова, где хвост, было невозможно. Большой и толстый червяк, неизвестный житель пустыни, извивался на фиолетовом песке...

— Ну и пакостная штука! — воскликнул Гриша.— Бегу ловить, только перчатки надену, а то противно! — И он выскочил из кабины».

Вы догадались, откуда этот отрывок? Конечно, из «Олгоя-хорхоя». Дальше произошло вот что:

«Внезапно червяки свились каждый в кольцо. В тот же момент окраска их из желто-серой, сразу потемнев, стала фиолетово-синей, а на конце ярко-голубой. Без крика, совершенно неожиданно радист рухнул ничком на песок и остался недвижим. Я услышал восклицание шофера, который в это время подбежал к радисту... Секунда — и Гриша так же странно изогнулся и упал на бок».

Страшный червяк — олгой-хорхой, сея на расстоянии невидимую смерть, убил пытавшихся поймать его шофера и радиста из геодезической экспедиции, работавшей в пустынных песках Западной Монголии. Автор этого научно-фантастического рассказа — известный писатель и палеонтолог И. А. Ефремов, заканчивает его следующими словами:

«Все объяснение этого происшествия, какое я мог получить у проводника, да и у всех прочих знатоков Монголии, заключалось в том, что, по очень древним поверьям монголов, в самых безлюдных и безжизненных пустынях обитает животное, называемое олгой-хорхой...

Олгой-хорхой не попадал в руки ни одному из исследователей отчасти потому, что он живет в безводных

песках, отчасти из-за того страха, который питают к нему монголы. Этот страх, как я сам убедился, вполне обоснован: животное убивает на расстоянии и мгновенно. Что это за таинственная сила, которой обладает олгой-хорхой, я не берусь судить. Может быть, этот огромный мощности электрический разряд или яд, разбрызгиваемый животным, я не знаю...»

На многих читателей этот рассказ произвел большое впечатление: в редакцию посыпались письма с просьбами рассказать подробнее об олгое-хорхое.

Действительно ли он существует? Есть ли где-нибудь на свете подобные создания? Какое животное Монголии могло послужить прообразом для легенд об олгое-хорхое?

Что можно было им ответить? Ни одно из животных, населяющих Монголию, и отдаленно не напоминало ужасную «колбасу»!

Такое же недоумение испытывали и американские ученые, исследовавшие в песках Монголии мир ископаемых животных. От своих гостеприимных хозяев — монгольских охотников и скотоводов — они слышали удивительные рассказы о странном обитателе безводных песков, о страшном аллер-горхай-хорхае. Он так ядовит, что простое прикосновение к нему вызывает немедленную смерть!

— Это змея?

— Нет, это не змея. Аллер-горхай-хорхай похож на колбасу,— отвечали проводники монголы.

Палеонтолог Рой Эндрюс, руководитель монгольской экспедиции Музея естественной истории в Нью-Йорке, в книге «Наша удивительная планета» пишет: «Все монголы знают эту смертоносную колбасу».

Рассказы об аллер-горхай-хорхае очень заинтересовали американских зоологов. «Изучая легенды об «ядовитой колбасе»,— пишет Эндрюс,— можно прийти только к одному выводу — речь идет, по всей вероятности, о ядовитой ящерице, вроде мексиканского ядозуба, еще неизвестной науке».

Интересно, что и в Маньчжурии распространены поверья о неизвестных животных, напоминающих ядозубов. Даже в Индии местное население знает каких-то смертоносных ящериц, которых называют здесь «бис-кобра». В местности Гхатал (в Бенгалии, недалеко от Калькутты) врачами зарегистрировано несколько смертельных слу-

чаев от укуса очень ядовитой... ящерицы, как утверждали укушенные.

Все это очень интересно, хотя и не объяснимо. Легенды о бис-кобре и аллер-горхай-хорхае обязаны своим происхождением ядовитым ящерицам с массивным «колбасовидным» телом и малозаметными слабыми лапками — предполагают некоторые исследователи. Почему, однако, этих колбасовидных ящериц видят только местные жители, но еще ни один натуралист не встретил их ни в Монголии, ни в Маньчжурии, ни в Индии?

«Потому,— говорят герпетологи * Богерт и Дель Кампо,— что эти ящерицы появились на свет совсем недавно».

— Уж не самозародились ли они в песках пустыни под действием солнца?

— Нет, не самозародились. Но произошли на свет не менее необычным путем.

И эти два ученых рассказывают следующую интересную историю.

В середине прошлого столетия в Англии жил талантливый натуралист, который занимался скрещиванием между собой различных, часто очень далеких друг от друга животных. В его лаборатории можно было увидеть самых невероятных гибридов.

Имя этого «чародея» — доктор Ройлотт (не путайте его с доктором Ройлоттом из «Пестрой ленты» Конан-Дойля, он только его однофамилец, хотя в их подозрительной любви к ядовитым тварям и есть что-то общее). В своей диссертации Ройлотт описал результаты опытов по скрещиванию ящерицы с гадюкой: «Были получены,— говорит он,— жизнеспособные эмбрионы». Ройлотт пришел к заключению, что можно получить жизнеспособных эмбрионов и от скрещивания кобры с ядозубом **.

Видимо, с этой благородной целью он переехал в Индию, где, как известно, кобры водятся в изобилии, и поселился в Калькутте (а доктор Ройлотт из «Пестрой ленты», если читатели помнят, напротив, начал свою карьеру в Калькутте, а позднее переехал в Англию, в поместье Сток-Морен, так что между обоими Ройлоттами есть, хотя

---

* Герпетологи — зоологи, изучающие пресмыкающихся животных.

** Некий (тоже доктор) Клобер считает, что именно эти подросшие эмбрионы, сбежав из лаборатории Ройлотта, послужили причиной гибели Джулии Стонер, а не «болотная гадюка, опаснейшая змея Индии», как полагает Конан-Дойль в рассказе «Пестрая лента».

и обратная, но определенная связь). Здесь «великий» гибридизатор основал лабораторию и продолжал свои эксперименты. Кобр сколько угодно было под рукой, но ядозуба пришлось выписать из Мексики.

Получилась «дьявольская комбинация» — помесь самой ядовитой змеи с отвратительной ящерицей. От одного из родителей (по-видимому, от папаши, так как слово ядозуб мужского рода) страшный гибрид унаследовал проворство и внешность ящерицы, от другого (от мамаши-кобры) предательский характер и хитрость. Оба прародителя, кроме того, наделили своего отпрыска дурным нравом и непомерной ядовитостью (как известно, признаки родителей усиливаются в результате гибридизации). Яд буквально сочился из его тела! Стоило лишь прикоснуться к этому зловещему созданию — и немедленно наступала смерть! Гибрид, по-видимому, мог убивать и на расстоянии, брызгая ядовитой слюной. Словом, это был настоящий аллер-горхай-хорхай, или, говоря «по-русски», олгой-хорхой.

Случилось так, что некоторые из отвратительных отпрысков этого преступного скрещивания убежали из лаборатории Ройлотта. Избегая шумной сутолоки на улицах Калькутты, беглецы устремились в окрестные джунгли.

Там расплодились и, расселяясь дальше, проникли через Гималайские горы и плоскогорья Тибета в пески пустыни Гоби, которая стала для них второй родиной. Когда экспедиция нью-йоркского Музея естественной истории прибыла в Монголию, ее сотрудники нашли здесь уже сложившиеся легенды о кобро-ядозубах, по-местному, аллер-горхай-хорхаях.

Американские ученые — доктор Богерт из Музея естественной истории в Нью-Йорке и доктор Дель-Кампо из университета в Мехико, считая, что столь исключительное животное не должно оставаться в неизвестности, дали аллер-горхай-хорхаю научное описание и научное название. Оно приведено в их монографии о ядовитых ящерицах Америки, которая была опубликована в 1956 году. Новому животному они присвоили название — Sampoderma allergorhaihorhai*, сопроводив его следующим описанием, которое я приведу с некоторыми сокращениями.

* Слова «sampa» — по-индийски значит змея, а «derma» — окончание от латинского названия ядозуба — Heloderma; allergorhaihorhai монгольское название предполагаемого животного.

«*Название вида.* Sampoderma allergorhaihorhai species nova.

Диагноз вида. Животное похоже на колбасу. В верхней челюсти длинные ядовитые зубы, как у кобры, в нижней многочисленные ядовитые зубы, как у ядозуба. Ноги и когти есть, так как отлично лазает по шнурку от звонка (смотри «Пеструю ленту» Конан-Дойля). Уши тоже есть, так как слышит свист (смотри там же). Окраска — как в «Пестрой ленте». Помесь кобры и ядозуба.

Псевдо-идео-голотип (то есть экземпляр животного, по которому составлено научное описание вида) — услышан от монголов в пустыне Гоби, плюс описание доктора Клобера.

Распространение. Пустыня Гоби, за исключением районов, обследованных палеонтологической экспедицией американского Музея естественной истории, Индия (окрестности Калькутты) и, возможно, Бэйкер-Стрит * в Лондоне (резиденция великого Шерлока Холмса).

Способ определения пойманных экземпляров. Весьма прост, если проделать следующую процедуру. Прикоснитесь к пойманному животному большим пальцем ноги или руки, либо обычным пальцем (если предпочитаете, можно и носом). Если за этим действием последует ваша немедленная смерть, можете быть уверены, что животное, определяемое вами, настоящая Sampoderma allergorhaihorhai. Отрицательный результат будет означать, что исследуемый вид не является самподермой».

Вы, конечно, догадались, что все это шутка. Забавы ради, чтобы оживить однообразие научного трактата и посмеяться над легковерием некоторых своих коллег, американские зоологи включили в текст монографии эту «страничку юмора». Но, увы! Понимать юмор дано не каждому: не все заметили столь явную насмешку в словах Богерта и Дель-Кампо, обращенных к личности мифического аллер-горхай-хорхая. Я знаю один солидный научный

* Мне кажется, авторы допустили ошибку: если это удивительное существо и водится в Англии, то, должно быть, не на Бэйкер-Стрит, а в поместье Сток-Морен, где жил доктор Ройлотт из «Пестрой ленты», который, по мнению доктора Клобера, в своих преступных целях пользовался не «болотной гадюкой, опаснейшей змеей Индии» (ее и в природе не существует), а гибридами кобры и ядозуба, позаимствованными у своего коллеги и однофамильца настоящего доктора Ройлотта (смотри статью доктора Клобера «Правда о «Пестрой ленте» в детективном журнале «Бэйкер-Стрит», том 3, стр. 149—157, 1948 г.).

журнал, который, рассказывая о работе этих зоологов, принял всерьез описание химерической самподермы и сообщил о нем как о действительном открытии.

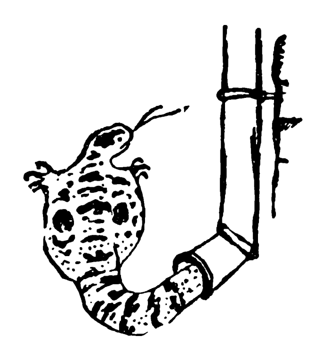
Еще бы, ведь описание нового рода и вида ядовитых ящериц, прародителей легенд об аллер-горхаї-хорхае, сделано по всем правилам зоологической классификации, с применением всех обязательных в таких случаях терминов и вставлено между серьезным повествованием о свойствах яда хелодерм и их хозяйственном значении. Шутники поместили в своей работе даже рисунок самподермы — гибрида кобры и ядозуба!

Хороший урок легковерным исследователям, готовым любой миф принять за истину, и хорошее предупреждение для тех читателей, которые, может быть, слишком доверчиво отнеслись ко всем историям о диковинных существах, рассказанным в этой книге.

Конечно, не все истории заслуживают полного доверия, но и не все могут быть сброшены со счета.

Разве недостаточно убедительные примеры — открытие латимерии, такахе, коу-прея, африканского павлина и многих других загадочных и неизвестных прежде существ? Определенные шансы на признание в будущем имеют и такие животные, как сумчатый тигр, обезьяна Луа, пятнистый лев, татцельвурмы и даже морской змей. Возможность поимок других загадочных созданий, истории которых рассказаны в этой книге, весьма и весьма проблематична.

И все-таки, прежде чем сказать о них последнее слово, добросовестный исследователь обязан изучить все обстоятельства дела.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Книга Игоря Акимушкина — научно-популярное произведение особого рода. Вся она состоит из вопросов и загадок, порой необыкновенных и волнующих воображение. На первых же страницах автор уводит читателя в чащу Амазонской сельвы, к недоступным болотам Центральной Африки, в безводные пустыни Азии и Австралии, в глухую сибирскую тайгу. Путь идет не по проторенным дорогам, не по известным туристским маршрутам, где вас ждут «отдых на лоне девственной природы, все удобства в пути и благоустроенном лагере...» и... довольно обыкновенные, уже хорошо известные из книг и путеводителей впечатления. Вы следуете по тропам диких зверей, идете напрямик через джунгли, преодолеваете опасные болота и топи, страдаете от недостатка воды в пустыне. Порою встречаются и тропы, проложенные людьми, но на них видны не следы сапог, а отпечатки босых ног. Эти тропы приводят вас к жилищам людей — охотников и рыболовов,— которым известны многие тайны дикой природы.

Здесь вы услышите легенды и рассказы о различных очень редких, таинственных, а порою вовсе не виданных животных. Вы верите и не верите. Попросту отбросить все это нельзя. Ведь известно, что народная мудрость нередко обгоняла мысль ученых.

К тому же и сами путешественники и исследователи в девственных джунглях или в глубине океана наталкиваются порой на неизвестные им следы. Иногда следы эти достаточно заметны, а нередко едва различимы, и бывает, что воображение исследователя дополняет картину. Это

и понятно. Неведомое! Оно всегда волновало людей, будило воображение и всегда вело к открытиям, разгадке тайн природы.

Конечно, здесь следует четко отграничивать (что очень нелегко) здоровые интересы от дешевого ажиотажа. К сожалению, в погоне за сенсацией нездоровый ажиотаж — нередкое явление во многих зарубежных странах.

Таким неразгаданным или недавно разгаданным загадкам природы посвящена книга И. Акимушкина. Сочинение такого рода — первый опыт в отечественной литературе. Если подобные материалы и публиковались у нас, то только в различных журналах и газетах. За рубежом книги на такую тему (Эйвельманса, Крумбигеля, Удеманса, Сэндерсона и других авторов) хотя и появились сравнительно недавно, но уже получили всеобщее признание.

Правда, и до настоящего времени вопрос о надобности популяризации сведений о непойманных еще животных несколько дискуссионен. И перед учеными и литераторами встает дилемма: как быть? Писать или не писать?

Некоторые из ученых, сторонники только совершенно четких и ясных фактов, не вызывающих никаких сомнений, говорят: «О всех этих подозрительных животных писать не следует». Справедливо, что излишний либерализм в науке вреден. Однако многолетний опыт показывает, что выигрывают, как правило, другие исследователи, наделенные незаурядным воображением, здоровой фантазией и, если угодно, особым научным романтизмом. Именно они, проникая мыслью в самые сложные лабиринты закономерно, но прихотливо устроенной природы вещей, больше, чем другие, способны совершать и неожиданные открытия. Мысль ученого в состоянии предвосхитить самую большую неожиданность. Однако приходится с сожалением отметить, что непредвиденных находок в зоологии и зоогеографии, пожалуй, слишком много (ведь от случайностей в природе вполне избавиться нельзя). Часто приходится слышать: «Совсем не ожидал встретить здесь этого зверя» или «Совершенно не предполагал, что такой новый вид мог быть описан» и т. д.

Иногда, правда теперь очень редко, можно услышать и такое мнение: «Все животные уже давно описаны, о них все известно, да и вообще таких мест, где неизвестные виды могли бы встречаться, не осталось, так как ученые и путешественники всюду побывали...» Такое мнение, конеч

но, ошибочно. Несомненно, что в тропических лесах Южной Америки или Малайского архипелага нам теперь очень многое известно. Однако не секрет, что в западной части Амазонской низменности до сих пор обитают племена, которых почти не коснулась цивилизация. О их жизни известно крайне мало. Еще более необыкновенный факт: совсем недавно в труднодоступной заболоченной местности во Флориде в США были обнаружены небольшие изолированные от внешнего мира поселения индейцев, о существовании которых власти ничего не знали. Это — люди; а что же можно сказать о животных?

Несомненно, что фауна земного шара в целом в настоящее время изучена достаточно полно (правда, лишь в отношении позвоночных животных). Однако осталось довольно много интересных уголков нашей планеты, где ученые-зоологи еще не бывали или обследовали их очень поверхностно. Это леса тропиков, главным образом Южной Америки и отчасти Африки, некоторые участки пустынь Центральной Азии, гор Северо-Восточной Сибири, многие районы высокогорий мира. Несомненно, что здесь зоологи еще найдут немало нового и интересного. Необходимо напомнить, что у многих животных ареалы их распространения простираются всего лишь на сотни километров, а иногда и еще меньшую территорию. Известны виды, распространение которых ограничено только Кавказом или пустынями Средней Азии. Обилием эндемических видов славится озеро Байкал. Некоторые же мелкие животные, населяющие резко изолированные местообитания — такие, как пещеры или термальные источники, имеют совсем крохотные ареалы. Естественно, что виды этих животных легко могут оставаться незамеченными при кратковременном и беглом обследовании территории.

Даже для Советского Союза, где животный мир внимательно исследуется многочисленными экспедициями зоологов, можно указать на животных, которые до недавнего времени не были известны науке. Одних только тушканчиков в Средней Азии описано за последние тридцать лет шесть новых видов, причем некоторые из них принадлежат даже к новым родам — гребнепалый тушканчик, тушканчик Лихтенштейна. Более того, в 1938 году в пустыне Бет-Пак-Дала были найдены представители нового семейства грызунов — селевинии, или баялычные сони, названные так в честь В. А. Селевина, много сделавшего для изу-

чения природы Средней Азии и впервые обнаружившего этих интересных зверьков. Наш известный натуралист, профессор А. Н. Формозов, установил, что казахи, кочующие в пустыне, давно знают баялычную соню, она известна у них под названиями «калкан-кулак» и «жалман-кулак». Оба названия очень метки: отмечают наиболее заметный признак селевинии — большое и округлое ухо («калкан-кулак» означает «щит-ухо»).

Описание новых еще более мелких животных, например членистоногих (особенно насекомых), дело значительно более обыкновенное. Каждый квалифицированный исследователь, отправляясь куда-нибудь в высокогорные районы Центральной или Средней Азии, может быть почти уверен в том, что ему не понадобится много времени, чтобы обнаружить новых для науки видов насекомых.

С крупными животными дело, конечно, обстоит иначе. Новые виды среди них открываются в настоящее время очень редко. Однако все же известны ведь и в текущем столетии описания крупных зверей и рептилий — окапи, карликовая горилла, комодский варан и другие.

Так обстоит дело с новыми видами. А сколько имеется видов редких и редчайших, описанных и известных всего лишь по нескольким случайно пойманным экземплярам, а нередко даже по единственному? Таких видов великое множество. Обнаружить и поймать редких животных бывает нелегко. Случается, что описанные по единичным экземплярам виды в течение десятков лет не попадаются больше в руки даже опытных исследователей, несмотря на самые тщательные поиски. Так, например, было с хентаунской круглоголовкой в СССР, бамбуковым медведем в Китае и другими видами.

Необходимо, правда, отметить, что к некоторым описаниям «новых» видов следует относиться с осторожностью: при более объективном исследовании они могут оказаться не обособленными видами, а всего лишь разновидностями уже известных видов, незначительно отличающимися от них. При более внимательном изучении они довольно скоро «превращаются» в подвиды или вообще сводятся к нулю. Например, еще совсем недавно американские зоологи считали, что в Северной Америке обитает будто бы очень большое число медведей. Впоследствии было доказано, что в действительности их там водится в несколько раз меньше. Такого рода ошибки очень обыкновенны при

условии дробного понимания вида, и это следует иметь в виду читателю книги И. Акимушкина.

Не всегда легенды местных охотников могут служить надежным источником фаунистических сведений. В противном случае было бы обнаружено столько же новых, необыкновенных животных, сколько фигурирует их в легендах.

Можно вспомнить здесь слова африканского путешественника Льюиса Котлоу. Он заметил, что пигмеи из леса Итури, отвечая на вопросы, «нередко говорят то, что хочется услышать путешественнику. Они делают это не из желания обмануть, а чтобы доставить удовольствие собеседнику. Натуралисту, мечтающему открыть неизвестный науке вид животных, дружелюбно настроенные пигмеи рассказывают о фантастических зверях» *. Именно поэтому долгое время ученые не хотели поверить в существование окапи — считали рассказы местных жителей гостеприимной «болтовней дикарей».

Примерно то же самое можно сказать и о многих сообщениях, полученных от натуралистов и путешественников. Разница лишь в том, что у «цивилизованных» рассказчиков обыкновенно нет религиозных мотивов и больше выражено стремление к сенсации.

Однако все эти немалые затруднения ни в коей мере не дают нам оснований отказываться от разумного анализа и того или иного толкования многочисленных и разнообразных по своему характеру сведений о «таинственных животных».

Итак, можно сделать вывод: писать об этом нужно и тем более необходимо сообщать о «неведомом» широким кругам читателей, так как нет более трезвого критика, чем народ и время.

Несколько слов об авторе книги «Следы невиданных зверей». Игорь Иванович Акимушкин молодой ученый и литератор. По специальности он биолог; его диссертация была посвящена осьминогам Тихого океана. Он хороший охотник и спортсмен. Пока ему еще не удалось побывать в различных экзотических странах. Все, что он написал в этой книге, почерпнуто из многочисленных литературных источников. Однако по Советскому Союзу И. Акимушкин путешествовал много и с природой и с дикими животными знаком хорошо.

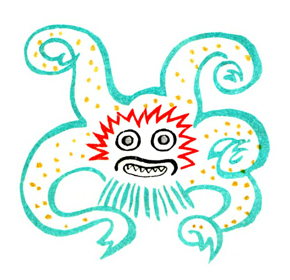
Е. Е. Сыроечковский

---

* Л. Котлоу. Занзабуку, М., Географгиз, 1960.

ОГЛАВЛЕНИЕ

56 коп.

Географгиз · 1961